

Лариса Бортникова
Александра Давыдова

РОСТОВ

ЛАБИРИНТ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательство «Этногенез»
Москва, 2013

«Аргументы и Факты»
Москва, 2013

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б31

*Книга издана при поддержке
деловой газеты ВЗГЛЯД, ДНИ.РУ, RUSSIA.RU*

Бортникова, Л.

Б31 Ростов. Лабиринт / Лариса Бортникова, Александра Давыдова — М. : Издательство «Этногенез», 2013. — 352 с.

2012 год. Ростов-на-Дону. После окончания школы Макар Шорохов отказывается от поездки в Европу и остается в родном городе для того, чтобы раскрыть тайну ростовского подземелья, где пропадают люди. По телевизору крутят сюжеты о древних кладах и таинственных орденах, об оккультных науках и секретных военных бункерах. Но что из этого правда? Макар решает во что бы то ни стало добраться до истины, еще не зная, что ему придется обыграть судьбу и самого дьявола, побывать в ином времени и пространстве, потерять лучшего друга и обрести любовь. И один из главных козырей в этой игре — маленькая серебристая черепаха.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б31

ISBN 978-5-906338-06-8

© Рыков К., 2013
© Бортникова Л., 2013
© Давыдова А., 2013
© Издательство «Этногенез», 2013

ЭТНОГЕНЕЗ — ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАЗЛ

Такого еще не было. Знакомьтесь — это «Этногенез». С полным правом этот проект называется самым грандиозным в истории литературы! Каждая его книга — отдельная увлекательная история, каждая серия — новый поворот сюжета. Вас ждут затерянные миры и их секреты, захватывающие приключения, путешествия во времени и пространстве — в настоящее, прошлое, будущее. С каждой прочитанной историей у вас появляется возможность самим складывать, словно мозаику или пазл, удивительную вселенную «Этногенеза».

ЧТО ТАКОЕ «ЭТНОГЕНЕЗ»?

Почему, по убеждению Артура Кларка, магия и технология неотличимы?

Почему человек начал искать пути к достижению будущего, лишь обретя прошлое?

Какими путями осуществляется развитие человечества, какие средства используются?

Как удастся простому кочевнику покорить полмира, а никому неизвестному лейтенанту-артиллеристу стать императором и кумиром миллионов?

Нищий художник-неудачник вдруг открывает в себе дар убеждения необычайной силы и взмывает к вершинам власти. Но этот дар направлен во зло, и что сумеют противопоставить ему те, кого новый вершитель судеб обрекает на смерть?

Откуда приходят в наш мир воины, политики, ученые, художники, писатели, которым суждено не просто оставить след в истории, а изменить ее ход? Жестокие диктаторы, безудержные авантюристы, фанатичные террористы и гениальные философы — чем отличаются они от обычных людей?

Возможно ли разгадать тайну их «сверхспособностей» — феноменальную память, необычайную выносливость, выдающуюся силу, а порой и просто откровенно мистические свойства?

Известный историк-этнограф Лев Гумилев в поисках ответов на эти вопросы разработал теорию пассионарности, основу которой

составляет идея об избыточной биохимической энергетике тех, кому суждено перевернуть мир.

Литературный сериал «Этногенез» продолжает и развивает идеи выдающихся ученых А. Кларка и Л. Гумилева. «Этногенез» — это оригинальная версия эволюции человечества, и лучшие современные авторы-фантасты представляют на суд читателей свои романы-объяснения.

Все книги проекта связаны между собой. Собранные воедино, они раскрывают перед читателем захватывающую картину человеческой истории. Как зародилась разумная жизнь, как она развивалась и есть ли у нее шанс на выживание — об этом и рассказывает «Этногенез».

Почему проект «Этногенез» — это не просто интересные книги и качественная литература?

Мы любим нашу историю. На страницах книг по новому оживают такие выдающиеся люди как Чапаев, Иван Грозный и многие другие. Надеемся, что частица нашего интереса к мировой истории, благодаря ее живому изложению, передастся и вам.

Мы пишем о вечных ценностях, но современным языком. По отзывам наших читателей, книги проекта читаются ими на одном дыхании. Некоторые из них даже говорят о том, что наши книги вновь вернули им интерес к чтению после долгого перерыва. Возможно читатели слишком добры к нам в оценке нашего труда, но нам приятно думать, что хоть отчасти это так.

И наконец, проект «Этногенез» — живой сериал: сюжеты и их герои рождаются практически на ваших глазах. Литературная мозаика складывается именно сейчас, когда вы читаете эти строки. Для авторов и создателей сериала очень важно мнение читателей — мы стараемся работать, чтобы вам было интересно.

Читайте, верьте, участвуйте!

ПРОЛОГ

Крик метался по тоннелю, отражался от стен, дробился на отдельные визгливые ноты, собирался обратно — в нутряной утробный вой. Живые люди так не кричат. Это звук самой смерти — из раззявленного рта того, кто уже одной ногой в могиле. А то и двумя.

По тоннелю, спотыкаясь, отталкивая друг друга, чиркая плечами по стенам — до разодранных рукавов, до крови, — бежали двое. Задыхались, отплевывались густой пеной, дышали надрывно — будто у каждого в груди не легкие, а захлебнувшиеся воздухом кузнечные меха.

Крик догонял их, подхлестывал, заставлял бежать все быстрее — хотя, казалось, невозможно, просто невозможно быстрее — в темноте, исчерканной полосами налобных фонариков, по неровному выщербленному полу.

Вдруг голос кричащего сзади всхлипнул и погас — будто кто-то выключил человека. Нажал на кнопку, прихлопнул громадной ладонью. И тишина. Ватная, плотная, давящая на уши...

Вдвойне страшная — на контрасте. Бегущие затормозили. Прислушались. Один с кряхтением нагнулся, чтобы затянуть шнурки на ботинках — во время бега ему все время чудилось, что вот-вот они развяжутся, он споткнется и тогда... Лучше не думать. Другой привалился к стене и прерывисто выдавливал из себя воздух, раззявил рот, как подлещик на рыбном прилавке.

Тишина длилась и длилась, мерзко-тягуче, как черная растянутая жвачка в челюстях подземелья, прерываясь только звуком капающей с потолка воды.

Кап.

Кап.

Кап.

Кап. Кап. Шлеп.

Шлеп. Шлеп-шлеп-шлеп.

Гх-кки-и-и-и-и-ххи-ххи...

Взрослый бородатый мужик, отслуживший в горячих точках, один из лучших спелеистов в России — более тридцати пройденных пещер и катакомб, — в голос смеявшийся раньше над ужасиком про подземных тварей, возрастом под сорок лет, ростом под два метра, всхлипнул — истерично, отчаянно, испуганно, совсем по-детски, — дернулся от стены и побежал дальше. Его товарищ неуклюже вскочил, споткнулся, ткнулся ладонями и коленями об пол, зарычал от ужаса, подобрался и бросился следом.

В ушах стучала кровь, барабанили глухие молоточки:

— Только бы, только бы, только бы уйти!

— Хи-хи-ххи-и-и-и-и-и! — смеялась у них за спинами темнота.

* * *

Девушка с экрана телевизора бубнила — как это всегда бывает в передачах про инопланетян, древние цивилизации и экстрасенсов, чуть снисходительно, с презрительно-ученой интонацией. Мол, будьте счастливы, что переключились на наш канал — именно здесь откроются все тайны бытия. Забудьте обо всем, чему вас учили в школе, перестаньте пользоваться здравым смыслом — и мы в лучшем виде расскажем об этом странном и непознаваемом мире:

— ...И вот в пятнадцатом веке на Дон неожиданно приходит целый отряд — возглавляет его известный венецианский политик и военачальник, Иосафат Барбаро. Достоверно известно, что его политическая деятельность была лишь прикрытием — тогда в Европе параллельно с христианством существовало множество тайных сект, поклонявшихся древним африканским и азиатским богам: Мардуку, Осирису, Исиде... И Барбаро принадлежал к одной из таких сект — Красной церкви или Церкви крови. Возможно, именно с этим связаны раскопки, которые он

вел на Кобяковом городище. Что же искал у нас, под Ростовом, этот оккультист?

Камера скользнула по буровато-серым развалинам. Фокус поменялся, картинка медленно «проехала» вдоль заросшего мхом шва между кирпичами. Вновь смена ракурса — разбитая грунтовка, справа от нее — горы угольной крошки, перемешанные с битым стеклом и гнилой ветошью. Слева — похожие на толпу призраков сизые болотные заросли. Топорщилась арматуринами, масляно блестящими на солнце, свалка. И титры: «Совсем рядом с Кобяковым городищем, фактически над ним, в конце девятнадцатого века был построен стекольный завод».

Девуцу сменил мужчина-ведущий — эдакий Индиана Джонс свежей формации, в куртке болотного цвета с небрежно завернутыми рукавами. Он шел по грунтовке, щурясь на солнце, а камера ехала за ним следом, изредка выхватывая крупные планы: мужественный небритый подбородок, широкий пояс с прицепленным к нему карабином, объемистые карманы на штанах.

— Но не все тайны городища связаны со Средневековьем. Программа «Копатели» решила провести независимое журналистское расследование, связанное с сетью катакомб под Кобяковым — в шестидесятые годы прошлого века военные хотели строить здесь подземный бункер, но в один прекрасный день все инженеры

бесследно пропали. А жители Аксая просыпались по ночам от гула, скрежета и сотрясения почвы, которое волнами шло от этих самых катакомб...

— Бредятина, — резюмировала блондинка в розовом спортивном костюме, поставила пузырек с лаком на тумбочку рядом с диваном и помахала растопыренными пальцами. — Лучше фэшн или «Муз-тв» какое-нибудь. Карин, можешь переключить? У меня ногти еще не высохли...

Черноволосая девочка с острым кукольным подбородком усмехнулась и щелкнула пультом.

* * *

— Вы уверены, что это не розыгрыш? Не спектакль, устроенный для того, чтобы напугать вас? — Сергей Александрович говорил спокойным, ровным голосом. Только зажатая в пальцах сигарета уже дотлела почти до самого фильтра, и на матово-ореховой поверхности стола лежала короткая дорожка пепла. Зажег — и ни разу не затянулся. — Сколько денег вам нужно для того, чтобы продолжать исследования?

— Извините. Я — пас. — Седой маркшейдер из Санкт-Петербурга откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди, вцепившись в плечи так, что побелели костяшки пальцев. — Конечно, если бы Костя вел себя осторожнее, у него был бы шанс остаться живым. Под землей надо быть

осмотрительным и не слишком самоуверенным. С другой стороны...

Говорящий замялся, будто подбирая нужные слова. Пожевал губами. Оглянулся на товарища. Бородач молча помотал головой — мол, ты говори.

Под потолком, между хрустальными каплями люстры, затрещал, забился мотылек.

Тяжелые шторы чуть шевелились от горячего ветра. Будто за ними кто-то прятался.

— Что именно было с другой стороны? — Сергей Александрович зажег вторую сигарету. Медленно затянулся, не отрывая взгляда от собеседника.

— Не что, а кто. Если человек попадает в капкан, в первую очередь он сам виноват — в том, что недостаточно внимательно смотрел под ноги. Но во вторую очередь стоит подумать о том, что капканы сами себя не ставят.

— Я могу нанять достаточно людей для того, чтобы очистить все тоннели от ловушек и выставить охрану.

— Не сомневаюсь. Но вы не дослушали. Дело не в железяке, даже если она дробит кости. Дело в том, кто приходит доставать добычу из капкана.

— Кто же это был?

— Господин Шорохов, — маркшейдер подался вперед, положил ладони на подлокотники кресла и закусил нижнюю губу, — вот уже десять лет вы работаете со мной. Говорили, что цените мои

проекты, потому что они кажутся вам разумными и адекватными. Можете ли вы продолжить мысль и признать меня разумным и адекватным человеком?

— Не думаю, что у меня нашелся бы повод не считать вас таковым...

— Тогда послушайте совета. Все эти пропажи и смерти в ростовских подземельях — тот фотограф на Парамонах, потом двое ваших людей, теперь — Костя... Так вот, если вы сейчас не слушаете меня и продолжите попытки залезть под землю, смертей будет гораздо больше. И если бы за убийствами стояли обычные, объяснимые, человеческие причины, я бы первым поддержал вас — копайте, Сергей Александрович! Выведите их на чистую воду, прижмите к ногтю! Но я видел — краем глаза, и этого хватило — того, кто пришел за Костей. Поверьте, его к ногтю не прижмешь.

— И? Может, наконец назовете его? — Сергей Шорохов раздраженно хрустнул пальцами.

Его собеседник развел руками и виновато улыбнулся:

— Думаю, это дьявол.

* * *

Высокий светловолосый парень шагал по парку Горького. Вопросительно вскидывал брови. Щурился. Поправлял очки. Хмурился. Перекидывал из одного уголка рта в другой пожеванную

сосновую иголку. Дойдя до Садовой, он сплюнул хвойную жвачку на асфальт и степенно зашагал через дорогу, мило улыбаясь водителям. Пробка ехала улиточьим манером, позволяя пешеходам двигаться в любых направлениях, не убыстряя шаг и ни на йоту не теряя чувства собственного достоинства.

Пройдя еще два квартала, парень остановился и достал из кармана планшет. Открыл файл с последними заметками, сверился с адресом: Социалистическая, шестьдесят восемь. Все правильно. Направо на тротуаре, примотанный цепочкой к дереву, раскорячился рекламный стендик — интернет-кафе «Лабиринт».

Два пролета вниз по ступенькам, обшарпанные стены, вытертые до блеска перила и шахматная черно-белая плитка на полу. Еще одна дверь.

— Здравствуйте! — из-за полукруглого столика, заваленного кучей фотографий и распечаток, лучезарно улыбался щекастый бородатый админ в полосатом свитере. — Меня зовут Илья, чем могу помочь?

— Эм... — парень вытащил руку из кармана и почесал переносицу. — Привет. Звучит глупо, но мне бы Тень найти.

— На игру записываться пришел? Тебе по коридору, потом через большой зал — она, по-моему, за столиком в углу сидит. Рядом с барной стойкой.

— Спасибо.

Девушка с оранжево-фиолетовыми дредами за угловым столиком сосредоточенно жевала горячий бутерброд, поэтому в течение первой минуты знакомства объяснялась знаками: взмахнула рукой — привет, показала на диванчик — садись, протянула ручку — пиши...

— Что писать-то?

— Имя. Фамилию. Ник, если есть. Ты же первый раз на игру?

— Ну да. Только я хотел сначала уточнить по правилам...

— Ой, для новичков все просто. Получишь распечатку с заданием: там ребусы, нужно разгадать, какое в них место зашифровано. Доедешь до этого места, делаешь там фотку — чтобы доказать, «нашел, мол», потом дальше по маршруту. Кто быстрее всех адреса разгадал и доехал до финиша — тот выиграл.

— Типа фотокросс, что ли?

— Как фотокросс, только наоборот. Там смысл в качестве фотографий, а здесь — в сложности доступа к интересным местам. Мы ж не просто дома загадываем. А всякие крутые штуки. Заброшенный мусоросжигательный завод, например. Или недостроенный корпус больницы на Второй Пятилетки. Очень на Сайлент Хилл похож, кстати. Ночью там офигенно.

— Мне как раз на вашем сайте этот самый набор крутых мест понравился. И карты хорошие. Коллекторы всякие. Старые планы города...

— Стараемся, чо. Ну так будешь регистрироваться? Ближайшая новичковая игра — в ночь со вторника на среду. Первая в сезоне, кстати.

— Ага. — Парень подтащил к себе листок бумаги с логотипом городской игры «Night» и размашисто вывел: «Макар Шорохов».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАХИЧЕВАНЬ

Хорошей погодой в начале октября ростовчан не удивить, но эта суббота выдалась такой замечательной, что даже заядлым домоседам захотелось вдруг на воздух. По Большой Садовой и набережной бродили влюбленные парочки, почти все скамейки были заняты — говорливыми старушками и ребятами с семечками, по аллеям парков мамы катили разноцветные коляски. Воздух пах кислинкой палой листвы, дымом костров и пылью. На город опускался вечер. И только редкие серебристые паутинки, облетающие прохожих, напоминали о том, что на дворе уже не лето, а осень и заморозки не за горами — если не в октябре, то в ноябре уж точно. Или в декабре — сто процентов, будут!

Двое молодых парней в ярко-оранжевых жилетах явно не вписывались в субботнюю идиллию. Они быстро шли через Театральную площадь —

первый, худой и высокий, двигался уверенным шагом, а второй, короткий и круглый, семенил следом и ныл:

— Жрать хочу... жесь... подыхаю вообще...

— Не ной!

— У меня желудок больной, мне нельзя делать большие перерывы...

— Ща... стой... — Длинный парень притормозил, читая пришедшее сообщение, потом вздохнул и, качая головой, быстро удалил его.

— Чо там?

— Ничего, спам...

— Врач сказал, мне нужно дробное питание. Шесть или даже восемь раз в сутки, иначе...

— Ну так слопай уже что-нибудь... — перебил его длинный, заметно раздражаясь.

— Что? — развел руками короткий. — У нас что-то есть?

— Камни не пробовал? Сытно и некалорийно.

— А... Очень смешно, — закивал короткий, поджав губы.

— Ты только что ел, Цыба, ну куда в тебя лезет! — примирительно улыбнулся длинный.

— Это «только что» было пять часов назад, а доктор сказал...

— А-а-а-а... — мучительно протянул длинный, хватаясь за голову. — Какой же ты нудный!

— Станешь тут нудным, когда желудочный сок растворяет живую плоть...

— Да твою плоть даже в ванной с кислотой не растворишь, — усмехнулся длинный, ткнув друга в живот.

— Пошел ты! — Короткий резко вскинул руки, оттолкнул длинного от себя и сделал несколько шагов назад. — Короче, ты как хочешь, а я иду жрать. Мне эти твои игры на фиг не уперлись, у меня расписание — каждые три часа, понял?

Эти слова были сказаны с таким серьезным лицом, что потребовалось собрать всю силу воли, чтобы не заржать.

— Понял...

— Ты мой лучший кореш, но желудок мне тоже не чужой, и он сигналил, что ему паршиво... понял?

— Ага...

— И если ему паршиво, значит, я должен его уважить. Это мой организм, и если я не буду его беречь...

Это было уже слишком, и длинный раскололся, расхохотавшись во весь голос.

— Ну ты и сволочь, Шорох. Что б я с тобой еще когда-нибудь...

Цыба развернулся и широкими шагами направился обратно, в сторону кафе. Макар позволил себе задержаться, чтобы отсмеяться до конца, но потом прерывисто вздохнул и отправился вслед за другом.

Не то чтобы Цыбин Игорь Иванович — низкорослый молодой человек пухлой комплекции и опасливых повадок — боялся темноты, но мысль свернуть в частный сектор показалась ему определенно лишенной целесообразности. А уж после приятного плотного ужина и вовсе преступлением. Он так и заявил своему напарнику. И вздохнул, когда ему демонстративно не ответили.

— Ну чего к Дону? Обоснуй, — жалобно хныкал Игорь Иванович, волочась следом за другом и по совместительству двоюродным братом Макаром Сергеевичем Шороховым. — Давно не махался? Адреналинчику охота?

— Нужно.

— Ни фиги не нужно. По игре вообще надо к Парамоновским складам пилить.

— Ты можешь хотя бы пять минут не ныть?

— А я что, ною?

Макар выразительно посмотрел и промолчал.

— Ой, вот только не надо делать такое лицо...

— Цыба!

— Чо?

— Ничо! Ты болтаешь без умолку, у меня башка пухнет...

— Я просто не уверен...

— Не паникуй!

— Кто паникует? Я паникую? Я осторожен. Предусмотрительность — мое второе имя.

А ты — отмороженный. Черт, Шорох. Ну на фига к Дону, а?

— Цыба! Пять минут! Пять минут тишины!

Высокий, спортивный, с дерзким взглядом из-под русой густой челки юноша сбавил шаг и теперь шел неспешно, вразвалочку, будто прогуливаясь. Однако впечатление это было ошибочным. Таким сосредоточенным Макар Шорохов не чувствовал себя, пожалуй, еще ни разу за свою семнадцатилетнюю жизнь. В руках он держал планшет и что-то помечал в нем тонким стилусом, то и дело хмурясь и покусывая нижнюю губу.

— Знаешь, что меня прикалывает во всем этом, Цыба? Почти все аномалки в городе — под Ангуриянами. Как где на карте место силы, так рядышком ангурияновский логотипчик светится.

— Ты ж говорил, что на «найтовских» схемах все от балды?

— Ну, не всё. Процентом девяносто. Наложить оставшиеся десять на то, что я попер у бати, добавить нарытое в архивах, и получается сказочно. Как где геопатогенная зона, так наши армяшки-Ангурияшки тут как тут. Захавали все точки доступа в ад. И провайдером у них Сотона.

— Похоже на паранойю, — фыркнул Цыба.

— Смотри сам — вот игровые карты, вот то, что я у бати с ноута согнал, вот архивные раскладки. Теперь глядим на совмещенные схемки — сбоку я ангурияновские активы расписал. Видишь?

— Издеваешься? Я без очков маму родную не узнаю.

— Ну а что ты без очков вышел? — возмутился Макар.

— Я думал, тут телки будут...

— А на фига тебе телки, если ты их даже не увидишь?

— Главное, чтобы они меня видели, — самодовольно усмехнулся Цыба.

— Вот уж не уверен!

— Ой, ой, ой... Наш мальчик почувствовал конкуренцию и занервничал? — расплылся в улыбке Цыбин, почесывая живот.

Макар мученически закатил глаза и вернулся к планшету.

— Короче, чтоб ты понял: из не захваченных Ангурынами геопатогенных зон — только мукомольный и Кобяково, которое перекупить кишка тонка — археологический памятник.

— Мукомольный? Так это... — Цыба важно повел бровями и сделался серьезным. — Его уже продали.

— Кому? Почему я не знаю?

— Да потому, что ты по катакомбам шарисься третью неделю.

— Кому продали? — повторил Макар, пропуская упреки мимо ушей.

— Ну кому-кому! Армяшкам твоим. Ангурынам! Бати наши бились-бились, а толку? Армяки

с понедельника уже охрану выставляют. Лаваш будут там свой печь.

— О как! — Стилус ткнулся в монитор. На испещренной значками карте появился новый крестик. — Слышь, а может, метнемся сразу на мукомольный, а потом в Кобяково, на раскопки? С ребятами за черный коп побазарим. Археология — любопытная вещь!

— Какой коп? Какая археология? — Цыба вытаращил глаза. — Знаю я, чего ты психуешь! Тебе метро батино поперек горла встало.

— Цыба...

— Нет уж! Не Цыба, — толстяк не желал унижаться. — Отец твой после разговора с маркшейдерами что сказал? «Баста», сказал. «Забыли». А ты прешь. Никто не смог, а ты, типа, крутой? Псих ты отмороженный! Я знаешь что? Я на тебя бате твоему настучу. Можешь меня потом даже гнидой звать, но хоть жив останешься. Мы же сами слышали ту пургу, что диггер гнал... И не надо думать, что я тупой и ни о чем не догадываюсь...

— Ну если ты такой умный, значит, понимаешь, что останавливать меня бесполезно! — отрезал Макар, сунул планшет в огромный накладной карман и зашагал вдоль по Мясникова.

Выпорхнули из заросшего палисадничка две девчонки — лет одиннадцати, не больше. Увидев ребят, прыснули, переглянулись и стреканули

обратно в калитку. Цыба снова вздохнул и поплелся следом за другом. Спорить с Шороховыми — занятие бесполезное. Тем более, с Макаром.

* * *

Макар Шорохов. Во всех смыслах странный человек. Сейчас ему семнадцать, хотя выглядит он чуть старше — это из-за роста.

Говорят, Макар ничего и никого не боится. И вовсе не потому, что он Шорохов, а значит, за его спиной вся сила шороховской империи.

Говорят, Макару Шорохову феноменально везет. Да и вообще он — псих!

Кто, как не псих, пригонит себе из Штатов убитый желтый «Рэнглер» черт-те знает какого года выпуска и станет гонять на нем с отмороженными стритрейсерами по городу? Кто, как не псих, бросит Юльку Зотову — Мисс Что-то там две тысячи восемь, фотомодель и гордячку, да так, что она удалит все свои аккаунты в соцсетях? Кто, как не псих, станет возиться с толстым занудой Цыбой, при виде которого даже учителя начинают зеленеть от тоски?

А еще говорят, Макар — самый красивый на Ростове парень. Кто говорит? Да все говорят. И девчонки из тридцать шестой школы, где Макар проучился до восьмого класса, пока не перешел на домашнее. И девчонки из школ соседних и дальних. И те, кто знает Макара с детского

сада, и те, кто с ним не знаком, но регулярно заглядывает на его страничку «В контакте», чтобы посмотреть, не вывесил ли Шорох ненароком новых фот.

Но Макар — редкий гость в сети. Ему некогда. Через месяц его ждет кампус одного из самых известных университетов Европы. Он должен был уехать туда еще летом, но отчего-то задержался. Впрочем, девушкам это лишь в радость. Потому что Шорох все еще в Ростове. Потому что его можно «случайно» встретить или в одном из клубов, или на ипподроме. А еще не так давно Макар зарегистрировался на сайте городской игры «Night» — и стал заядлым квестовиком. Теперь он, нацепив дурацкий жилет, бродит по городу или сам по себе, или вместе с Цыбой. Станный он — этот Макар Шорохов.

* * *

Ярко-оранжевый жилет, купленный месяц назад в магазине спецодежды, на ком угодно смотрелся бы глупо, но Макару он, как ни странно, добавлял бесшабашного очарования. Правда, привлекал к себе внимание прохожих, но известно же, что чем ярче маска, тем проще за ней спрятать истинные намерения. Что, собственно, и требовалось! Поинтересуйся кто, зачем это Макар разгуливает по Нахичевани, где Шороховых не жалуют лет эдак сто, — ответ готов. Игра!

Городской квест «Night» — популярный среди ростовских неформалов. Не верите? Зайдите на страничку «найтов» и убедитесь сами. Там выложены графики и приблизительные маршруты; там, на форуме, захлеб обсуждают последнюю игру; там фотографии, где чудаки в робах морковного цвета позируют на фоне мусоросжигательного завода с такими блаженными улыбками, словно дело происходит в Монако или Ницце. На двух-трех снимках можно разглядеть дядю в круглых очках — это сам Шорохов. Рядом с ним толстячок с кислой физиономией — Цыба. «У богатых свои причуды», — плоско отшучиваются олдовые «найты», когда их спрашивают, «какого овоща позабыли здесь эти мажоры?».

Как бы то ни было, у Макара с Цыбой в стаже уже по четыре игры, и хотя ни один квест они так и не прошли до конца, рекламу «найтам» сделали отличную. Лайки, смайлы, комментарии от анонимов и просмотры, просмотры, просмотры...

Замечено, что больше всего просмотров приходится на один-единственный нахичеванский айпишник. Такое впечатление, что кто-то целыми днями не вылезает с «найтовской» странички, отслеживая каждую новость. Но мало ли какие у людей могут быть тараканы — поэтому «найты» пожимают плечами и продолжают радоваться ползущему вверх рейтингу. А то, что на

неделе пришел запрос из администрации, мол, кто позволил ночами шастать по аварийным домам и катакомбам, ерунда.

«...Спортивное ориентирование и культурно-исторический контекст. Нашей игрой увлекаются многие известные ростовчане, например Шорохов М. С. Были бы признательны за поддержку», — ответ уходит в тот же день. Фамилия «Шорохов» обязана стать волшебным ключиком к чиновничьим сердцам. Прием не самый честный, но действенный. Против Шороховых городская администрация ни за что не пойдет — себе дороже. А значит, можно и дальше устраивать игры когда угодно и где угодно. Хоть в Ботанике, хоть в той же Нахичевани.

* * *

— Шорох, вот какого мы тут, а? Может, ты не в курсе — но вокруг гребаная Нахичевань. Ой-ой! Не-е-ет! Вот не сюда. — Цыба вцепился в жилет друга обеими руками, словно Макарь только что шагнул с края пропасти вниз и удержать его — значит спасти от неминуемой смерти.

Темнело быстро, как и бывает на югах. Ночь жадно допивала закат, втягивала внутрь себя вечернюю городскую суету. Стихла уличная суматоха, все вокруг стало седым, призрачным, и даже запоздалые чайки-рыболовы принялись

кружить над рекой медленно, словно спутанные дремой. Зажглись редкие фонари. Вытянулись, ожили тени, и октябрьский Ростов, днем солнечный и смешливый, как первоклашка, вдруг осунулся и постарел.

— Всё будет хорошо, не дрейфь, — неожиданно по-доброму шепнул другу Макар, притормозив на секунду. — Завтра спалим эти тряпки, затусим в «Леонардо» и всё. Даю слово.

— Клянешься? И никаких больше «найтов»? Никаких раскопок? Никакого метро? Скажи тогда, как положено... Вот не ржать.

— Чтоб мой глаз заплесневел! Чтоб чудище отгрызло мне руки! Чтоб я лопнул! — Макар сплюнул, растер плевков подошвой армейского берца и все-таки не выдержал — рассмеялся. Эту «страшную клятву» мальчишки придумали еще в детском саду, куда ходили вместе с трех лет, откуда потом перебрались в школу и где до самого восьмого класса сидели за одной партой.

— Ладно. Только пулей!

Цыба свернул вслед за другом на Девятую линию. Резкий порыв ветра швырнул в друзей пригоршней пыли и мелкого щебня — не то злился, не то хотел о чем-то предупредить, но Макар лишь прищурился и еще шире расправил плечи. Метров через двести он остановился и извлек из глубокого кармана планшет. Пролистнув игровую карту, уставился на испещренный

мелкими значками скан, взъерошил ладонью челку и что-то пробурчал под нос.

— Чего?

— Вот, говорю, и ангурияновская хата!

— Замок графа Дракулы — Ангурияколы. — Цыба окинул подслеповатым взглядом старый кирпичный дом, выходящий крыльцом прямо на улицу.

Дом хмурился зашторенными окнами первого этажа и жадно чернел пустой мансардой. Висящий под козырьком крыльца фонарь раскачивался, яркое пятно света металось по обглоданным временем ступеням, и казалось, дом — не дом вовсе, но спящее чудовище, что вот-вот захрустит хребтом, сойдет с фундамента и раздавит непрошенных гостей в труху.

— Жуть. Ему типа лет сто?

— Сто сорок, если верить «гуглю». Под снос давно пора. — Макар пнул носком берца облупившийся цоколь. — Как думаешь, с чего это они за свою рухлядь цепляются?

— Жадные? — робко предположил Цыба. — Или, может, память предков и всё такое? У носорогов, сам знаешь, свои заморочки.

— Угу. Все так думают. Заморочки... Только похоже, что... А-га-а-а! Вот и хозяева!

С надсадным хрипом отворилась входная дверь. Изнутри пахло сладким, ванилью или клубничными пенками. Домашний теплый

запах, совершенно безопасный. Однако Цыба поежился.

— Что надо, сыр-р-ротки? На хлебушек не хватает? Так тут не подают, — раздался голос с едва уловимым акцентом, причем совсем не армянским, как можно было предположить при взгляде на смуглого парня, стоящего в дверном проеме, а очень даже американским. Парень был невысокого роста, слегка сутулился, но под закатанными до локтей рукавами университетской куртки-бомбера выпирали мышцы, а взгляд был дерзким и немного отстраненным. Хотя, возможно, так казалось из-за гетерохромии — один глаз у хозяина дома был синим, другой — зеленым.

— Не... Мы надясь в трактире щец покушамши, барин. — Макар шагнул вперед, закрывая спиной притихшего Цыбу.

— Неужели потерялись?

— В точку! Шли по квесту, заигрались и оп-па! Ой. Где это мы?

— Заигрались?

— Ну да. Модная игра. Аномальные зоны, заброшки, катакомбы, все такое. Вот. Бродим по городу в поисках тайн. Хотя о чем я? Какие игры? Вы ж — бизнесмены, недавно из Америк, мифология — не ваш профиль? Так ведь, Бобр-джан?

— Роберт. Для тебя Р-р-роберт Юрьевич.

— Макар-р Сер-ргеевич, если угодно. Шор-рохов, — не удержавшись, передразнил Бобра Макар.

— Игор-р-рь Иванович! — вынырнул из-за Макаровой спины Цыба и тут же спрятался обратно, обжегшись о презрительный взгляд Роберта Ангурияна — сына врага, внука врага, правнука врага и так далее до самого начала времен...

Официально никто и никогда об этом не упоминал, но те, кому нужно знать, знали: город давно поделен. Одной его частью правит «империя» Шороховых — другой владеют Ангурияны. Говорят, так было не всегда, но кого интересует прошлое? К нынешнему, две тысячи двенадцатому году перечень взаимных долгов Шороховых и Ангуриянов оказался так велик, а срок соперничества так невыносимо долг, что на Корсике они считались бы кровниками. К счастью, современный Ростов — не Корсика, и сейчас не Средневековье. Поэтому между шороховской «империей» и ангурияновским «кланом» давно царил мрачное перемирие. Но все-таки, как справедливо заметил Цыба, Шороховых в Нахичевани не жаловали. И то, что Макар Шорохов сейчас творил, не лезло ни в какие ворота! Он не должен был, не имел права находиться возле ангурияновского фамильного «замка». Не понять этого Роберт не мог, но звать охрану или лезть в драку в такой ситуации было бы глупо. А больше всего на свете Роберт Ангуриян, известный в городе как Бобр, не любил выглядеть глупцом.

Два наследника, два первенца, два принца стояли лицом к лицу и ненавидели друг друга со всей силой своих пылких сердец. Цыба подумал, что, попади он сейчас под перекрестье взглядов, превратится в горстку серого пепла. Был Цыба — нет Цыбы. Поэтому он набрал внутрь побольше воздуха и просто перестал дышать. Молчал, облокотившись о потертые перила крыльца, Роберт. Макар отвечал спокойной, но все же чуть наглой ухмылкой. Они были похожи на молодых волков, обнюхивающихся, взъерошенных и не знающих еще, случится ли бой, или обойдется так. Воздух звенел от напряжения, небо стало вдруг угрожающе низким, но все же ни один не желал ни броситься на врага первым, ни повернуться спиной. Так бы они и стояли еще невесть сколько, но тут за окном мансарды мелькнул тонкий девичий силуэт. Скрипнула рама, окно приоткрылось, наверху вспыхнул яркий свет, освещая улицу и стоящих перед крыльцом «гостей». Макар непроизвольно дернул подбородком.

— Чер-р-рт с вами. Топайте дальше к своим... Парамоновским, — пробурчал Роберт, довольный, что игра в гляделки прекратилась не по его инициативе, и демонстративно положил ладонь на дверную ручку.

— Тебя не спросили, Бобр-джан, — парировал Макар, но тоже без прежнего задора — все, что

хотел, он выяснил и теперь планировал вернуться домой и спокойно подумать. — Ладно. Мы пошли. Гудбай, Америка.

Медленно, не разворачиваясь, Макар шагнул назад, наткнулся на Цыбу и посторонился, чтоб дать тому место для отходного маневра, однако толстяк почему-то воспринял это как приглашение к дискуссии и, неожиданно осмелев, выскочил вперед.

— Откуда знаешь, что к Парамоновским? Следил за нами, параноик? Тортилла разноглазая!

— Что? Кто?

Роберт вздрогнул. Его правая ладонь скользнула к левому запястью, схваченному шипастым кожаным браслетом, опасно блеснул металл, и тут подслеповатый Цыба неожиданно завопил:

— Атас, Шорох! У Бобра кастет... Рукоятка! Точно она! Атас!

Макар дернулся к поясу. Ткнул рукой в нашпигованный бесполезными гаджетами карман — непроизвольно, по привычке и без всякого смысла. Он давно пообещал отцу на себе железа не носить, поэтому пчак держал в бардачке, а цепь с бойком отдал младшему братишке — ему нужнее. Ремень! Сейчас кстати пришелся бы дедов армейский ремень с заточенной бляхой, вот только батя попросил...

— Ата-а-ас! Дави носорога!

Цыба согнулся пополам и рванул к крыльцу. Неуклюже запрыгнул на верхнюю ступеньку,

сунулся с разбегу башкой в живот Роберту, замолотил кулаками, тыча куда ни попадя. Лягнул армянина в голень, замахнулся снова. И тут же отлетел вбок, получив точный удар в левый висок. Тело Цыбы обвисло, перевалилось через перила и глухо шлепнулось на бетонную отмостку. Раздался хруст — не то лопнула деревянная перекладина, не то треснула Цыбина башка. Что-то звякнуло. Как будто монетка покатилась по крыльцу. Макар не видел что. Он был уже на крыльце: жаркий, злой и готовый биться насмерть. Замах правой, выдох, удар в солнечное сплетение... Бей! Бей! Бей! — стучала в висках кровь, бешенство подкатило к горлу, слюна стала почему-то железной на вкус. Замах! Удар! Костяшки заныли. Еще удар! Бей! Бей... Роберт ловко ушел влево, наконец-то закрылся. Макар не почувствовал, понял, что ему вмазали ребром ладони под ухо — сильно, умело. Загудела и пошатнулась земля. Шажок в сторону, назад... черт! Нога соскользнула со щербатой ступеньки. Вторая нога... еще ступенька. Черт! Полсекунды, чтобы вернуть равновесие. Макар сгруппировался, готовый принять пинок в лицо. Четкий пинок... Безжалостный. Он бы пнул именно так. Вот же тварь этот Бобр — умело бьется! Бей! Ну, бей. Бей же.

— Роберт! Баваканэ! Хватит! В дом.

«Не бойся боли. Сегодняшняя боль завтра станет твоей силой», — говорил отец, укладывая

Макара одним точным ударом на маты. Макар вскакивал на ноги и кидался вперед. Снова падал. Снова вскакивал...

Макар вздернул подбородок, все еще ожидая, что вот-вот чужой ботинок окажется где-то у него в мозгах, и недоуменно уставился на грузного старика, стоящего там, где еще три секунды назад замер в бойцовской стойке Бобр.

— Ты. Забирай своего шакала и ступай. Тебе тут не место.

— Я вообще-то не закончил, — в голосе Макара все еще хрипела ярость, но не будешь же драться с пенсом, пусть даже это сам Торос Ангуриян — дед Роберта и наверняка тоже та еще сволочь.

— Шорох, ты жив? — застонало где-то под крыльцом. — Мы победили? Ты Бобра убобрил?

— Погоди, Цыба. С дедулей за территориальные разногласия перетру.

— Еще раз говорю. Иди домой. К-к-кх-х к своим, — в горле у деда словно запершило ненавистью.

Макар сплюнул под ноги и, не сказав больше ни слова, направился в обход крыльца к Цыбе. Тот стоял, прислонившись к кирпичной стене, весь потрепанный, в каких-то засохших розовых лепестках и семечной шелухе. Одной рукой Цыба прикрывал стремительно опухающий глаз, второй размахивал перед собой, словно отбиваясь от привидений.

— Это я, Цыба. Всё путем. Ары слиняли. Никого больше нет. — Макар быстро взглянул на крыльцо и, убедившись, что старик исчез, принялся отряхивать друга. — Ну? Какого хрена на Бобра попер? Где ты там кастет увидел?

— Я ж без очков. Темно. Мне показалось.

— Показа-а-алось. Тогда креститься надо было, а не в махач лезть. Но ты все равно красава! Годно бился! Еще эта тортилла разноглазая. Откуда только тебе в голову такое пришло?

— Я... Я это. Да черт знает. Но смешно же.

— Ни разу не смешно. Ладно. Потопали отсюда. Тьфу! Стой. У тебя к штанам репейник прилип.

— Сейчас, — Цыба попробовал нагнуться, но тут же пошатнулся и схватился за Макара.

— Не рыпайся.

Макар нагнулся, чтобы отодрать от Цыбиных штанов комок засохших репьев, и вдруг увидел, что в прозрачной лужице, под висящим над самой землей горлышком водосточной трубы, лежит и тускло поблескивает круглая металлическая штукovina размером с двухрублевую монету. Макар еще подумал, что если монетка кверху орлом — то это на удачу, а решкой — не стоит даже трогать. Он присел на корточки, подцепил штукovину двумя пальцами и рассмеялся забавному совпадению — это была сувенирная фигурка черепашки из непонятного сплава.

Опустив черепашку в карман жилета, Макар обнял Цыбу за плечи и осторожно повел прочь. Еще два месяца назад он бы остался здесь до конца. Пинал бы двери и бил бы окна булыжниками, до тех пор пока кто-нибудь не вышел бы и не ответил бы за Цыбу и ноющую шею. Он выдержал бы с Театральной братанов-байкеров, и они гоняли бы по улице до самого рассвета, сняв к чертям все глушители. Он наслал бы гниловских бомжей, посулив каждому по штуке, лишь бы они устроили из стен ангурияновского дома клозет. Но то два месяца назад. Сейчас у Шороха имелись дела поважнее.

Настолько важные, что он не стал даже обобщиваться, чтобы окинуть ангурияновскую нору презрительным взглядом. Не обернулся. А зря. Иначе заметил бы, что из окна мансарды за ним пристально наблюдает кто-то очень любопытный.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МУКОМОЛЬНЫЙ

Шли зигзагами, расхлябанно. «Как гопники датые», — злился про себя Макар и украдкой массировал шею. Цыбу все сильнее вело: он пошатывался и загребал пыль ботинком, но не переставал воинственно бормотать под нос: «А хорошо все ж ты ему приложил... Да и я».

Макар крепко держал Цыбу за плечи и все никак не мог решить: тащить друга до припаркованного возле филармонии джипа, ловить тачку или ковылять в ближайший травмпункт. По-хорошему стоило бы усадить бедолагу на первую попавшуюся скамейку — да и высокий бордюр сгодился бы! — самому пробежаться до машины, подобрать раненого товарища и дуть с ним в городскую больницу. Но, во-первых, Макару не хотелось оставлять Цыбу здесь одного. А во-вторых... Во-вторых, в мозгу у него свербела, кололась и ворочалась совсем неуместная сейчас идея.

Тусклый желтый фонарь на перекрестке трещал над головой и подмигивал, будто подтверждая: так себе мыслишка, так себе. Маленький черный силуэт сунулся в круг света, клюнул его и, шурша, закружился вниз к асфальту. То ли один из первых опадающих листьев, то ли здоровый и слишком беззаботный мотылек. Вот тоже псих. К огню его потянуло. Макар сглотнул.

Вместо того чтобы полночи куковать с Цыбой — сначала у врача, а потом развешивая на уши Цыбиным предкам лапшу про случайное... падение в овраг? неловкого скейтбордиста? — Макару страшно хотелось улизнуть вниз к Дону. На старую мукомолку, которая, как выяснилось, кому-то вдруг очень понадобилась. Что, если сегодня последний шанс? Легенде про участие в городской игре оставалось жить недолго — после драки такая тупая отмазка уже не сработает. Тем более, Бобр наверняка что-то заподозрил. Когда на мукомолку поставят охрану, что ты будешь делать? Пробираться туда, как настоящий сталкер, ползком, мимо фонарей, собак и колючей проволоки с зажатым в зубах ножом?

Еще не хватало.

Цыба дернулся, испуганно оглянулся — сзади мигнули фары.

— Думаешь, армяшки гонятся?

Шорох хохотнул. Чуть растерянно, но подбадривающе.

— Это вряд ли. Мы ж с тобой не в боевичке про сицилийскую мафию, а ты — не консильери.

Цыба моментально выдвинул вперед нижнюю губу, и лицо его приобрело вид надутый и справедливо обиженный:

— Я-то не консильери?

Машина догнала ребят, притормозила. Из окна высунулся чернявый водитель:

— Подвезти?

— Да-да, — Макар засуетился, открывая дверь, осторожно поддерживая Цыбу за локоть, усаживая его на переднее сиденье. Наклонился, обхватил пыльную штанину друга и заботливо начал пихать пострадавшую ногу в нутро «Жигулей». «Раненый товарищ» дернулся, задышал подозрительно громко, но в итоге разместился-таки удобно и затих.

— На! — Макар вытащил из кармана помятую тысячу и быстро сунул ее Цыбе, чуть ли не под нос. — Мало ли, вдруг не хватит.

— Э... А сам?

— Башкой секи. Джип забрать надо — раз. По квесту отчитаться, фоточки сделать, то-сё — в конце концов, ребята старались. Домой бы еще пораньше вернуться, чтобы отца перед завтрашними бегами не волновать...

— Понял, не дурак — дурак бы не понял. — Цыба вздохнул было, потом засмутился, фыркнул, закашлялся. — Ладно. Главное, не дури. Дуй сразу домой. Эй, командир, едем!

«Жигуленок» зашелестел шинами, а Макар, помахав ему вслед, зачем-то сложил ладони домиком, прижал их к бровям и уставился в небо. Там наперегонки, задевая краями круглую луну, бежали облака. Макар сунул руку в карман джинсов, наткнулся на смятую бумажку. Достал. Развернул.

«Полнолуние — время чудес». Точно. Баннер на распечатке с «найтовским» квестом врать не станет.

— Поэты, блин, — пробормотал Макар. Обернулся и подмигнул фонарю, широко улыбнулся, пытаюсь подбодрить себя: — Ага-а-а-а...

То самое «ага», которое пятнадцать лет назад стало боевым кличем перед атакой на детскую горку. В итоге — ржавые перила с облупившейся желтой краской, заляпанные кровью, и расквашенный нос. Естественно, потом, стоило прозвучать этому «ага», мама приходила в ужас и бежала ловить сына, явно задумавшего злую шалость. Поймать успевала не всегда. Именно после «ага» он получил в свое время и шрам на брови, и кровоподтек на ребрах — с три кулака размером, и сломанную щиколотку. Значило оно — «враг обнаружен, рота, подъем, готовимся к схватке». Вот и теперь — нужно действовать быстро, четко, по-военному.

Макар задумался лишь на пару секунд, тряхнул челкой и зашагал, широко размахивая

руками, обратно через Театралку, к филармонии. Справа проплыли стеклянные «гусеницы» театра-трактора, слева — крылатая стела. Достойные декорации к выходу главного героя, ну же, Шорох, жги!

Он провозился у багажника всего минуту: достал фонарик, запасной аккумулятор для планшета, перчатки, тонкий моток синтетической веревки. Стащил приметный жилет, выгреб из него мелочь и черепашку, распахнул добро по карманам джинсов и свернул вниз к Дону по Нахичеванскому переулку, оставляя по левую руку граффити — сказочное дерево во всю стену жилого дома. Дальше мимо старых кирпичных развалюх, перейти трамвайные пути, взять чуть влево и шагать по Державинскому, где зимой на склоне машины буксуют и летают через одну, несмотря на шипованную резину. Какие, к черту, шины, если лед никто не сбивает, наоборот — он все нарастает из-за бегущей по асфальту воды: коммуникации старые, трубы лопаются каждый год. Тут уж лучше пересаживаться на сани или на коньки вставать, ведь, как известно, зима в Ростове всегда приходит неожиданно — даже если делает это в феврале.

Хотя зачем ждать зимы... в нижней части Державинского канализационный сток круглый год. Макар мелко дышал ртом, проходя над зловонным потоком по бордюру, оступился.

Чертыхнулся шепотом, достал фонарик, щелкнул кнопкой. Ох, не зря. Когда вышел на Береговую — грунтовка, лужи и выбоины, пусть открытый центр города в каких-то десяти минутах ходьбы, сюда цивилизация почти не дотягивалась. Машины одинокими горбиками притулились к обочинам; по стенам домов, оставшихся за спиной, змеились трещины. Запустение.

Макар медленно, со свистом выдохнул сквозь зубы, подобрал с земли увесистый обломок кирпича, повернул налево и зашагал вдоль старой железнодорожной колеи.

Как только за спиной раздался лай — Макар размахнулся, швырнул камень в окно сторожевой будки, соскочил с дороги, перебежал рельсы и, нырнув в кусты, припустил с выключенным фонариком по узкой грязной тропинке к Дону. Сзади послышалась ругань, «Кого... вашу мать, несет?!», а лай дворняги приобрел восторженные нотки. Не надо гнаться, зачем? — вот она, благодарная и к тому же давно знакомая человеческая аудитория.

План у Макара клеился — проще не бывает. Выбраться к воде рядом с устьем крытой эстакады, которая тянулась от мукомола к реке, и отсидеться в нем с полчаса. С пользой для дела — обмозговать, куда перво-наперво соваться, и для глаз приятно так — ночной камыш, баржи и, как на ладони, «левый, левый, левый берег Дона, ивы, плесы, чайки у...».

Впереди кто-то мельтешил. Макар замер буквально на одной ноге, вцепившись в тоненькую акацию и жалея, что это не баобаб — толком не спрячешься. Прислушался, почти не дыша.

— Быстрее шевелись. Хочешь, чтобы нас тут сторожа застукали?

— Щас, щас, только меч разверну...

Для тех, кто опасался быть застуканным, обладатели меча разговаривали на удивление громко. Макар выдохнул и, пригнувшись, дал кругалю — в обход. Ступать — как можно осторожнее: за пределами тропинки земля была завалена битыми бутылками, пластиковыми стаканчиками, полусгнившими газетами и ветками. Если под подошвами не хрустело, как от поступи слонопотама, то натягивало в грязную жижу и громко хлюпало. Будь Макар на месте говоривших, давно бы себя засек. Но те были заняты по уши.

— ...поймать на лезвие луч первой звезды, отразившийся от бегущей воды.

— И как это будет способствовать делу открытия врат, игрок?

— Используем клинок подобно ключу, во славу Йог-Сот...

Макар не выдержал, хмыкнул. Просто вечер встреч какой-то. Эдаких «приятных» встреч, не к стати и не к месту. А еще — вечер буквального понимания строчки про лунные чудеса чудаками в оранжевых жилетах.

Пока основная масса игроков наперегонки чесала по выданному квесту из пункта А в пункт Б, некоторые «старички», знавшие город, как свои пять пальцев, проводили время возвышенно. Или, по очередному меткому Цыбиному выражению, маялись осенним тестостероном. У кого там было? «Тоскливой октябрьской ночью можно открыть дверь в иной мир, для возвращения на землю древних Богов...» Что у нас тут? Октябрь на дворе. Асы городского ориентирования, колдуны и ведьмы. Расползлись по рощам и курганам: жечь костры, бормотать заклинания и мнить себя вершителями судьбы мира. Правда, Макар, положив руку на сердце, тоже не отказался бы открыть — пусть не дверь в параллельную реальность, ему бы и дыры в преисподнюю хватило... В ту самую преисподнюю, о которой он много слышал, но все никак не мог провернуть сам.

— Ты готов к подвигам во славу Йог-Сотота?

— Игрок всегда готов!

В просвете между ветвями на полянке виднелся парень с забранными в длинный хвост волосами и с игровым мечом, красиво занесенным над головой. Его собеседницу — второй голос был явно женским — не видать в тени. Пытаясь найти такой угол обзора, чтобы рассмотреть и ее, Макар чуть забрал в сторону, потом еще... и еще чуть-чуть, остановился, чтобы передохнуть, поднял взгляд и буквально остолбенел.

Впереди было явно что-то не то. Из темноты, посреди чахлай акациевой поросли, вырисовывалась прямоугольная громада. С ходу не поймешь, что это такое. Макар подкрался ближе. Под ногами — куски бетона и щебень, над головой — «пизанская башня» в масштабе один к десяти, криво воткнутая в землю. Крытая эстакада, идущая от завода, обвалилась — бетонная квадратная труба надломилась и рухнула вниз, размолотив деревья в щепу. Будто сломанная гигантская спичка.

Разом плюнув на «найтов» с их подлунными клятвами и алюминиевым мечом, Макар переключился на эстакаду. Еще полмесяца назад она была целой — он в этом поклясться мог. А сейчас эстакада обрушилась, проломив землю насквозь. Шорох зашел за бетонный угол и присел, рассеянно водя пальцем по стене. Неожиданно зарядил дождик. Текли минуты. Одна, другая. В серо-зеленом небе над грузовым портом вспыхнула молния. А ведь круто, что он не двинул по тропинке — запросто мог пропустить этот обвал в темноте.

Вымокшие «герои» засобирались: «шевелись быстрее», «подожди, зонтик возьму», их голоса поплыли в сторону и пропали за стеной дождя. Вроде не заметили. Макар облегченно вздохнул, провел по мокрому лбу пальцами...

— Здорово! Что, тоже в «Night» играешь? По дополнительному маршруту шпаришь? Или

так... прогуливаешься? Для прогулки вроде место не самое подходящее...

Макар от неожиданности дернулся, вскочил, неуклюже стукнулся локтем о бетон. Не заброшка, а проходной двор какой-то!

— Привет, говорю. Не узнал? Мы ж с тобой вроде знакомы.

Макару протягивал ладонь мужчина: на плече закреплен фонарь-«паук», плотная ветровка, пухлая сумка на поясе, высокие ботинки, смутно знакомое лицо с крючковатым носом и кудрявой рыжей бородкой... Стоп. Макар машинально пожал руку и улыбнулся. Осторожно. Бдительно. Понимающе.

«Не знаю, какого черта ты тут делаешь, чувак, но ты спалился». У якобы коллеги по ночным развлечениям не было жилета. Ни оранжевого, ни желтого... Никакого. И ни на «найтовских» форумах, ни на прошлых играх Макар этого бородача не встречал. Впрочем, и сам Макар «палился» только так. Жилетик-то остался в багажнике.

От дороги снова залились собаки.

— Только извини уж, — бородач деловито потряс Макарову руку и полез в сумку, — я сюда первый добрался, первый и полезу. Целый час во-о-он там прождал, пока придурки уберутся, — мотнул головой в сторону кустов. — Все сюда нос совали. Хорошо, что провал не запалили. Так

что новую точку я, как положено, первым отсмотрю. А ты — жди.

— Ок. За полчаса управишься?

— Уж не до утра, не бойсь. К тому ж непонятно, что там за коридор внизу. Есть завалы, нет... Пошастаю там, пофотаю и назад.

— Откуда знаешь, что внизу коридор? — Вопрос выскочил быстрее, чем Макар успел его поймать и затолкать обратно в горло. Идиот! «Откуда знает» — наверняка не из фальшивок, болтающихся на сайте «Night». По «найтовской» версии, никаких подземных ходов под мукомольным не было. А вот на той карте, что Макар качнул со старого отцовского ноута, — были. И не только там. Макар произвольно коснулся рукой груди — там во внутреннем кармане ветровки лежал планшетник, где, запрятанные и запароленные, хранились его собственные схемы. Те, что он с грехом пополам сбил из «найтовских» фальшивок, маркшейдерских планов, спертых из отцовского компа, и записей, что раскопал в библиотечных архивах в разделе «спе-леистика».

Не бойся заблудиться в темноте

И захлебнуться пылью — не один ты.

Вперед и вниз! Мы будем на щите,

Мы сами рыли эти лабиринты! —

было написано от руки на обложке одной из тонких брошюр под старинным планом ростовских

катакомб начала века. Макар не стал гуглить автора стихов — почему-то решил, что так будет правильно. «Вперед и вниз...»

* * *

— Я много что знаю, господин Шорохов младший, — хохотнул бородач.

Яркой вспышкой мелькнуло перед глазами — маркшейдеры! Метро! Точно! Тогда ночью, в отцовском кабинете, этот сидел в углу, положив подбородок на скрещенные руки, и не отсвечивал. Представился диггером из Москвы, налил себе воды в высокий стакан и спрятался в тени. А когда его прямо спросили — развел руками: нет, мол, в Ростове хорошего спуска ближе, чем через Кобяково, а там слишком опасно. Врут, мол, ваши карты, Сергей Александрович. Оказывается, врет здесь кто-то другой. Если нет спуска, то зачем вернулся, товарищ диггер? И вообще зачем вернулся, если было решено проект закрыть до лучших времен? Что? Не нагулялся еще? Докинуться адреналинчиком захотел?

— Ладно. Я двинул. Будь! — Бородач достал толстую веревку с узлами, захлестнул петлю об арматуру и попятился в сторону темного провала в земле. Макар запоздало порадовался, что не ухнул туда случайно, не заметив черную дыру на черной грязи. — Бывай.

— Угу. И тебе удачи.

Собаки вдали не утихали, лаяли и визжали все громче.

Макар присел на корточки и зачем-то заглянул в темноту, вслед лжеигроку... а может, и лжедиггеру... А в самом деле кому? Черному копателю, охотнику за паранормальными явлениями, личному Макарову антагонисту, которого мир выдал ему в наказание — спеша, мол, сильнее, старайся лучше?

Вдалеке слышались голоса. Шли сюда — тонкие лучи фонариков путались в деревьях. Лай приближался. Кто-то ругался грязно, зло, с тягучим армянским акцентом. Никак новые сторожа пожаловали? Раньше времени? Аномальная зона в формате проходного двора продолжала демонстрировать свою гадскую сущность.

— Соображай, ну! — Макар подкинул на ладони фонарик. Или срочно валить, или...

Он ухнул и соскочил вниз — без веревки, просто растопырившись, как морская звезда, скользя ботинками по глине и чуть притормаживая на каменистых участках. Следом сыпался щебень. Залаз оказался неглубоким — и трех метров нет. Конкурента — не видно и не слышно. Макар включил фонарик, мазнул фонарем по земляной стене и, протиснувшись в узкую расщелину, зашагал вперед по подземному коридору, не существующему на большинстве карт.

Внизу пахло гнилью и было очень влажно. Мокрый песок хлюпал под ногами, на стенах — тоненькие струйки воды. Проход узкий, около метра, — руки толком не раскинешь.

Ободранный локоть саднил. Ныла шея. Петцелевский фонарик мигал и светил с перебоями. Стоп. Коридор раздваивался. Куда повернуть, чтобы разминуться с... Нет, неправильно думаешь, Макар. Куда повернуть правильно, чтобы не в тупик? Борodatому, если что, наболтать про охрану с собаками можно... заметьте, ни слова неправды, тот еще и благодарен будет, что Макар его предупредил.

Шорох дернулся вправо-влево. Интуиция молчала, руки мерзли, а шея болела и чесалась. Индиана Джонс хренов, охотник за сокровищами. Ведь хотел же посидеть, обдумать... Но нет, полез с бухты-барахты. Быстро шепотом сыграл сам с собой в камень-ножницы-бумагу — левая рука с фонариком выиграла.

— Налево — так налево.

Коридор полого спускался вниз. Кирпичная сводчатая кладка. Очень ровная, аккуратная. Выглядел тоннель пустым, чистым и даже каким-то дружелюбным. В нем ничем не пахло, все звуки были естественными и объяснимыми, темнота не казалась пугающей. Почему-то именно эта нарочитая безопасность заставила Макара задержать дыхание и помедлить с полсекунды, прежде чем сделать следующий шаг.

Хрусь. Хрусь. Хрусь. Сто метров — сто с лишним шагов по кирпичной крошке. Хрусь, хрусь. Кррак! Краак!

«Черт... так и ногу сломать недолго!» Макар присел, чтобы вытащить из-под щебня и поближе рассмотреть то, на чем он только что едва не свернул щиколотку... и тут же масса песка ударила его по затылку. Ударил резко, внезапно. Ударил по-подлому, без всякого предупреждения. Не было ни предвещающего треска, ни гула, ни даже движения воздуха. Просто навалилась сверху тонна пыли вперемешку с острогранными камнями и затопила собой коридор и человека в нем. Такая пыль не даст сделать вдох, забивая нос и рот, вползая в легкие. И выбраться не позволит — куда выбираться, если над тобой два метра земли, до самого потолка? Могила в могиле.

То, что это не природное явление, но ловушка — чьими-то ловкими мозгами спроектированный и чьими-то послушными руками построенный смертельный капкан, Макар ничуть не сомневался. Как не сомневался и в том, что живым ему не выйти. Эту догадку уверенно подтверждала челюсть, которую Макар ощупывал, не в состоянии отнять пальцев с хорошо сохранившихся зубов.

Зуб, еще один... Вдох. Еще один. Стоп.

«Я дышу, — подумал Макар. — Почему и чем я дышу? Что за фигня?»

— Хихи... хи... кгх-хкий-хи.

Где-то очень далеко, отделенное от Макара стеной плотной пыли, раздалось странное, нечеловеческое хихиканье. Чем-то оно напоминало хрюканье гиены — такое же ирреальное, страшное, безжалостное. Только на тон ниже. Как будто гиене подрезали связки или вставили в горло ржавую трубу. Звук этот не мог принадлежать ничему живому и понятному.

— Хихихи.

У Макара от неконтролируемого ужаса перехватило дыхание — если можно так сказать о человеке, застрявшем внутри песчаного мешка и по всем законам логики уже давно мертвого. Резко подбрав ноги под живот, он сел. И это несмотря на то что секунду назад был придавлен так, что не пошевелиться. Наконец выпустил из пальцев несчастную челюсть. Другую руку так и не разжал — та намертво вцепилась в содержимое кармана, приготовленное для непредвиденного случая. Рукоятка ножа, маленькая петарда и холодная металлическая бляшка. Видимо, он инстинктивно сунул руку в карман, чтобы выхватить пчак. Как будто ножом можно отбиться от камней или падающих стен.

— Хих-хи... — Песок зашуршал, сдвинулся чуть в сторону.

Макар вскочил, стараясь не думать, каким образом легким удастся получать кислород из

песка и пыли. В некоторых ситуациях лучше вообще не думать, но действовать. Поэтому он развернулся туда, где, по его мнению, находился вход — ангурияновские охранники вмиг показались совсем безобидными, а собаки — милыми и добрыми существами, и, стараясь не «дышать» полной грудью, выставил вперед правую ногу. Он все еще ждал, что песок будет сопротивляться и что передвижение окажется невозможным, но ничего подобного не произошло. Макар двигался внутри песка и камня так же легко, как и по улицам города, — спина прямая, руки в карманах, пальцы касаются прохладного металла... Фонарик? Ключи? Брелок?

Всего двадцать с лишним шагов. Макар вынырнул на воздух и даже не заметил разницы. Меж тем, песок со щебнем был именно песком со щебнем и ничем другим — Шорох обернулся и «завис», с полминуты задумчиво пересыпая горсть камней из ладони в ладонь. Он даже закинул в рот небольшую щепоть земляной пыли. Песчинки противно скрипнули на зубах. Тогда он решительно ткнулся в рыхлую насыпь, сначала ощутил лбом шершавую тугую субстанцию, а потом начал будто проваливаться внутрь нее. Дернулся обратно, повертел головой, приложился к боковой кирпичной стене. И снова почувствовал, что «плывет», будто проникая внутрь камня. Вынул руку из кармана, отер пот со лба,

ковырнул холодный кирпич. Что за черт? Тот снова стал обычным, плотным шершавым камнем. Никакого тебе «проваливания» и «проникания».

Как мячик, отпрыгивая-отражаясь от стен, прикатился звук — громкие чертыханья и ругань. Судя по всему, охранники спустились в дыру и теперь то ли не могли разобраться между собой, куда сворачивать, то ли наткнулись на «конкурента» и устроили ему допрос на месте. С пристрастием. Макар, пригибаясь, добежал в темноте до перекрестка, беззвучно фыркнул и показал сам себе большой палец. Голоса преследователей слышались из другого коридора, а путь наружу был свободен. Подтянувшись, рывком швырнул себя на мокрую землю. Повезло. Никого вокруг. Только собака — не дворняга со свалявшейся шерстью, а овчарка, почти щенок, с круглым лбом и тяжелыми лапами — рассматривала Макара, склонив голову.

— Тс-с-с, — прошептал он ей. — Обсудим? Ты тихо сидишь и меня не трогаешь, а я тихо ухожу.

Овчарка чавкнула пастью, закинула голову вверх и завyla. Сначала тоненько, визгливо, а потом все громче и громче. «Как по покойнику», — всплыло в мозгу дурацкое суеверие. Макар вскочил на ноги, машинально отряхнул колени загубленных джинсов и мстительно пожелал диггеру, что остался внизу, «спокойной»

ночи — с расспросами и дознаниями: «Что это вы тут забыли, товарищ бородач? Не знаете, что ли, — завод теперь частная собственность господ Ангуриянов?»

Макар припустил вверх — к машине, дороге домой и горячему чаю.

* * *

Ангурияновские «ребятки», которых срочно выдернули, казалось бы, по пустяку — «вроде шарится кто-то вдоль эстакады, разберитесь!» — тихо матерились.

— Что, ментов вызовем? Или сами справимся?

— Никаких ментов. Юрию Торосовичу позвонить надо, пусть решает, что делать... с этим. Вот ведь засада — первый выход на объект и сразу такое!

Бородатому московскому диггеру и впрямь досталась «спокойная» ночь — правда, теперь уже вечная. Его тело, раздернутое-разорванное тонкими стальными проволоками на шесть неравных частей, кусками валялось в правом коридоре, что вел к бывшему заводу и нырял дальше — в тихий лабиринт, неприветливый город под городом, не размеченный ни на одной из существующих карт. Почти ни на одной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДОМ

— Каро, завтракать!

— Бегу, ма.

Карина спускалась с мансарды по лестнице, привычно считая ступени. Две высокие, одна скрипучая, за ней — потертая с трещиной, дальше три новые ступеньки-близняшки — и узкая площадка. Гости всегда бьются здесь о перила локтями. Не только, кстати, гости — мама до сих пор не научилась вовремя поворачивать, и даже Роберт вчера набил синяк на руке.

Девушка усмехнулась, закрыла глаза и вслепую скользнула на нижний пролет — стремительная и юркая, как змейка. Казалось, еще совсем недавно дед Торос ловил ее внизу — «Каро, нет! Не так! Слушай! Слушай себя» — и будто вчера еще она катилась вниз неуклюжим колом. А теперь ей пятнадцать и дед, посмеиваясь в усы, называет ее Королевой Червей и уточняет, что это не карточные черви, а самые что ни на есть

земляные. Карина делает вид, что обижается, на самом же деле для нее это лучшая в мире похвала. Тогда, когда никто другой не слышит, дед зовет ее по-армянски «лусик», что, конечно же, значит солнечный лучик, и не просто так ласковое прозвище, а прозвище со смыслом.

Карине исполнилось пять, когда старый Торос впервые привел ее в лабиринт, потушил фонарь и позволил пройти сто метров до первого поворота. Он молчал, не направляя ее ни звуком, и за это она была ему благодарна. За то, что поверил в нее сразу. За то, что понял: она — не обычный ребенок. Она — смотрительница ростовского подземелья. Такая, какой была прапрабабушка Ануш. В тот день Карина впервые ощутила над собой высокие своды лабиринта, услышала, как шепчется с камнем вода, как, раздвигая корнями почву, тянутся в самое небо деревья, как облизывает гальку подземный ручей, как сворачивается в клубок сонная гусеница. Девочка медленно, касаясь ладошкой стены, дошла до угла, втянула в ноздри незнакомый терпкий запах, обернулась, уже почти бегом вернулась к деду и, не дойдя двух шагов до него, остановилась.

— Почему папа говорит, что тут, как в могиле? Что темно и дышать нечем? Тут совсем не темно.

— Да, лусик. Тут светло, только не каждому дано понять. — Дед добродушно щелкнул внучку по носу, и она не удивилась, что старик

в крошечной тьме не промахнулся, увидел. Она тоже «видела»! Не глазами, нет. Всей собой. Видела не только стены и потолки, не только капканы и ловушки. Она видела вечность. Но это, став постарше, Карина подобрала правильное слово — вечность. А поначалу ее, стоило лишь спуститься в лабиринт, захватывало ликование, сравнимое разве с тем, что бывает в самолете в те секунды, что лайнер отрывается от земли. Иногда затхлый и липкий, иногда теплый, чаще холодный и пронизывающий ветер подземелья будоражил и волновал девочку до слез. Никто в семье, кроме деда, ее не понимал. Отец, ходивший вниз редко и по необходимости, морщился, когда она делилась восторгами. Темнела лицом мать. А брат немедленно принимался ехидничать. Один лишь дед довольно шурился.

Теперь Карине пятнадцать, она Королева Червей и сам черт ей не страшен! Она запросто может пройти под землей от Дона до Северного кладбища, ни разу не чиркнув спичкой, не включив фонарик. А сам черт будет скользить за ней следом на мягких своих лапах и хихикать. Карина невольно улыбнулась, вспомнив Пахака. Хихикающий демон — страж лабиринта был ее настоящим и, может быть, единственным другом, хотя старшие долго не могли с этим смириться. «Не позволяй ему приближаться — это опасно», — твердили отец с братом наперебой и показывали

руки (у отца Пахак умудрился отгрызть целых два пальца, у Роберта только кончик мизинца, но воплей было столько, как будто Пахак проглотил Роберта целиком и выплюнул, не переварив). Дед качал головой, обвинял сына и внука в беспечности и пояснял Карине, что с демоном нужно быть начеку. Пахак — существо особенное. Не человек, не зверь. Даже тигра можно выдрессировать и приручить. Можно обучить послушанию льва, носорога или гиену. А демон потому и зовется демоном, что он — другой. «Пахак не испытывает ни страха, ни привязанности, — пояснял дед. — Только боль может управлять им. Голод и боль». Карина кивала и тут же прятала под подушку зачитанного до дыр Даррелла и думала, что если никому прежде не удалось приручить Пахака, то это не значит, что не удастся ей.

«Что Пахаку нравится? Ну нравится же ему что-нибудь? Шоколад? Чернослив? Вискас», — выпытывала она у домашних. «Пальцы сырые ему нравятся», — гоготал Роберт, но в голосе его Карине слышался страх. В дальнюю часть лабиринта, куда был вхож Пахак, ее не пускали до самого четвертого класса, но она садилась на раскладную табуреточку у пограничной стены и терпеливо ждала, когда привлеченный запахом человека демон подойдет ближе. Услыхав хихикающий клеткот, Карина принималась бубнить: «Пахак хороший. Пахак добрый. Пахаку грустно

одному, и Карине тоже грустно, поэтому мы сейчас читаем параграф по истории, а потом еще домашку по математике сделаем». Неспособный добраться до жертвы демон бился телом о каменную перегородку, а Карина терпеливо повторяла: «Пахак хороший, Пахак добрый... и вот, значит, Мстислав Удалой с дружинами перешел Калку, оставив Киевского и Черниговского князей на другом берегу...»

Не то демону приглянулась история с математикой, не то детский голос действительно стал для него чем-то привычным, но в конце концов он успокоился и больше не норовил прогрызть каменную кладку. Монстр подкрадывался к стене, скребся минуты две-три, а потом затихал, прислушиваясь к происходящему по ту сторону. Карина бубнила. Демон молчал. Может быть, дремал или просто сидел, раскачиваясь и вперившись слепым взглядом в пустоту. Стоило девочке отвлечься и перестать читать, как демон начинал недовольно хрюкать, требуя продолжения. Так они освоили весь учебник истории за четвертый класс, половину пятого, а потом им пришло время встретиться лицом к лицу.

* * *

— Тс-с-с, лусик.

Старый Торос приоткрыл железную дверь, вооружился цирковым крюком и принялся

свистеть, подзывая Пахака к кормушке. Карина, волнуясь, стояла позади. Ей не нравился крюк, не нравился свисток, не нравился липкий шмат свиной требухи в деревянном корытце, а еще больше ей не нравилось то, как от деда вдруг отчетливо запахло потным страхом.

— Если что пойдет не так, сразу ныряй в стену и бегом домой, не оглядываясь. Предмет не потеряй. — Старик надел на внучку цепочку с кулоном в виде черепахи.

Карина встревожилась. Дед не уставал повторять, что зрителю без черепахи можно спуститься лишь в ту часть подземелья, что закрыта от Пахака. Если же двигаться дальше и вглубь, то следует вооружиться предметом. С ним гораздо быстрее добираться до отдаленных коридоров, проходя напрямую сквозь стены. С предметом можно выбраться из любого тупика, пройти мимо самых хитрых ловушек. А главное — черепаха уже много веков оставалась единственным способом унести от хихикающего демона ноги и сохранить жизнь. Несмотря на то что род Ангуринов встал на стражу ростовского лабиринта в пятнадцатом веке одновременно с Пахаком (кстати, «Пахак» означает по-армянски «сторож», и наверняка именно один из прапрадедов и окрестил монстра), союза между ними так и не получилось. Пахак, кажется, не понимал, что он — не единственный хозяин катакомб и что мясо и требуха

появляются в кормушке не сами по себе. Все белковое — крыса ли, попавшая в лабиринт через пролом псина, неудачно заблудившийся в поисках ночлега бродяга или слишком ретивый кладоискатель — рассматривалось демоном как еда. Смотрители тоже были едой. И только. Скольким Ангурянам черепаха спасла жизнь и сохранила пальцы, десятилетняя Карина не знала, но за деда испугалась. Ведь если черепаха теперь у нее, то дедушке грозит страшная опасность. А ей? Ей, конечно же, не грозит, ведь они с Пахаком — друзья.

— Когда он отвлечется на еду, я дам свет. У тебя будет секунды две, может, три. Лучше б, конечно, обойтись без этого, но я хочу, чтоб ты знала, с кем... с чем имеешь дело. Пахак — чудовище, а не безобидная зверушка. Готова?

Карина кивнула. Раздалось знакомое хихиканье. Карина замерла, перестав дышать.

Щелчок...

Яркий свет выхватил из мрака дальнюю часть сводчатого зала, к каменной стене которого были приделаны небольшие ясли. Над ними скрючился косматый урод, похожий не то на павиана, не то на заколдованного принца из сказки про аленький цветочек.

— Пахак!

Монстр вскинул голову от кормушки, обернулся. Ослабилась, выдвинув нижнюю челюсть сильно вперед. Туловище его казалось перекрученным,

узловатые конечности то и дело вздрагивали от резких спазмов. Слипшийся подшерсток облез с мощной груди, и из-под серой кожи выпирали клубки сухожилий. Живот и пах демона, наоборот, были покрыты густой седой порослью. Когти на ногах выглядели желтыми, больными и не то обгрызенными, не то обломанными у самых корней, а вот из пальцев на руках торчали устрашающей длины «заточки». Карина перевела взгляд на морду демона и, не удержавшись, громко выдохнула. Толстый нос был разрублен вдоль, словно кто-то разделил сизую разбухшую фасолину надвое топором. Над переносицей гноились невидящие глаза. Цвет их невозможно было разобрать из-за нависающих бровей, чем-то похожих на кустистые брови деда Тороса. К правой брови прилип кусок засохшей глины, и, когда Пахак скалился, глина сыпалась вниз, попадая демону в пасть.

— Пахак добрый, Пахак хороший. — Она заранее знала, что скажет это именно таким тоном. Никаких импровизаций! Никаких сюсюканий! Чистая дрессура, точно по Дарреллу и Дурову.

— Лусик!!! — Дед рванулся за Кариной следом, но она выкрутилась и двинулась вперед, монотонно бормоча:

— ...Мстислав Удалой с дружинами перешел Калку, оставив Киевского и Черниговского князей на другом берегу...

Вздыбилась на плешивом загривке щетина, обнажилась сизая челюсть. Демон скользнул наперерез ребенку так быстро, что старик не успел бы подбежать и вонзить в него крюк, даже если бы ему было шестнадцать.

— Лусик, стена... Черепаха!

— Пахак хороший...

Демон встал, как вкопанный, потом повел ноздрями, захрюкал... и повалился рядом с девочкой набок, уткнувшись рассеченным рылом ей в плечо. Она очень осторожно подняла руку и положила ладонь на его сухой морщинистый лоб.

— Пахак добрый. Карина — друг.

В дверях стоял окончательно поседевший за эти несколько секунд дед Торос и не знал, что сказать. А что тут скажешь?

Дома ей здорово досталось. И напрасны были увещания матери, что Карина — неразумное дитя, к тому же девочка, поэтому не годится старику бегать по дому, придерживая спускающиеся штаны, размахивать ремнем и кричать «убью». Но Карина так выразительно посмотрела на маму, что та замолчала и ушла на кухню. Карина позволила дедушке догнать себя и стойчески вытерпела пять обидных ударов по тому самому месту, из которого дед грозился выдернуть ноги, чтобы отнести их демону на завтрак.

— Он не будет мои ноги. Мы друзья. К тому же Пахаку больше нравятся пальцы рук. Сам же говорил.

С того дня прошло целых пять лет или даже чуть больше, но Карина до сих пор вспоминала тот день с улыбкой, а дед все еще страшно сдвигал брови и бормотал «убью». Но все домашние знали: Карину демон не тронет, и давно смирились с этим странным альянсом. Вряд ли речь шла о преданности или любви, скорее, чудовище просто признало девочку, согласилось с ней, приняло ее не как друга или союзника, а как неотъемлемую часть своего царства. Как Королеву Червей.

* * *

— Каро! Ну где ты застряла! Завтракать.

— Иду, ма.

Девушка провела ладонью по перилам и начала было напевать «гудба-а-ай, Аме-е-ерика», но осеклась, вспомнив, где подцепила мотивчик. Вспыхнула. И зарделась еще ярче оттого, что вчера, желая победы брату, переживала за врага. Она узнала Макара Шорохова сразу — странно было бы не узнать. Это Макар, встретить он ее на улице, прошел бы мимо — на вечеринках и в клубах Карина не появлялась, а то, что когда-то они учились в одной школе, ничего не значит. Сколько их таких было, глупеньких сопливых дурочек, бегающих за Шороховым

хвостиком и поджидающих случайного взгляда или слова. И она ничем не лучше других!

Карина целых полгода была влюблена в Макара по самые уши и боялась, что за это семья проклянет ее на веки вечные. Целых полгода она вертелась на этаже старшекласников и распускала волосы так, чтобы они красиво струились по плечам. Целых полгода она мечтала, что он заметит, как она хороша. Может быть, знай он, что эта темноглазая гибкая девчушка носит фамилию Ангурян, обратил бы на нее внимание. Хотя вряд ли. Не тот человек Макар Шорохов, чтобы связываться с мелкотней, тем более с девчонками. Карина ждала, что вот-вот подрастет, и тогда уж он непременно ее заметит. Тут ей в голову сразу же начинали лезть всякие романтические глупости, красиво обрамленные шекспировским слогом, отчего эта влюбленность начинала казаться ей роковой. Но вскоре Макар Шорохов ушел из тридцать шестой, а Карина потихоньку вернулась в разум. И все же, увидев вчера Макара на крыльце дома, она разволновалась. Снова, как в детстве, покраснела, снова принялась тербить косу, прилипла к окну и смотрела во все глаза на драку, хотя должна была кликнуть деда или отца. Еще правильнее было бы вылететь на улицу, встать плечом к плечу с братом и показать Шорохову, что все Ангуряны способны постоять за себя и за семью. Впрочем, Роберт бы за такое

не похвалил — он с самого детства придерживался мнения, что женщины должны заниматься своими делами, мужчины — своими. Даже Нью-Йорк, где Роберт учился целых пять лет, его ничуть не изменил.

Карина вздохнула. Они с братом никогда не были особо близки — сказывалась разница в возрасте, теперь же, после пяти лет разлуки, рядом с Робертом стало совсем трудно. Казалось, он постоянно чем-то раздражен — окрикам, выговорам и подколкам не было счету. Карина догадывалась, в чем дело! Роберт завидовал тому, что за время его отсутствия настоящей хозяйкой подземелья стала она. «Женщины должны заниматься своими делами, мужчины — своими, а дело всех мужчин из рода Ангуриянов — ростовский лабиринт», — повторял Роберт, а Карина послушно кивала. Все так. Все правильно. Главное — лабиринт!

С детства всех мальчиков в семье готовят к тому, что однажды они станут обходчиками, смотрителями и стражами ростовского подземелья. С трех лет начинают обучать, пояснять, рассказывать. В четыре маленькому Ангурияну сразу после завтрака завязывают глаза и говорят: «Теперь ступай, тхаджан, поиграй». Ангурияну нужно уметь не просто ходить или бегать — жить вслепую. Тьма не терпит неуклюжих. В пять — первый вход в лабиринт, пока что в безопасную его часть — повязку с глаз можно снять, здесь

и так темно. В шесть черепаха — учимся ходить через стены, не задумываясь о том, что они каменные. Тому, кто освоил черепаху, выдаются карты, схемы, кальки и игрушечный лабиринтик из глины, который (так поясняет наставник) сделал тот, кто проектировал лабиринт и твою жизнь заодно. Глупости говорят, что пятилетний малыш неспособен освоить топографию и зазубрить навечно пять десятков существующих маршрутов, а также придумать свои — отлично может.

Весь год вместо человечков, зверюшек и танчиков ты сперва рисуешь, а потом лепишь свой лабиринт из пластилина до тех пор, пока пальцы не начнут болеть так, что вступится мама. Но что она понимает? Она ведь не Ангурян! Хотя мама знает достаточно, чтобы плакать в то утро, когда тебе исполнится семь.

В семь перед ребенком... Хотя нет, перед каким ребенком? В семь перед будущим смотрителем открывается железная дверь в основную часть лабиринта, и в тот же год начинается практическая механика и гидравлика. Это несложно, особенно если ты хочешь жить, а твой наставник бросает тебя где-нибудь в дальнем крыле, сам собой, без фонарика и черепахи и уходит прочь. Ты движешься в абсолютной темноте, прислушиваясь к запахам и принюхиваясь к звукам. Ты читаешь каждый выступ стены, каждую впадину пола в миллион раз быстрее, чем «мама мыла

раму». Ты по слуху можешь высчитать расстояние от каменного колодца, в котором тебя оставили, до подземного ручья, где за узким провалом начинается прямой отрезок в полкилометра. Там можно даже бежать, тем более что бежать хочется, дома ждет торт с семью свечками в кремовых розочках. Но прямо перед дверьми в безопасные «домашние» коридоры стоят древние ловушки, которые ты должен не просто обойти, но починить и настроить. Потому что только что твой наставник или ослабил гайку в механизме обрушивающейся плиты, или пережал патрубок в водяном капкане, или выдернул шплинт из корончатой шестеренки «гильотины». Ты понятия не имеешь, дотронувшись до какого из выступов стены лишишься головы и, соответственно, праздничного торта. Ты идешь очень медленно, приносясь к звукам и прислушиваясь к запахам, а где-то не так далеко, как хотелось бы, раздается хихиканье демона, который с радостью отпразднует твой день рождения, перекусив тобой.

Хихиканье ближе и ближе. Дыхание чаще и чаще. Успеть! Успеть! Успеть! Найти поломку, исправить, настроить, не ошибиться. Успеть! Успеть! Успеть!

Должен успеть, можешь успеть, обязан успеть. Ведь лучше смерть, чем полный насмешки голос наставника над ухом: «Ну, хватит возиться. Ты только что погиб, мальчик. Завтра пробуем снова».

В восемь будущего зрителя знакомят с Па-
хаком.

— Почему Пахак не попадает в ловушки?

— Потому что он сам — ловушка.

— Он живой?

На последний вопрос ответа не существует, как не существует ответа на вопрос «когда закончится срок нашего служения и закончится ли вообще». Да и не нужен он никому — этот ответ.

— Кто ты, тхаджан?

— Я зритель ростовского лабиринта.

Вот все, что должен знать каждый мальчик из рода Ангуриянов.

* * *

Карина жалела, что родилась девочкой. Потому что именно она должна была встать на место деда Тороса. Это она должна была получить из его рук черепаху и последний, самый тайный маршрут, ведущий к сокровищу, ради которого и построили лабиринт. Она, а не Роберт. Брат это тоже понимал, хоть и кичился своим американским дипломом инженера-механика. Вот только диплом еще никого не сделал хорошим зрителем.

Роберт не любил подземелье, не чувствовал его, а Пахака вовсе боялся, поэтому предлагал избавиться от демона, а вместо него установить по всем отдаленным рукам современные ловушки.

— Не нам решать, — суровел дед. — Работает, не трожь.

— Почему это? Мы ведь рискуем. — Роберт демонстративно клал руку на стол так, чтобы всем виден был его покалеченный мизинец.

— Вот станешь зрителем, тогда и согласишься свои придумки с хозяином. А пока не трожь.

— Дед, ты не прав.

Отец в этих спорах не участвовал, а мать, которую на «семейный совет» не допускали, стояла, прислонившись ухом к замочной скважине, и часто кивала. Карине было обидно. С одной стороны, она — Королева Червей, с другой — даже дед не собирается посвящать ее в планы. И все же Карина не считала происходящее нечестным. У женщин — одни дела, у мужчин — совсем другие.

Меж тем, Карине не запрещалось спускаться в лабиринт, и она все еще отвечала за ежедневную кормежку Пахака, а потом бродила вместе с ним по штольням час-другой — бесшумная и ловкая, как змея. Однако зрителем лабиринта стала не Карина Ангуриян, а Роберт. А все потому что она — девочка. Однажды выйдет замуж и уйдет из родной семьи, до самой смерти храня от новой родни тайну ростовского подземелья. Странно... Так странно всегда и везде быть своей лишь наполовину.

— Каро! Завтракать.

Карина очнулась, взглянула мельком на часы. Ахнула. Три ступеньки вниз одним прыжком, поворот — девушка застыла, прислушиваясь к голосам в столовой.

— Эши глух!

— Что? Переведи, плиз.

— Не что, а кто? Ослиная башка! Или ты теперь только по-английски понимаешь, тхаджан?

Слышны были в основном голоса деда и брата. Отец равнодушно, словно скандал происходил где-то в другой вселенной, помешивал ложечкой сахар в чайной чашке. Наверное, должно случиться что-нибудь из ряда вон выходящее, чтобы он хоть на полтона повысил голос. Что-нибудь вроде посадки НЛО прямо перед крыльцом. Да и тогда он для начала убедится, что галстук повязан ровно, что все пуговицы на белоснежной сорочке застегнуты, а на ботинках нет ни пылинки, и лишь потом выйдет на улицу выяснить, что же произошло.

— Вчера ты дурь спорол, Роберт. Проблем хочешь? Где мой кофе? Где цхармоч? Трубка моя где, я спрашиваю. Джана.

Мать подскочила, подала деду чашку кофе с молоком и пошла к буфету за трубкой.

— Я не убил его, — голос Роберта дрожал от обиды. — Вырубил на две секунды. Не убил. Хотя мог. А по-твоему, дед, я должен был расцеловать щенка за то, что он приперся в Нахичевань?

— Ты сам еще щенок. Развернуться и уйти — вот что надо было сделать. Будоражить Шороховых нам сейчас не с руки. А ты сорвался!

— Как будто когда-то было с руки? Шороховых давно пора Пахаку скормить — заодно на свинине сэкономим, — фыркнул Роберт.

— Шорохами пусть отец твой занимается. Его дело — управлять тем, что наверху. А твоя задача — лабиринт. Когда последний раз там был?

— Вчера как раз собирался, пока этот не пришел. — Роберт поморщился и продолжил: — Отец здесь не справляется один. Слишком много дел. Слишком быстро все меняется. Вон метро у Шороховых еле отбили. Надолго ли? Год-другой, и снова он или кто-нибудь еще примется лезть под Ростов. Вон шороховский щенок вчера про подземелья вякал. Как будто о чем-то догадывается.

— Всегда кто-нибудь догадывается. Всегда лезет. И всегда погибает. Успокойся, тхаджан. — Торос пожал плечами и шепнул так тихо, что его никто, кроме Карины, не услышал: — Лусик, ты что прячешься? Заходи.

Карина скользнула внутрь маленькой, но уютной столовой. Таиться больше не было смысла. Слух у старого Тороса, как у летучей мыши, несмотря на то что в прошлом месяце он отметил свое семидесятилетие.

— Какао? Кофе? Чай? — встрепелась мать.

— Какао. Приятного аппетита всем.

Отец даже не повернул головы в ее сторону. Дед с ласковой улыбкой кивнул внучке и снова обратился к Роберту:

— Так все-таки когда последний раз был в лабиринте, тхаджан?

— Э-э-э-э... Я же говорю тебе. У меня и наверху дел по горло.

— Каких? О компьютер глаза ломать? Бездельников отслеживать? В бирюльки играть?

— В бирюльки?! Ты считаешь это бирюльками? Ты постарел и не имеешь даже идеи, как все сейчас усложнено.

— Не представляешь... — Карина осторожно потянула на себя чашку с горячим какао. Улыбнулась. Ей показалось, что, переведи она сейчас сказанное в шутку, скандала не случится.

— Что?

— По-русски говорят «не представляешь, как все сложно», Роберт. Булочку хочешь?

— Не лезь, Каро! А ты, дед, зря смеешься. — Роберт вцепился пальцами в край стола и уставился на деда, не моргая. — Знаешь, сколько времени и бабла ушло, чтоб убрать из сети любой намек на лабиринт? А чего стоило сфальсифицировать карты и подкинуть их в нужные места? Чтобы, как ты их назвал... бездельники не лезли куда не следует. Бирюльки... Сейчас другие времена, дед. Хранить тайну становится все более трудным.

— По-русски — труднее...

— Не лезь!

— Это работа Юрия. — Старый Торос наконец-то раскурил трубку и затянулся. Ароматный дым окутал столовую. — Твоя работа — подземелье. Ты — зритель.

— А я еще раз повторю! Выпотрыш чубатый не просто так по городу шныряет. Говорю же — он о чем-то догадывается. Кусок сала, что был с ним вчера, назвал меня черепахой! Думаешь, случайно?

Дед шумно втянул воздух, поперхнулся кофе и вдруг захохотал так, что испуганно задрожали в буфете хрустальные рюмки:

— Ах-ха-кха-кха-а, черепаха? Черепаха? Ах-ха-кха-а-а-аха. Похо-ож.

— Черт! Да ты от старости разум потерял, что ли? — стукнул по столу кулаком Роберт.

Карина замерла. Что сейчас будет! Она даже пожалела, что послушалась деда и вошла в столовую. Быть свидетелем того, что вот-вот произойдет, ей не хотелось.

— Молчать!

С грохотом отлетело в сторону кресло. Ударилось о стену, перевернулось. Роберт приоткрыл рот, не то чтобы что-то добавить, не то от удивления, но не успел произнести ни звука. Дед выплеснул прямо в красивое лицо внука содержимое своей кофейной чашки. «Хорошо, что

он кофе молоком разбавляет — не такой горячий», — подумала Карина.

— Молчать, сопляк! Решил, что раз у тебя черпаха, так ты уже и хозяин? Так, да? Место свое забыл? — взревел Торос. Рванул на себя скатерть, опрокидывая тарелки, блюда, чашки. Упал на ковер кофейник, поплыло по светлому ворсу коричневое пятно. Варенница, ударившись о ножку стола, разбилась, кусочки засахаренного инжира разлетелись по полу.

Старик сделал несколько быстрых шагов и очутился рядом с внуком. Как будто это не его кривая палка стояла, прислоненная к столу. Как будто это не он еще вчера жаловался на ревматизм, хромал и горстями глотал цветные таблетки. Роберт инстинктивно закрыл подбородок и нос руками, но Торос уже держал его сухими жилистыми пальцами за шею. Страшный, всклокоченный, похожий на уменьшенную копию Пахака.

— Так кто тут хозяин?

— Дед, прекрати...

— Кто?!

— Да никто. — Юрий Ангурян зевнул. Медленно поднялся, стараясь не задеть манжетом рубашки растекающуюся по столу чайную лужицу. Подошел к буфету, достал коньяка, плеснул на дно пузатого бокала. И повторил тусклым голосом: — Никто из нас! Не он, не я и не

ты, папа. Мы все здесь — заложники лабиринта и слуги мэтра Барбаро. Рабы чертовой лампы...

Наступила ватная тишина. Только тикали монотонно старые ходики и где-то на улице раздавались женские визгливые голоса. Мать принялась подбирать с ковра осколки — бесстрастно, как робот. Карина вскочила, чтобы ей помочь. Внутри у нее все дрожало, поэтому она пару раз чуть не порезала пальцы, но поднять глаза ни на деда, ни на отца так и не решилась.

— Ладно. Потом продолжим. Пора на ипподром. — Торос Ангурян облизал пересохшие губы. Отпустил внука и нагнулся за упавшей на пол трубкой.

— Рубашку сменю пойду, — голос Роберта звучал глухо.

— Каро.

— Да, папа?

— Ты вроде собиралась на конюшни к Аргаваз?

— Я... Да, пап, хорошо.

Меньше всего Карине хотелось сейчас ехать вместе с мужчинами на ипподром. Она лучше спустилась бы в лабиринт, покормила бы Пахака печеньем и сбежала с ним куда-нибудь к подземному ручью, что под Аксаем. Там, сидя на удобном камне с выемкой, можно было часами слушать, как копошатся под сводами летучие мыши, можно было бы взять с собой планшет и почитать, хотя мыши этого не одобряли, срывались

хлопотливыми гроздьями вниз, возмущенно пищали и норовили прогнать нарушителя прочь. Но она со среды напрашивалась со взрослыми в конюшни, и теперь было бы неприлично отказываться.

— Только сперва загляни ко мне. Есть разговор.

* * *

Карина помогла матери убраться и лишь после этого поднялась в отцовский кабинет. Папа редко вызывал ее к себе — он вообще нечасто с ней разговаривал, и порой ей казалось, что он даже не помнит о том, что у него есть дочь. Всегда одетый с иголочки, болезненно аккуратный, молчаливый, Юрий Ангурян был полной противоположностью деду Торосу. Ни ласкового взгляда, ни улыбки — словно его когда-то хорошенько заморозили, а потом так и отправили жить дальше. Сколько Карина себя помнила, столько отец и был таким. Ледяным. Карина порой удивлялась, как они с мамой умудрились пожениться и родить двоих детей. Но потом смотрела на свадебные фотографии родителей, где смеющийся Юрий Ангурян кружит на руках худенькую счастливую невесту, и думала, что она чего-то о нем не знает. Чего-то очень важного. Однажды дед странно обмолвился. В ответ на вопрос Карины, отчего папа почти никогда не ходит вниз,

вздохнул и пробурчал: «Сломал Юрку лабиринт». Карина ждала продолжения, но дед щелкнул ее по носу и перевел разговор на другую тему. Она тогда еще удивилась, как может лабиринт сломать — разве не наоборот? Разве не делает он человека ловчее, сильнее, умнее и больше? Но с того самого дня ей перехотелось хвастать перед родителями своей дружбой с Пахаком и делиться впечатлениями от подземных прогулок.

От предстоящей беседы с отцом ничего хорошего Карина не ждала. Все подобные разговоры заканчивались неприятностями. Например, запретом гулять с Пахаком ночами. Или выговором за то, что она не удержалась и сфотографировала демона на мобильник. Конечно же, прежде чем повесить фотку к себе «В контакт», она хорошенько ее отфотошопила, чтобы все приняли Пахака за монстра из комикса, но отца это почему-то не убедило. Он приказал Карине не только убрать картинку, но и закрыть страничку навсегда. Отец спокойно, не повышая голоса, объяснял дочери возможные последствия ее поступка, но от этого мертвого голоса, от этого равнодушного лица Карине стало почему-то так плохо, что она еще целую неделю не решалась заговорить с ним.

Вот и теперь она уже заранее готовилась к дурным новостям.

— Можно?

— Да. Заходи, Каро. Как твоя учеба? Как настроение?

— Хорошо. Спасибо, папа.

Отец вяло перебирал на столе бумаги, думая о чем-то своем. И не было ему никакого дела ни до настроения дочери, ни до ее учебы. Девушка терпеливо ждала. Наконец отец выпрямился и бесцветно, как о чем-то совсем обыденном, может быть о поездке на дальнюю дачу или очередной своей командировке, сообщил:

— Я решил, что тебе пора подумать о замужестве.

— Что? О чем?

— О браке, Каро. Тебе ведь уже шестнадцать.

— В декабре будет. Пока пятнадцать...

— Вот и славно. Я подобрал тебе отличную партию. Готовься к свадьбе.

Ей казалось, что это все дурной сон. Она просто толком не проснулась еще. Не услышала будильник. Сейчас мама громко позовет ее снизу. Придется разлеплять тяжелые веки, потягиваться, сидя на высокой кровати, болтать ногами и причесывать непослушные волосы, быстро натягивать платье и спускаться в столовую. Она даже украдкой потерла глаза. Пора просыпаться! Не помогло.

— ...прекрасная, состоятельная семья... свои фабрики в Европе... Дом в Версале. Тебе ведь нравится Версаль?

И еще раз потереть глаза. И украдкой ущипнуть себя за руку.

— Да. Мне нравится Версаль, папа.

— Вот и замечательно. Новый трехэтажный дом с садом. Если хочешь, можешь посмотреть фотографии — Артюр вчера прислал. Поедешь в июне, сразу как занятия в школе закончатся. Последний класс оформим экстерном.

— Какой Артюр?

— Ты меня разве не слышала? Артюр — твой будущий муж! Не волнуйся, Каро, никто не планирует сразу оформлять брак. Поживешь там, привыкнешь к новой родне. Поближе узнаешь мужа.

— Мужа? Да, папа. Конечно.

— Надеюсь, тебе не надо пояснять, что можно рассказывать Артаньянам, а что нельзя. Ты ведь понимаешь, о чем я?

— Да. Я понимаю, папа.

Карина стояла, заложив руки за спину. Шевельнись она сейчас, наверняка разрыдается. Губы задрожат, из глаз польются предательские стыдные слезы. Нет! Нельзя плакать. Нельзя кричать, топтать ногами или возмущаться. Она всегда знала, что так и произойдет. Что однажды она будет стоять напротив отца и слушать его монотонный безразличный голос, сообщающий о том, что ей пришло время стать чужой. Что закончилась Карина Ангуриан — солнечный лучик, лусик, царица подземелья, Королева Червей. Она

не знала, чего ей больше жаль: своего странного необычного детства, лабиринта, Пахака, деда, старого дома, родителей? Может быть, одноглазой кошки Назик или гнедой лошадки Аргаваз, но ей казалось, что она сейчас — маленький летучий мышонок, которого отрывают от уютного гнезда и выбрасывают наружу, под промозглый осенний ливень. И никому, никому нет до нее дела.

— Поздравляю тебя, Каро. А теперь ступай. Через десять минут собираемся вниз. Пора на ипподром.

* * *

Мама поджидала в коридоре, наверняка опять подслушивала. Карине захотелось, чтобы она обняла ее, погладила по волосам, пожалела. Но мать делано улыбалась и кивала, как китайский глиняный болванчик.

— Поздравляю. Поздравляю! Чудесная новость. Блестящая партия. Новый, богатый дом, а не эта... — у матери некрасиво заострился подбородок, — халупа.

— Это не халупа. Это! Мой! Дом!

Карина оттолкнула мать и помчалась вниз. Лестница... ступенька скрипучая, ступенька широкая, ступенька с трещиной, новая... и еще...

«Это мой дом, мой дом, мой дом», — шептала Карина, словно пыталась словами зацепиться за реальность, которая только что ушла из-под ее ног.

— Это мой дом!

Карина родилась здесь. Здесь выросла. Каждый порожек, каждая дверь, каждая ступенька... и скрипучая-певучая, и с трещиной, и даже две новые... были частью ее мира. Она знала, как поют медные трубы в ванной, как кашляет, жалуясь на возраст, духовка и как пыхтит в подвале котел. Она обследовала все тайные уголки от чердака до подвала, где в кирпичных прямоугольных нишах хранились пыльные бутылки с вином. Единственное место, куда ей нельзя было входить без разрешения, — дедова комната. Большая, разделенная книжными шкафами на две части, она выглядела совершенно обыденно. Узкая жесткая кровать, аккуратно застеленная пикейным покрывалом, рабочий стол, над столом любительский пейзаж и настенный календарь. Слева от стола — оконце в сад. Под ним громоздкая тумба, в которой лежат подушки. Две большие перьевые подушки, которые нужно обязательно вернуть на место. И потянуть за тайный рычаг дверцу, чтобы она плотно закрылась за тобой. Там, за подушками, за фанерным задником с остатками бумажного ценника «...руб. 45 коп.», и расположена стальная тяжелая задвижка, открывающая ход в лабиринт. Тесный, крутой спуск — ты не идешь, но почти соскальзываешь вниз по высоким ступеням, дальше коридор, больше похожий на кротовый

лаз, и круглый каменный колодец. В колодце ниши числом пять, но только одна из них ведет в подземное царство.

* * *

— Дед! Дед! Ты слышал? Они выдают меня замуж. Я не хочу. Я хочу здесь, с тобой, с Пахаком. Я хочу быть смотрительницей, как бабка Ануш. Я могу, ты же знаешь. Я лучше Роберта. Деда, пожалуйста, открой!

— Знаешь, как по-армянски «мужество»? — Торос Ангуриян распахнул дверь. Он был одет «для выхода», в немодном костюме, в шляпе, с палкой — похожий на уставшего волшебника. — Мужество! Ариуцюн! У тебя есть ариуцюн, Каро. Я знаю. Ты умеешь принимать свою судьбу и знаешь, что такое долг. Все Ангурияны это отлично знают. Поэтому успокойся и перестань плакать. Нам пора. Не хочу пропускать сегодняшние бега.

— Да, деда. Хорошо, деда. — Карина коснулась пальцами щек — они в самом деле были мокрыми. Надо же, она и не заметила, что расплакалась.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИППОДРОМ

Никогда не влюбляйся в лошадей!

Это правило номер один в мире скачек, и всякий владелец рано или поздно усваивает его как дважды два. Лошадь — это не друг, не питомец и тем более не игрушка. В первую очередь это статус. Во вторую — деньги. В третью — это чертова куча проблем, начиная от аллергии, запалов и мыта и заканчивая раскапризничавшимся жокеем. И хотя для всего этого существуют ветеринар, массажист, конюх, тренер... все равно, хочешь не хочешь, приходится вникать в подробности, разбираться, психовать, выписывать счета и подбивать убытки. Скаковая лошадь — та еще головная боль, и никогда в жизни Сергей Александрович Шорохов не ввязался бы в это сомнительное предприятие, если бы кто-нибудь заранее разъяснил ему правило номер один. Никогда не влюбляйся в лошадей.

Вот только, когда к Сергею Александровичу впервые подвели Багета и сказали: «Гляди, Серега, какой муругий пацанчик тут хозяина ждет», он об этом не знал. Поэтому он посмотрел в веселые глаза молодого дончака, положил ладонь на крутой лоб с белым пятном в форме редиски и понял, что пропал.

Может, в нем всколыхнулась память предков — все-таки по материнской линии был Сергей Александрович из донских казаков. А может, просто не смог устоять против смышленного взгляда рыжего жеребенка. Но, так или иначе, два года назад Сергей Шорохов приобрел первую в своей жизни скаковую лошадь. Будь у него больше времени, он ночевал бы на конюшне, притулившись на куче ветоши в углу. Но как раз со временем у Шорохова отношения сложились суровые — бизнес съедал почти все. На семью оставалось, дай бог, несколько часов в неделю... и еще несколько часов на Багета. Каждый вечер, освободившись от поздних совещаний и встреч, Сергей Александрович заезжал в конюшню, где его ждал сонный сердитый конюх Дима. Багет обычно или дремал, стоя в деннике, или уже спал, поджав под себя тонкие породистые ноги, изредка прядая ушами и вздрагивая кожей.

— Хороши-и-ий мой... Ры-ы-ыжий. Мальчи-и-ишечка, — шептал Сергей Александрович Багету. Конюх Дима усмехался краешком губ. Он

знал про первое правило. В выходные Шорохов обычно приезжал сразу после обеда. Иногда с семьей — женой и двумя сыновьями. Но чаще в одиночку. Стоял у ограждения и смотрел жадно и с завистью на скаковую дорожку, где Багета готовили к скачкам тренер и жокей. Сам Сергей Александрович ни разу в жизни верхом не ездил, не собирался. Отговаривался возрастом и тучностью. Вот первенец его — Макар... он бы мог, если б только захотел. Но здесь отец и сын, обычно единомышленники, во взглядах расходились.

Макар отцовского увлечения лошадьми не понимал. Точнее, по-человечески, по-пацански понимал, конечно, но разделить готов не был. Он честно пробовал. Даже пару раз забрался в седло, чтобы доставить старику удовольствие. Только никакого кайфа не получил. Сунуть в пасть Багету лакомство, потрепать по густой гриве, почесать белую «редиску» на лбу было здорово, но ездить верхом — увольте. Тем более что рост и комплекция по-настоящему жокействовать Макару не позволяли, а кататься для рисовки — девичья забава. Да и положила руку на сердце, всем Багетам мира Макар предпочитал свою машину. Лифтованная подвеска, шесть цилиндров, сто двадцать лошадей. Поехали! Грунтовку поизвилистее, покрытие похуже. Педаль в пол, музыку на максимум — и получаешь столько чистого драйва, что не нужны ни Кентукки-дерби,

ни Аскот, ни, тем более, воскресные бега на городском ипподроме.

Однако пропустить эти скачки Макар не мог — сегодня бежали двухлетки, и среди них в первый раз Багет. Отец ночью не спал, ворочался. Поднялся с рассветом и рвался немедленно ехать на конюшни, как будто без него там все пойдет наперекосяк.

— Ты к забегу, гляди, не опаздывай. Смотри мне! Не прощу! Наследства лишу. — Отец сдвинул густые брови, а сын не выдержал — рассмеялся.

— Буду, пап. Не трясись ты так сильно. В полдень — как штык!

Макар едва не опоздал. Проводив отца на ипподром, отрубился и проспал до полудня, измучившись странными, рваными снами, в которых на него падали гранитные глыбы, сыпались лавины щебня и песка, а хихикающие черепахи в оранжевых жилетах предлагали прокатиться верхом.

В десять минут первого, кинув джип на стоянке, он пробрался сквозь толпу и направился к центральным трибунам, выделенным для владельцев лошадей и их гостей. В отличие от шумной и пестрой «галерки» вип-зона выглядела внушительно. Выходные костюмы на мужчинах, нарядные платья на женщинах. Драгоценности, перчатки до локтя и даже шляпки. Нет. Не Аскот,

конечно, но всякому здесь было ясно, что местный бомонд относится к событию серьезно и не даст себя посрамить. При виде Шорохова-младшего заволновалась сидящая на нижних рядах «золотая молодежь» — Макара в городе уважали и любили. Он был прямодушен, честен, смел и, несмотря на то что батю его за глаза называли ростовским доном Корлеоне, никогда ни статусом своим, ни возможностями не кичился.

— Мак! Иди к нам!

— Сюда, сюда!

— Шорохов, але!

— О! Шорох собственной персоной! Тут девочки тебя заждались!

Макар, широко улыбаясь, отмахивался от окликов приятелей, но, услышав последнюю фразу, притормозил и кивнул двум покрасневшим барышням в ярких платьях. Никого из этой компании он близко не знал — кажется, пару раз встречал в клубах, однако девушки есть девушки, а в семнадцать лет флирт — одно из главных удовольствий в жизни.

— Отлично выглядите.

Барышни вспыхнули еще ярче, Макар улыбнулся еще шире... и отправился дальше искать отца.

— Сын! Я здесь.

Макар лихо перескочил через метровую перегородку, разделяющую трибуны на «своих»

и «чужих», едва не сбив охранника. Тот было схватил нарушителя за грудки, но сразу же узнал и приложил два пальца ко лбу, приветствуя.

— Привет, па. Как жеребьевка?

— Мы шестые. Фаворит — ангурияновский Артсиви. Черт бы его подрал! Идет по третьей. — Отец нахмурился и тут же напряженно уставился в сторону стартовых боксов.

— Ясно. А сами армяшки где? Что-то не заметил.

— А черт их знает. На конюшнях, может. Тьфу! Вспомни черта, так он и появится. — Шорохов-старший покосился вверх и влево. Еще секунду назад там крутился кто-то из городской администрации, но теперь три лучших места оказались свободными, а вдоль ряда, отодвигая самоstrуганой палкой ноги сидящих, шествовал сам Торос Ангуриян. За ним следом шел его сын Юрий — сорокалетний изможденный человек с повадками сонной гиены. Завершал процессию Роберт. Выглядел он спокойно, но в каждом его шаге, в каждом взгляде чувствовалось напряжение, азарт и злоба.

Старый Торос мазнул взглядом по трибунам. Заметив Шороховых, еле заметно кивнул. Сергей Александрович ответил таким же сдержанным кивком и толкнул сына кулаком в бок. Макар, сглотнув подкатившую к горлу ярость, старательно нагнул голову и едва не взвился, наткнувшись на высокомерный прищур Роберта.

— Вот собака! — взвился Макар, увидев, как многозначительно Бобр трет шею, глядя прямо в глаза врагу. — Па. Армяшек пора кончать.

«Внимание, лошади в боксах!» — рывкнули динамики.

— Не сейчас.

Отец побледнел, нагнулся вперед. А когда лошади вырвались на дорожку, вскочил и, схватившись руками за голову, принялся подпрыгивать, еле сдерживаясь, чтобы не закричать. Галстук сбился набок, манжет рубашки расстегнулся, дорогая запонка упала на бетонный пол. Макар подобрал запонку и осторожно положил ее в карман отцовского пиджака.

«Впереди кучно. Вперед ушел Артсиви. Замыкает скачку Багет».

— Привет. Я так понимаю, Серегу лучше сейчас не трогать, — подошел сзади Цыбин Иван Иванович — родной Макаров дядька по матери, отцовский названный брат, первый зам и самый надежный соратник.

— Ага. А чего Цыба... Чего Игорь не пришел? — Макар удивленно огляделся в поисках друга.

— Давит на массу. Не добудился с утра жиртреста, — хохотнул Иван Иванович. — Где таскались вчера, черти?

— Да так. Гуляли.

— Ничего себе гуляли. У Гошки треть морды опухла.

— Ого! Ну, проведу я вечером. Скажи тете Оле, пусть пирожков напечет.

— Не до пирожков сейчас. Но ты забегай.

Иван Иванович втиснулся на свободное место. Любитель лошадей, в молодости бывший жокей — это он сосватал Шорохову коня. Своих скакунов Цыбин не держал, тотализатор не жаловал, но азартнее его болельщика не было. Не пропускал ни одного забега, звал конюхов по имени-отчеству и мог на спор перечислить всех чемпионов за последние пятьдесят лет. Но сегодня Иван Иванович, кажется, был взволнован вовсе не скачками. Он даже не смотрел на дорожку, сидел, уставившись тяжелым взглядом себе под ноги и жуя кончик густого уса.

«Участники входят в правый поворот. Вперед вырывается пятый номер — Киргиз. Вторым — Артсиви. Третьим — Вереск. Сразу за ним — Багет».

— Багет! Багет! Давай, милы-ы-ый мой! — не выдержал Шорохов-старший и все-таки завопил, затопал ногами и даже не заметил, как двинул локтем какую-то мадам, разряженную не по погоде в норковый палантин.

Макар засмеялся: он любил, когда отец был такой — по-мальчишески дурной и веселый. Вскочил, сунул в рот два пальца, засвистел громко и заливисто. И почувствовал, как отец одобрительно касается своим плечом его плеча.

Шороховы... Макар и Сергей Шороховы — всем бандам банда! И никаким Ангурянам с ними не справиться. Ни за что.

— Дава-а-ай! Дави на газ! Жми, рыжий! Жги! Шевели поршнями!

— Багет! Ба-гет! Ба-а-а-ге-е-ет!

«Пятьсот метров пройдено за тридцать четыре секунды».

«Багет вторым».

«Первым Артсиви».

«Багет обходит Артсиви».

Цыбин все так же сидел, разглядывая что-то у себя под носом, и, казалось, даже не слышал, как ревет ипподром. Как крики радости от близкого успеха сменяются стонами отчаяния и снова переходят в неудержимый восторг. Как дрожат трибуны, не то от топота тысяч ног, не то от самой атмосферы азарта и ожидания победы... или поражения.

— Не слышал? Отец с утра в мэрии был?

Макар сообразил, что дядька уже секунд пять дергает его за штанину, пытаясь обратить на себя внимание. Надо же! Он и вправду увлекся скачкой. Конечно, это не стритрейсинг по ночному городу, но тоже бодрит!

— Что? Где? Когда?

— В мэрии. С утра. Насчет стекольного.

— Понятия не имею, но вообще вряд ли. — Макар пожал плечами и тут же забыл обо всем,

разглядев, как знакомая морда с белой «редиской» на лбу сровнялась с караковым Артсиви, а потом и обошла его. И еще! И еще! И на полкорпуса... На корпус!

— Баге-е-е-ет!

Взрели трибуны. Вряд ли от радости — ставили-то в основном на фаворита. А вот Шорохов-старший, наоборот, вдруг замолчал. Словно понял, что может теперь даже шепотом спугнуть удачу.

«Первым — Багет».

— Ангурияны опять мутят.

— Дядь Вань, не слышу я... Что? Громче!

— Ангурияны, говорю, прут из всех щелей, а батя твой булки мнет! — Иван Иванович встав, прокричал это прямо Макару на ухо, понимая, что до старшего Шорохова ему не достучаться — как ни старайся. — На прошлой неделе мукомолку увели, сейчас на стекольный нацелились. Про метро молчу.

— Стекольный? Это который в Кобяково?

— Он самый.

Макар присвистнул тихонько. Вот оно, значит, как. Значит, Ангурияны и до городища решили добраться. Но ничего, теперь он им покоя не даст. После того, что он видел сегодняшней ночью, не будь он Макар Шорохов, если не выяснит все до конца. Если не поставит жирную точку в вековой вражде — да так, чтоб Ангурияны этим жиром захлебнулись навсегда. Насмерть.

Про давние неурядицы между семьями Мака́р знал не так уж и много, но все же достаточно, чтобы ненавидеть Ангуриянов с самого детства. Знал он, что закрутилось все в начале двадцатого века, когда прапрадед — тоже, кстати, Мака́р, — лихой ростовский парень, увлекавшийся модернизацией технологий, чем-то крупно насолил влиятельным армянам. Знал, что потом много лет прапрадед обходил Ангуриянов стороной, лишь бы не попасться на глаза старой ведьме Ануш, поклявшейся известить Шорохова во что бы то ни стало. Знал, что прапрадед странным образом пропал в тридцать втором. Вышел, что называется, с утра покурить на завалинку... и поминай, как звали. Ходили слухи, что он утонул в Доне и не по своей воле, только доказать ничего не смогли — у всех Ангуриянов было железное алиби, включая Ануш, которая умерла за месяц до исчезновения товарища Шорохова. Но крови армянам тогда попортили немало — Макаровы приятели по ночам ходили бить Ангуриянам окна, а крошечную их ремонтную будку, что стояла на углу Садовой, взламывали раз десять — не меньше.

Прадеду Виктору Макаровичу Шорохову исполнилось тогда двадцать, он учился в Вольском летном училище, а его будущее выглядело светлым и большим, как небо над Родиной. Оно

таким оставалось до самого тридцать восьмого года. В боях на озере Хасан лейтенанта Шорохова подбили, он дотянул до своих... но машину потерял и сам оказался серьезно ранен. Уже в госпитале случайно познакомился с земляком. Артиллериста звали Вачиком. Вачик Беспалый (у Вачика не хватало мизинца на левой руке и половины среднего на правой). Был он старше Виктора лет на десять, отлично играл в подкидного, любил выпить, побалагурить... И выслушать умел как-то по-особенному. Внимательно. Без соплей и советов. Но лишь тогда, когда прямо из госпиталя Виктора Шорохова забрали в особый отдел, а оттуда сразу под трибунал, летчик — теперь уже бывший — сообразил, что ему отлично знакома фамилия беспалого Вачика — Ангуриян.

Прадеду исполнилось тридцать, когда началась Великая Отечественная. Летать ему больше так и не довелось. В штрафбатах не летают. Он вернулся домой в Ростов в сорок четвертом. Без ноги, с гармошкой и сделанной из немецкой гильзы зажигалкой. Первым делом побывал на кладбище у матери, а потом отправился своим ходом в Нахичевань. Там в покосившемся бараке он разыскал семью Вачика Ангурияна — солдатскую вдову... и двух пацанов — восемнадцатилетнего Ваграма и шестилетнего Тороса. Ваграм чинил чей-то примус, вертел его в руках

(на правой не было половины среднего пальца, как и у его отца), а Торос крутился рядом.

Виктор Шорохов ушел тогда прочь, ни сказав ни слова. Напился вусмерть и орал «Шар голубой» до тех пор, пока его не забрали в комендантуру до утра. Как знать, сколько бы прожил он, таскаясь на костылях по привокзальным рюмочным, если бы не пригревшая его сердобольная буфетчица Вера.

В сорок пятом родился у Виктора и Веры сын Сашка... вертлявый пацан с русыми шороховскими кудрями, а в пятьдесят пятом Виктора чуть не посадили за поджог — на рынке сгорела армянская часовая мастерская, а на месте пожара нашли ту самую зажигалку. Спасла его инвалидность и то, что с неделю назад в пивной он жаловался на пропажу трофея, — дело закрыли. А на то, что Сашка Шорохов потом еще с месяц ходил, хромая, никто внимания не обратил. Мало ли за что может получить ремня десятилетний оболтус.

Александр вырос, как и все Шороховы, выбрал военную карьеру. Служил во Владивостоке, в Таллине, в Польше. В перестройку комиссовался и, вернувшись в Ростов, организовал с друзьями свою охранную фирму. Назвал с размахом — «Империя». Оттуда и пошло — империя Шороховых да империя Шороховых. Император да Император. Сначала прилепилось, а потом оказалось пророческим.

Ровно в те годы поднялись и Ангурияны. «Вылезли» из обычных часовщиков и автомехаников в бизнесмены, открыли сперва один сервис, потом другой. И утихшая было вражда вышла на новый виток. Девяностые прогремели бурно и страшно. Погиб в уличной перестрелке Ваграм Ангуриян. Доказать вину «императора» так не смогли, однако шила в мешке не утаишь. По городу ходили сплетни. Все ждали, что Торос не оставит смерть старшего брата просто так. Однако случилось то, чего никто не ожидал. На забитой сразу после гибели Ваграма стрелке не случилось бойни, но было заключено перемирие. Что и как обсуждали заклятые враги, закрывшись от всех в тонированном джипе «Чероки», — тайна. Однако после этого почти двадцать лет прошли хоть и не в согласии, но в условном мире... Интересы кланов не пересекались, а сами «боссы» при неизбежных встречах вежливо кивали друг другу.

В нулевых Александр Шорохов неожиданно отошел от дел, передав «Империю» единственному сыну. Торос Ангуриян сделал то же самое семью годами раньше...

Александр Викторович Шорохов — тот самый юный поджигатель, родной и обожаемый дед Макара — был до сих пор жив, здоров, проживал с супругой в Черногории и до сих пор писал письма вручную. Аккуратнейшим почерком.

Без единой помарки. «Сергей. Пришли с okazji ей гречки и селедки в круглых банках. Прежде чем принимать какое-либо решение, подумай семь раз. Не горячись. К армянам не лезь. И Макарку держи в ежовых рукавицах». Дед не просто так это писал. Шороховская горячая кровь то и дело давала о себе знать. Сергей Александрович в свои сорок пять не научился толком контролировать ни гнев, ни радость. Умел со вкусом широко гулять, умел работать, как проклятый. В городе его за это любили... и ненавидели тоже за это. Это он — неугомонный и отчаянный — уже который год бился с администрацией за метро. Чертово ростовское метро, которое, словно зачарованный замок (хотя какой уж тут замок... скорее, подземелье), то появлялось, то исчезало с градостроительных планов. Шорохов поднимал на уши столичные связи, разыскивал специалистов, тащил в город старых метростроевцев, знаменитых геологов и маркшейдеров, доказывая на всех углах, что Ростову необходимо метро, что оно, черт побери, просто обязано здесь уже быть и будет... мать вашу!!! будет!

И почти же преуспел. Если бы не Ангурияны!

Армяне нарушили двадцатилетние перемирие. Да так подло... Ударили прямо под дых. Когда почти готовый — еще полгода, и можно начинать работы — проект строительства ростовского метро уже лежал на сукне у больших

людей, в мэрию явился сам Торос Ангуриян. И что уж он там делал, кому и сколько платил, что врал, чем грозил, что обещал — неизвестно. Но только проект зарубили! Не просто проект... мечту!

Мечту!!!

* * *

«Лошади идут очень кучно. Скачку по-прежнему ведет Багет!»

— А-а-а-а!

— Артсиви!

— Ба-а-агет!

— О черт! Багет! Что ж ты творишь... Ах!

«Споткнулся и потерял всадника шестой номер — Багет».

— Ешкин же кот! — Отец рухнул на сиденье и зажмурился, словно не желая верить в происходящее на поле.

— Да ладно, па. Ничего страшного. Не последний же раз бежим. Ну па-а-а! — Макар неловко обнял отца за плечи. Ему показалось, что тот плачет. По крайней мере плечи тихо вздрагивали. — Молодой еще. Жеребенок. Обтешется и всех сделает. Ты ж видел! Он шел первым. Впереди ангурияновского каракового. В следующий раз он их сделает!

— Все... Я в норме, сынок. Так. Психанул. А ты что колготишься-то, Ванька? Что стряслось? —

Отец шумно выдохнул и вытер глаза рукавом рубашки. Быстро посмотрел на дорожку, туда, где позади остальных участников весело скакал Багет с пустым седлом. Нашел глазами жокея, убедился, что тот в порядке, и повернулся к Цыбину.

— Ангурияны стекольный на Аксае подбирают, — сперва зашептал, а потом почти заорал дядька, пытаясь заглушить вопли толпы.

— Артсиви! Арт-си-ви!

Макар покосился в сторону Ангуриянов. Те сидели строгие, с каменными лицами, словно происходящее на поле их никак не касалось. И только во взгляде Роберта плескался злой азарт.

— Артси-и-и-иви! Ура-а-а-а! А-а-а-а-а!

«Артсиви финиширует первым! Поздравляем владельцев!»

Поймав торжествующую усмешку Роберта, Макар не удержался. «Я тебя еще сделаю», — очень отчетливо одними губами произнес он. И незаметно для отца показал Роберту средний палец.

— Убью, — ладонь Роберта недвусмысленно скользнула ребром по шее. И еще раз. — У-бью!

ГЛАВА ПЯТАЯ

КАТЯ

Развеселившийся Багет последним пересек финишную полосу и резво помчался на следующий круг, не желая возвращаться в скучную конюшню. Перепрыгнув через ограждение, рванул ему наперерез молоденький жокей.

— Ну! Сколько еще они будут нам палки нам в колеса вставлять, а? Налоговую давай, что ли, на них спустим? Лет двадцать назад мы б по-другому разобрались, да где те времена?

— Страшный ты, Ваня, человек, — натужно расхохотался Шорохов-старший и с тоской посмотрел влево, туда, где Торос Ангуриян принимал поздравления. — Ладно. Попробую разобратся...

— Да все уже! Все! Бумажки подписаны. Ну вот на хрена им стекольный, спрашивается? — никак не мог уговориться Цыбин. — Там же развалины. И бомжей как тараканов.

Макар слушал вполуха и соображал, что медлить теперь ему нельзя никак. Сейчас события прошлой ночи казались ему черно-белой пленкой, старинным ужасником, где на фоне задорного аккомпанемента герои бегают туда-обратно, а из углов выпрыгивают картонные монстры. После его просмотра совсем не страшно, но как-то... неловко. Вроде и не дотягивают кукольные чудища до современных чудес компьютерной графики, а все равно нет-нет — да и передернет. И сюжет наутро видится уже не таким глупым, каким казался вначале. Потому как отвечает на многие вопросы.

По сути, Макар получил накануне подтверждение всех своих главных теорий и подозрений — ситуация под городом еще таинственнее и привлекательнее, чем рассказывали маркшейдеры, — настолько привлекательнее, что до нее уже помимо Макара охотники находятся — это раз.

Его карта-самоделка, может, и не идеальна, но по поводу залазов в лабиринт она ни разу не врет, то есть можно смело на нее полагаться — это два.

Охрана на объектах, которые Ангурияны подгребают под себя, появляется сразу и реагирует молниеносно — это три.

Собранные вместе, эти факты сводились к единственно правильному решению — забивать на воскресные планы, на вечернюю клубную тусовку, на данные Цыбе обещания и на всех парах

двигать в Кобяково. «Слишком далеко от города спуск, какой с него толк?..», «Здесь, на границе с Аксаем, в пещерах давно уже происходят странные вещи...», «Что там копать-то? Битые бутылки да гвозди...», «Одна из первых археологических экспедиций...», «Венецианец Барбаро, еще в пятнадцатом веке...», «По легенде, здесь находится меотское захоронение с кладом...»

Уже без разницы — что слышал Макар о Кобяковом городище, осколки чужих фраз стремительно теряли ценность, уже без разницы — с кем ехать, без разницы — выпался или нет, без сожаления по поводу потенциально убитой одежды — заезжать домой, чтобы переодеться, не стоит. Время безжалостно убыстрило ход и побежало крупинками между пальцев, рвануло прочь со свистом — попробуй, догони! Не завтра, не через неделю — сейчас надо решаться. Иначе грош тебе цена, Макар Шорохов. Никакой ты не кладоискатель, не исследователь, не авантюрист, почти ухвативший за хвост тайну, а... гриб безвольный. «Поганка!» — как его обзывал сгоряча Илюха — младший обожаемый брат.

А то, что чуть камнями не завалило... что чуть через стену не пошел... Макар прислушался к себе — только отголосок недоумения. Где-то глубоко-глубоко. Будто это не он сам, а кто-то чужой, наблюдать за которым со стороны — интересно и весело, а главное — безопасно, потому

что по законам жанра должен же кто-то выживать даже в самом опасном и страшном ужастике? Сейчас страхи и чудеса казались надуманными, отправились в стиральную корзину вместе с изгвазданной одеждой — наступил новый день, новое настроение и свежие джинсы, рядом с которыми мама горкой насыпала все добро из карманов старых.

«Обсудить надо... хоть с Цыбой. Побазарить. Проговориться. Вместе пообсуждать. Но потом, все потом, сначала Кобяково...» — Макар рассеянно перебирал пальцами в кармане, цепляя ключи, брелок, монетки, маленькую металлическую черепашую лапку...

— Макар... Макар... Ты меня слышишь вообще?

— Что, па? — Шорох поправил очки и уставился на отца — весь сыновняя почтительность и внимание.

— Пообедаем? Сейчас еще пару заездов поглядим, потом к Багету заскочим, и можно по борщу где-нибудь. И толстую отбивную. А? Мама подъедет с Илюшкой. Посидим все вместе, побалакаем.

— Э-э-э...

Отказывать отцу Макар не любил и не умел. Но сейчас ему дорога была каждая минута.

«Начинаем очередной заезд. Господа. Внимание, лошади в боксе».

— Ну так что? Лады? По борщу?

— Па... — Макар замялся. Посмотрел на лицо отца — уставшее и грустное — и вздохнул. Кобыково подождет до вечера. — Ладно. Ты смотри забег, а я пока прогуляюсь и маме заодно звякну. Встретимся через полчаса на конюшнях.

* * *

Спуститься, быстро и ловко пробираясь сквозь толпу и не обращая внимания на девичьи взгляды. Кивнуть знакомым по «бойцовскому клубу» ребятам, остановиться на полминуты и перетереть с бывшим одноклассником, достать телефон... Цыба, отвечай же! Ну... где ты завис?

«Абонент временно недоступен». Макар пожал плечами. То, что Цыба отключил телефон, было странно. Но, в конце концов, толстяк вряд ли огорчится, узнав, что лучший друг направился на раскопки без него. Свою нелюбовь к археологии и прочим авантюрам Цыба выразил вчера довольно отчетливо.

«Отбой». Макар, насвистывая, направился в восточную часть ипподрома, где за кругом для выездки располагались частные конюшни. Он миновал шумные трибуны, за спиной остался металлический голос диктора, комментирующий новый забег.

— О! Шорохов? К Багету? Морковку возьми! — крикнули откуда-то слева. Макар начал было поворачиваться, чтобы поприветствовать конюха

Диму, и замер, увидев, как прямо на него прет огромная гнедая кобыла, к спине которой при-
тиснулось что-то испуганное, лохматое, в безум-
ной шляпке.

— В сторону! В сторону! — завопил кто-то.

— Держи! Держи ее! Наклоняй в сторону!
Не на себя повод! Вбок! Ма-а-ать! Седло ползет.
Прыгай! Прыгай, или вылетишь ей под ноги!

— Не могу! Не останавливается... Тащит!
Задубела и тащит! А-а-а-ай! Раздавлю! — за-
кричала «шляпка». И вытаращилась на Макара,
словно хотела испепелить его взглядом.

Могла бы и не таращиться. У «шляпки» и так
глаза от ужаса стали в пол-лица, а расширившие-
ся зрачки слились с радужкой. Бледное лицо...
бледные, почти белые губы. Задравшая выше
колен юбка, явно не приспособленная для вер-
ховой езды, на ногах резиновые сапоги размера
эдак сорок третьего. На круглом колене неза-
жившая болячка.

Чтобы заметить все это, Макару понадобились
какие-то доли секунды. Миг на то, чтобы осознать
происходящее. И полмига на выбор — отско-
чить так, чтобы лошадь со всадницей пронеслась
мимо, или остаться на месте. Точнее, шагнуть
вбок, сосредоточиться, сгруппироваться для
того, чтобы, если что, принять на себя четыре
центнера разогнавшейся конины...

— С дороги!

— Дура! Прыгай! Стремена скидывай и прыгай... на меня прыгай. Или разобьешься! Ловлю!

— А-а-а-а!!!

Она сумела выдернуть ногу из стремени, оттолкнуться от гнедого бока и полетела прямо на Макара, распахнув глаза еще шире. Он до чертиков обрадовался бы, если бы у нее в соответствии с жанром за спиной внезапно выросли крылья или, на худой конец, реактивный двигатель — тогда она взмыла бы в воздух вместе со своей идиотской шляпкой. Но чуда не произошло. Девушка сбила Макара с ног — он едва успел выставить ладони, чтобы смягчить удар, и они оба покатались в лужу.

Кобыла, потеряв седока, перешла на рысь, пробежала полкруга и остановилась, как ни в чем не бывало. Седло свалилось ей под брюхо, поводья тащились по земле.

* * *

— Живы? Целы? — Дима нагнулся над сидящим на земле Макаром. Девушка уже поднялась и пыталась счистить с платья налипшую грязь. Пресловутая шляпка валялась на земле.

— Относительно. — Макар подцепил пальцем упавшие очки и, убедившись, что стекла и оправы целы, вернул их на нос. — Амазонка, ты в порядке?

— Чокнутый... Я бы остановила ее! Если бы не ты, я бы справилась! — «Амазонка» направилась

было к конюшням, однако один сапог застрял в глине, и девчонка совершенно постыдным образом выскользнула из него, споткнулась и со всего размаху наступила босой ногой в кучу, слишком напоминающую навоз, чтобы быть чем-то другим. Под пяткой противно чавкнуло. — Черт! Черт!!!

— Отлично, — рассмеялся Макар совершенно беззлобно. — Остановила бы она! Не расшиблась?

— Нет! Только... Вот! — Она вздохнула, развела руками, словно демонстрируя пришедшее в полную негодность шелковое платье, протертую на локте короткую белую курточку и испачканную лодыжку, и неожиданно улыбнулась. — Извини, что кричала. И спасибо тебе.

Лучше бы она швырнула в него шляпкой, изнавоженным сапогом или булыжником... Да чем угодно! Лучше бы продолжала бессильно обзываться. Лучше бы подошла к нему, все еще сидящему на земле, и пнула в живот. Лучше бы повернулась и ушла в конюшню, возле которой в ужасе замерли две разодетые девицы, видимо, «амазонкины» подружки... Но она стояла, смотрела на Макара и улыбалась. Темная, почти черная прядь лезла ей на лоб, и она то и дело убирала ее назад тыльной стороной ладони. На лицо вернулся цвет, щеки и губы порозовели, и она превратилась в обычную, хотя и очень красивую... нет! Все-таки не в обычную... а потрясающую девушку.

— Спасибо. Если б не ты, я бы ни за что не прыгнула. Но все равно ты чокнутый.

Макар внезапно почувствовал, как ему стало жарко! Понял, что краснеет, словно школьник, явившийся на урок с расстегнутой ширинкой. Как последний ботан, случайно поцеловавший одноклассницу. Он понял, что заливается краской и ничего не может с этим поделать. И даже отшутиться или отболтаться не в силах. И тем более не в силах отвести взгляда от ее лица. Он смотрел на ее губы и невыносимо, абсолютно невыносимо и ненормально ни для ситуации, ни для давно уже разучившегося краснеть и влюбляться Макара Шорохова хотел дотронуться до них своими губами.

Кажется, она почувствовала, что происходит, вздрогнула. Отвела взгляд. Макар с облегчением втянул в себя воздух, ставший вдруг слишком сухим и горячим. Да что же это такое? У него в жизни так не перехватывало дыхания! Вот хотя бы сегодня ночью, когда дрался с Бобром — так не билась кровь в ушах. Когда прятался за бетонной стеной — так не пекло под ложечкой. И когда его завалило камнями и началось черт-те что со стенами — так не ворочался в горле ледяной комок. И сердце... сердце билось гораздо ровнее.

Взять себя в руки. Успокоиться. Это гормоны. Обычный адреналин и тестостерон... тоже,

в общем, обычный. Плюс слишком много событий для одного воскресенья и одного Шороха!

— Я вызову врача. Сейчас. Но вам бы лучше в травмпункт, — суетился конюх Дима. То подсакивал к Макару, то возвращался к девушке и принимался наматывать вокруг нее круги. В руках зачем-то держал сапог. На пористом лбу его выступили капли пота, глаза бегали туда-сюда. Кажется, он страшно боялся, что в случившемся обвинят его. — А я предупреждал. Говорил, что нельзя больше старушку под седло. Что она нервничает. Ну? Предупреждал или нет?

— Угу, — вздохнула девушка. — Но Аргаваз такая всегда была умница, такая послушная.

— Ей лет уже сколько! Ей уже тысячу лет! Ее давно надо...

— Так! Достаточно! Поставьте Аргаваз на место! И прошу вас, — она выделила интонацией «прошу» так, что всем вокруг, включая Макара, стало ясно — это не просьба, но приказ, — не общаться никому об этом инциденте. А я, в свою очередь, умолчу о том, что вы, Дмитрий, пустили меня к лошади и как следует не проверили подпругу при седловке.

Макар, пока эти двое препирались, наконец-то поднялся, быстро одернул футболку и повернулся, чтобы уйти. В общем, он был здесь больше не нужен. Благодарностей, объятий и вознаграждений не ожидал. Да и не любил затянутых героических

эпизодов ни в жизни, ни в кино. В обычной ситуации он не упустил бы возможности пофлиртовать с хорошенькой «амазонкой», но почему-то сейчас это было последнее, что хотелось сделать. Он бы в жизни не признался себе в том, что боится. Что предложи ему сейчас кто-нибудь выбор — ростовское подземелье или одна напуганная девчонка в грязном платье... он по принципу «меньшего зла» выберет подземелье. Настоящая опасность здесь! В этом голосе! В этих тонких ключицах! В этих запястьях, которые можно сломать двумя пальцами! В этих губах!!!

Макар сделал еще пять шагов. Он знал, что пять, потому что считал их шепотом. Как в детстве, когда загадывал, сумеет ли пройти с закрытыми глазами по карнизу. Один, два, три, четыре... Пять!

Повернуться на пятках. И снова задохнуться, увидев, как она собирает растрепавшиеся волосы в высокий хвост.

— Слушай, амазонка. Тебя подвезти до травмпункта?

— Что?

— Несмотря ни на что, некоторое количество серого вещества у тебя ведь есть. Значит, ты вполне могла его растрясти. Надо бы убедиться, что что-то осталось. Да и как ты поедешь по городу в таком виде? Тебя такую ни в автобус не пустят, ни в такси не посадят.

— Ну...

— Ногу только помой под шлангом! Едешь или нет? — он почти кричал. Потому что если просто говорить, то голос может сорваться. А Макар Шорохов не тот человек, у которого от всякой ерунды срывается голос.

«Па... Слушай. Тут такое дело. Придется срочно барышню одну в больницу отвезти. С кобылы на вернулась. Так что с обедом, боюсь, не выйдет», — надо же. Про обед он совершенно забыл и теперь волновался, как отец отреагирует на отказ.

«Видел, видел! Ну ты у меня мужик! — Чего было в голосе Шорохова старшего больше — волнения за сына или отцовской гордости? — Матери только не скажем. Лады?»

— Я пришла... Я вот!

— Вот — Бармаглот... Шевелись давай.

* * *

Она могла сказать, что на стоянке ее ждет машина с шофером. И что она тут не одна — с отцом, дедом и братом. И что в его помощи она не нуждается. Спасибо. И что ей стоит лишь сделать звонок, чтобы за ней примчались из частной клиники с сиреной, капельницей и термосом горячего какао. И что ей запрещено садиться в чужие автомобили. Тем более, к мужчинам. Тем более, к незнакомым... Хотя какой он незнакомый. Она могла бы сказать, что она Карина Ангуран и что ей не пристало с ним разговаривать,

тем более, прыгать на него с лошади. Тем более, отвечать на его вопросы... и его взгляды.

Карина осторожно дотронулась ладонями до щек — нет! Не горят! Это хорошо.

Ноги едва передвигались, и страшно хотелось куда-нибудь присесть, да хоть в грязь, но она попрощалась с онемевшими от всего происходящего подружками и победоносно прошествовала к стоящему у ограждения Макару. Он равнодушно разглядывал заляпанные брызгами джинсы и, казалось, уже был совсем не рад своему спонтанному предложению.

— Я вот.

— Бармаглот... — Макар, нахмурившись, быстро пошел вперед. — Шевелись давай.

Карина посеменила за ним, проклиная неудобные туфли. Но лишь когда уселась на переднее сиденье желтого джипа, когда пристегнулась, с трудом попав защелкой в замок, осознала, что происходит. И сама испугалась своего предательства. Что она творит!!!

— В травму? Или домой? Ты как сама?

— Ага... То есть нормально, — слова застревают в горле. — Лучше домой...

— Имя, амазонка?

— Что?

— О как! Все же сотрясение нас настигло! Как вас зовут, милая девушка?

— Ка... Катя. — Она решила, что, если чуть-чуть соврет, хуже не будет. Хуже уже вообще вряд ли

будет. Разве что отец не получит эсэмэски, в которой она отпрашивается с подругами в кино. Или получит, но решит удостовериться. Или откажет...

«Да, Каро. Конечно, иди. В девять непременно будь дома», — экран моргнул и погас. Она вздохнула с облегчением.

Ложь номер один тащит за собой ложь номер два. Дальше приходит очередь лжи под номером три, а дальше как снежный ком — все больше, все страшнее, все неотвратимее. Так было всегда и везде. Карина отлично это знала, однако, назвавшись Катей, уже не могла остановиться и прекратить врать.

— Учишься?

— Учусь... В строительном на Горького... — Карина тут же сообразила, что наличие собственной лошади со строительным колледжем не вяжется, и кое-как выкрутилась: — А на ипподром кататься приходили. Конюх — мой знакомый. Бывший сосед то есть.

— А-а-а. А живешь где?

— В Нахичевани... Ну, там, на Шестнадцатой линии. Где высотки.

— И как? Нравится?

— Что нравится?

— Район. То есть хороший район, только самолеты над вами садятся. Не шумновато?

— Ничего... Да они правее, над Доном садятся. Даже не слышим. Спим с открытыми окнами.

Она сильно переигрывала, но Макар этого не замечал. Из последних сил стараясь выглядеть спокойным, он смотрел на дорогу и не понимал, чего ему хочется больше — ехать так еще неделю или две, слушая ее голос, или высадить ее прямо здесь и прекратить выглядеть дураком. Ему никогда не составляло труда заболтать любую девчонку — пара-тройка шуток, многозначительная пауза. Рэп в динамиках, или рок, или даже попса... многозначительная пауза. А дальше зависит от девчонки. Кому-то пройтись по ушам про тачки и байки, кому-то про Ахматову и Гумилева, кому-то про серфинг в Марокко прошлым летом. Главное — выглядеть заинтересованным, слушать девчачий треп, не пренебрегать, но и не злоупотреблять комплиментами, изображать волнение... Вот только сейчас ему ничего не надо было изображать. Черт! Макар стиснул руль так сильно, что, если бы тот был живым, взвизгнул бы от боли и возмущения.

— Ну что? Уверена, что в порядке? Тогда сразу домой кину...

— Кидай, — улыбнулась Карина.

— Ну ни фиги себе... Пробки! Откуда на Красноармейской пробки в выходной? — Он не выдержал напряжения, выругался шепотом. — Извини.

— Ничего. Только лучше без этого. И знаешь, если тебе так трудно и если ты жалеешь, что предложил меня довезти, то я дойду пешком.

— Каким пешком?

— Обычным пешком. Ногами. Или на марш-рутке. Я же чувствую, что ты злишься!

— Угу. Можно пешком. На автобусе. На метро тоже можно. Осторожно, следующая станция Нахичевань! — Он резко свернул к обочине и притормозил. — Все можно! Послушай, Катя, Катя, Катерина... Я не злюсь! Не злюсь я... Я вообще не понимаю, что со мной происходит, но мне правда трудно! И я действительно не хочу везти тебя ни в травмпункт на ЦГБ, ни в твою Нахичевань. Я не хочу тебя вообще никуда везти, потому что хочу вот этого!

Макар повернулся к девушке, протянул руку к ее лицу и осторожно провел пальцами по щеке. Распахнулись от удивления и снова стали нереально огромными ее глаза. Макар впервые в жизни понял, что вот это книжное про «утонуть во взгляде» сейчас случится с ним на самом деле. Он нагнулся, осторожно дотронулся до ее губ, задержал дыхание и... резко откинулся обратно, сильно сжав кулаки.

— Прости. Я идиот.

— Да, — как-то очень спокойно, видимо еще не отойдя от удивления, согласилась Карина.

— Да, идиот, или да, прощаешь?

— Я пойду, ладно?

— Нет. Шестнадцатая? Я довезу. И не бойся. Ничего такого больше не случится.

— Я не боюсь. — Карина попробовала улыбнуться. Но вышло у нее неважно. — Просто странно. Ты меня совсем не знаешь. Я тебя тоже... Может, ты решил, что если ты меня спас, то можно со мной вот так?

— Как так? Ты с ума сошла? — Макар даже в лице изменился. — Ты что несешь?

Джип рванул с места так резко, что дремлющий на бордюре голубь от неожиданности порскнул прямо в лобовое стекло. А дальше на «желтый» через перекресток, педаль в пол. Мимо частных домов, укутанных в раннюю осень, мимо высоток, нахмурившихся окнами...

— Какой смысл спасать девушку, если собираешься ее тут же угробить?

— Не понял? А-а-а-а... — Макар сообразил, что она шутит, сбавил скорость и наконец-то сумел выдавить из себя улыбку. — Извини. И вообще, Кать, знаешь что...

— И вообще знаешь что...

Они произнесли это хором. Замолчали, дожидаясь, когда другой закончит фразу. И снова одновременно начали говорить.

— Давай сначала ты.

— Хорошо, — Макар кивнул. — Кать. Если ты не спешишь и если... ну, если тебя рядом со мной после всего не тошнит, то давай просто покатаемся, а? Не возражаешь?

— Нет, не тошнит. Не спешу.

«Что ты творишь? Что? Где твоя гордость? Где совесть? Разум где? Это же твой враг и враг твоей семьи. К тому же ты почти невеста! Одумайся!» — Здравый смысл попробовал вернуть Карину Ангуриян в реальность, упрекая в предательстве, ругая за глупость и пугая последствиями, но что может какой-то здравый смысл против юной девушки, сидящей на переднем сиденье желтого «Рэнглера» рядом с самым красивым на Ростове парнем, который только что ее поцеловал?

* * *

Вечер. Какой короткий, какой теплый, какой удивительный в Ростове вечер. Пешеходы осторожны. Автомобилисты дружелюбны. Менты предусмотрительны. Не Ростов-папа, а какая-то Ницца века эдак девятнадцатого. А все оттого, что совсем рядом — если захотеть, можно «случайно» коснуться локтем — Катя, Катька, Катюха, Катерина... о которой ты еще утром ничего не знал и без которой тебе, похоже, уже не обойтись.

— ...ну, я говорю, чтобы он отстал — «Цыба... зачем байк? Мне нужен желтый джип, чтобы можно было отлифтовать и навесить люстру»! И Цыба в этот же день лезет в сеть и реально находит там убитый «Рэнглер», и я понимаю, что если откажусь, то Цыба сожрет мне мозг своим нытьем.

— Вы чокнутые!

— Вообще-то он такой. Чудной. Я вас познакомлю. — Макар рассмеялся и протянул девушке треугольный сэндвич — последний из пакета.

«В Москве — девять вечера», — булькнули динамики.

— Сколько? — Карина вздрогнула. Вытянула из сумочки мобильник с отключенным звуком. — О господи! Отец звонил... Три раза. Я же думала, что еще семи нет.

— Торопишься? Уже? — заволновался Макар, увидев, как побледнела Карина. — А если еще полчаса? Или поедem медленно? Очень медленно. Ты же обещала мне про свой строительный рассказать...

— Про что? А да... Ну давай как-нибудь потом? побыстрее, если можно.

— Как скажешь! — Макар повернул в замке ключ, и «Рэнглер» тронулся с парковки на набережной. — Но мне правда жаль. Может, еще по кофе? Это же совсем недолго.

— Нет. Пожалуйста. Мы... мы лучше завтра встретимся. Или послезавтра.

Он вел машину быстро, умело. Что-то рассказывал, кажется, спрашивал о чем-то, но она уже не слушала. Отвечала невпопад. Сжимала в кулаке телефон и с ужасом ждала, что он каждую секунду может позвонить, и ей придется ответить, потому что она не вернулась вовремя, а значит, весь дом уже на ушах. Пьет валерьянку мать, ходит из угла

в угол отец, дед стоит в дверях, вертит в пальцах трубку и укоризненно качает головой. Роберт надевает куртку, готовый в любую секунду выйти на ее поиски. Карина Ангуриан не имеет права нарушать правила. Это выдуманная Катя все может. И кататься по городу на желтом джипе, сперва на пассажирском сиденье, а потом и за рулем. И жевать вчерашние сэндвичи с сыром, запивая теплой колой. И смеяться нелепым шуткам. И шутить самой. И ругаться, когда не получается разворачиваться задом. И даже не отдергивать ладонь, когда ее касаются чужие пальцы. Катя — она такая. Смелая. Дерзкая. Свободная. Вот только закончилась Катя. И даже туфельки нет хрустальной, чтобы оставить принцу на долгую память. Сейчас она выйдет у чужого дома, даст ему несуществующий номер мобильного, наврет еще немного поверх прежней горы вранья. И скроется за дверью чужого подъезда, чтобы там переждать, пока он уедет, а дальше бежать через дворы домой.

А дома мать, отец, брат, дед, укоризненно качающий головой. Семейные тайны, скандалы, лабиринт, Пахак и ее «блестящее» будущее, в котором места для сэндвичей с сыром просто нет.

— Приехали. Слушай, а может, покружим тут еще минут пять?

— Извини. Я правда спешу. — Она выскользнула из машины и остановилась, чтобы попрощаться. Ей хотелось броситься ему на шею. Хотелось

рассказать ему правду. Хотя всю правду нельзя говорить никому. Ну... Тогда хотя бы полуправду. Хотелось остаться. Больше всего хотелось остаться хотя бы еще на четверть часа. Но то, что можно Кате из строительного, нельзя Карине Ангурян.

— Ладно. Тогда до завтра? — Он обошел джип спереди и теперь стоял совсем близко. Так близко, что она могла видеть свое отражение в стеклах его круглых очков. — Диктуй номер — я сразу перезвоню, определюсь у тебя.

— Да. Ой! Слушай... — И еще одна ложь. — Это не моя труба. Подружки. Случайно обменялись утром. Так что ты сам запиши. Девятьсот восемнадцать...

— Ка-ать!

Он окликнул ее, когда она уже набирала цифры на замке (хорошо, что Люська, когда болела, заставила всех подруг зазубрить код наизусть, чтоб самой не вставать к домофону).

— Что?

— Я, кажется, забыл назвать свое имя, и ты даже не знаешь, как меня зовут.

— Знаю. Тебя в Ростове все знают, Макар Шорохов.

Она скользнула в подъезд, захлопнула за собой дверь и прижалась лицом к холодному металлу. Почему-то ей страшно хотелось плакать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СМОТРИТЕЛЬ

В столовой было пусто. Ходики укоризненно щурились со стены и — тик-так, тик-так — выговаривали Карине за непослушание. Она недоуменно оглядела прибранный стол и направилась к гостиной, надеясь обнаружить взрослых там, но перед телевизором сидела одна лишь мама и читала, время от времени поднимая глаза на экран. По первому каналу шло музыкальное шоу, звук был выключен — тоненькие, похожие на андроидов певички беззвучно раскрывали рты, напевая что-то про несчастную любовь. По крайней мере лица у певичек были такие тоскливые, что становилось понятно без слов — все в их жизни плохо и будет только хуже.

Карине подумалось, что это не в телевизоре, это в ее жизни все так плохо, что хуже уже некуда. А что сейчас за опоздание ей влетит — ерунда по сравнению со всем сегодня приключившимся.

С известием о дурацкой свадьбе, с необходимостью покинуть родной дом и уехать во Францию, а главное, с Макаром Шороховым... Ей вдруг захотелось куда-нибудь спрятаться, и лучше навсегда. Хотя и до утра — тоже ничего. Хорошо бы сбежать вниз, к Пахаку. Он, конечно же, не поймет ни слова, не увидит ее слез, но будет сидеть напротив, внимательно слушать и мотать плешивой головой в унисон Карининым жалобам. Смешно. К пятнадцати годам она умудрилась обзавестись одним настоящим другом — слепым демоном. Смешно...

— Каро? — мать подняла глаза от книги. — Который час?

— Без пятнадцати десять.

— Именно. Ты опоздала! Меж тем, теперь ты отвечаешь за свое поведение не только перед нами, но и перед будущей своей семьей! Перед Артанянами! И я не хочу краснеть за тебя потом...

— Прости, ма. Больше не повторится. Засиделась с девчонками в кафе, — соврала Карина. Плюс еще одна ложь — хуже все равно некуда.

— Позже обсудим. А теперь бегом к деду. Там все тебя ждут. Произошло что-то серьезное. Что-то, кажется, опять с этими Шороховыми связанное.

Серьезное? Произошло? С Шороховыми? Может быть, опять метро? Как в прошлом году,

когда дед чуть не попал в больницу с сердцем, а отец посинел от бессонницы, всеми силами пытаюсь уберечь лабиринт от натиска вражеского клана. Шороховы лезли под землю с усердием бегемота, нанимали геологов, пробивали инвестирование, согласовали даже направление будущих линий и планировку будущих станций. Казалось, крах неминуем — тайна подземного Ростова вот-вот выплывет наружу и все... Конец всему! Лабиринту, Пахаку и самими Ангурьянам. Однако Юрию Торосовичу удалось договориться с нужными людьми, и проект отложили. Отложить отложили, но вот надолго ли? Сколько можно сдерживать разъяренного бегемота? Год? Два? Пять?

Карина в перипетии отцовского бизнеса, разумеется, не лезла, но тщательно подслушивала. В конце концов, она тоже имела право знать, что произойдет с лабиринтом и демоном. Догадайся старшие, что малышка Каро во время всех тайных совещаний болтается поблизости, навострив уши, наверняка рассердились бы — не женское это дело. Женщины семьи Ангурян не должны забивать себе головы чем-то сложнее покупки новых украшений и, в самом крайнем случае, кормежки хихикающего демона.

Так вот, если мужчины опять собрались из-за метро, то зачем им понадобилась Карина? Зачем? Вот и выходит, что дело не в метро. Тогда

в чем? Неужели ее получасовое опоздание стоит того, чтобы созвать семейный совет? Ох. Вряд ли. А что если мужчины заметили, с кем она уехала с ипподрома? Что если наябедничали подружки и теперь ей предстоит ответить за предательство? Девушка прижала ладони к побледневшим щекам.

— Ма, — робко протянула она. — Что хоть примерно случилось?

— Что? Где?

— Ну у деда? Зачем я им?

— Откуда мне знать? Меня что? Посвящают? Я же в этом доме чужая. — Сжатые губы, надрывный голос. Мать всем своим видом демонстрировала обиду. Обиду выпестованную, выхоленную за двадцать два года. — Джана, кофе! Джана, цхармоч! Джана, подай, принеси, приготовь, проследи... Джана то, Джана се, Джана, у нас сегодня важный гость, так что сиди и помалкивай...

— Гость? Стой, ма! Погоди! Какое сегодня число?

— Пятое вроде бы... И так двадцать с лишним лет. У них служба, у них долг, а у меня что? Что у меня? У меня тут вечный курорт, можно подумывать...

— Пятое? Ох ты!

Под бормотанье матери Карина выскользнула из гостиной, пробежала несколько метров по коридору и остановилась перед ступенями в дедову

пристройку. Часы на мобильнике показывали без четверти десять. Пятое октября. Пятое. Октября. Карине не следовало знать, но так уж вышло, что она знала. Пятое октября — дата, которую всякий зритель помнит крепче, чем день своего рождения, Рождество или Вардавар. В ночь с пятого на шестое зритель спускается в лабиринт для того, чтобы встретиться с самим мэтром Барбаро и доложить, что все в порядке, ловушки работают, Пахак цел, а сам зритель, как всегда, на посту.

* * *

Мэтр Барбаро, дон Барбаро, синьор Барбаро. В доме нечасто произносили это имя, чаще называли «хозяином» и на все настойчивые расспросы о таинственном венецианце отвечали односложно, поэтому Карине пришлось самостоятельно перерыть поисковики. То, что она обнаружила по запросу «Иосафато Барбаро», выглядело не слишком достоверным — чересчур много домыслов, еще больше фальсификаций, возникших не без усилий самих Ангуриянов. Но все же Карина нашла гравюру с изображением самого «хозяина» и несколько раз перечитала его «Путешествие в Тану», написанное скорее для того, чтобы запутать любопытных, нежели чтобы пролить свет на историю ростовских подземелий.

Девушка непроизвольно сравнивала выдумку и реальность и порой смеялась так, что болел живот. Кажется, у «хозяина» было отменное чувство юмора — по крайней мере ему удалось так ловко запутать следы, что, не зная Карина навверняка, о чем идет речь, напугалась бы до смерти. Кровавые культы, таинственные артефакты, вампиры и «красная магия» — всякий здравомыслящий человек, услышав об этом, должен был не только обходить стороной городище, где до девятнадцатого века был обустроен главный ход в подземелье, но и к самому Ростову не приближаться на тысячу верст. Когда Карина дошла до описания «подземного чудовища», то чуть не подавилась бутербродом с колбасой. Бедняжку Пахака как только не обзывали — то венецианским ужасающим крокодилом, то красноглазым дьяволом, то гигантским червем-людоедом.

— Ты у меня культовый персонаж, оказывается, — сообщала Карина демону и немедленно цитировала соответствующий отрывок, звонко хохоча.

Иосафат Барбаро сознательно лгал, когда писал о несметных богатствах кобяковского кургана. Хитрый, расчетливый венецианец догадывался, что скрыть рукотворный Тартар не удастся — рано или поздно кто-нибудь наткнется на спрятанный от посторонних глаз ход, точнее, ходы — за пять столетий кроме первого

кобяковского залаза было обустроено с десятков новых. Под малой ложью о сокровищах Барбаро, как под карнавальной маской Пульчинеллы, скрыл истинное предназначение своего детища. Ложь его с радостью подхватили охотники за легкими деньгами, растащили, растрезвонили на весь свет. Никто из них и предположить не мог, что главная ценность ростовского лабиринта — не в мифических скифских драгоценностях, не в византийских кладах и не в казацких схронах.

Байки о пропавших в ростовских катакомбах кладоискателях и диггерах — половину из них сочинил и выложил в сеть Роберт — Карина тоже прочла. Но тут смеяться было не над чем — почти все истории писались «с натуры». Как ни любила Карина свое подземное царство и его слепого стража, закрывать глаза на их смертельную опасность для всякого чужака не получалось. Лабиринт с его запутанными ходами, колодцами, тупиками и ловушками был спроектирован и построен мэтром Барбаро не для развлекательных прогулок, но для того, чтоб неожиданный гость в нем потерялся и погиб. Пахак же, словно изголодавшийся Минотавр, бродил по запутанным штольням в поисках заблудившейся пищи, не испытывая к ней ни капли сострадания. Никто не должен попасть к сердцу лабиринта, никому, кроме посвященных, не положено знать, что за сокровище прячется в сердце лабиринта, путь

к которому из ныне живущих известен лишь зрителю.

Как-то Карина спросила деда — что? Что ТАМ? Что там, в районе «слепого» пятна под центром Ростова? Там, куда может попасть лишь владелец черепахи и знаток последнего тайного маршрута? Дед нахмурился так выразительно, что девочка чуть не сгорела со стыда. К этой теме она не возвращалась до самого прошлого года. Как раз до пятого октября. Роберт еще не вернулся из Штатов, и хотя на словах зрителем оставался дед, за делами подземными присматривала Карина. Старику становилось все труднее добираться до дальних коридоров, болела спина и ноги, начала подводить интуиция, и Пахак, почуяв слабинку зрителя, вдруг обнаглел. Дед несколько раз в последний момент уходил от демона при помощи черепахи, но после того, как монстр нагнал его в широкой пещере и целых пять минут не давал приблизиться к спасительной стене, вызвал Карину на недолгий, но важный разговор.

— Пока Роберта нет, придется тебе, лусик, временно поработать зрителем. Я возьму на себя ловушки, а вот обход — твоя задача. Добро?

— Конечно! — Карина еле удержалась, чтобы не запрыгать от радости. — Я все равно каждый день внизу торчу. Теперь хоть не просто так болтаться буду, а по делу.

— Надоест еще. Прогулки — одно, а служба — другое.

— Не надоест. Я бы... Я бы знаешь каким смотрителем была. Лучше всех. Лучше бабки Ануш, лучше тебя! — Она хитро уставилась на деда, тот добродушно рассмеялся.

— Не женское это дело, лусик. Сама знаешь. Я бы ни за что тебя не попросил, но отцу твоему сейчас недосуг — ему бы с Шороховыми разобратся, а я что-то последнюю неделю не в форме. Договорились?

— Ага!

— И еще... — дед остановил Карину, когда она уже забралась в «бельевую тумбочку» и прилаживала на место «подушки». — У меня в лабиринте сегодня назначена важная встреча. Будь добра, поддержи до полуночи своего плешивого дружка где-нибудь подальше от Садовой.

— Встреча? Под Садовой? — Подушки вывалились обратно на пол. — Это там? На последнем маршруте? В «слепой» зоне? Да? Ночью? С кем?!

— Камац камац! Тихо, лусик. Просто сделай, как я прошу

Она не стала настаивать. Более того, она до самого вечера честно старалась справиться с любопытством и даже ушла в самые дальние штольни под Аксай, но чем ближе к полуночи двигались стрелки, светящиеся на экране ее «Нокии», тем сильнее свербела в голове стыдная, но такая

привлекательная мысль — проследить за дедом и узнать, что же там... Что же там, куда не вхожа сама Королева Червей. «Я чуть-чуть... Совсем чутьчку. Просто подгляжу, где вход в «слепую» зону, и вернусь. Тем более, дед наверняка меня застывает. Тем более, он сто процентов пойдет напрямую через стены, чтобы срезать дорогу. А может, и нет дороги, а к сердцу лабиринта может пройти только владелец черепахи? Как считаешь?»

— Хихи... — Пахак мягко приземлился на лапы. Спрыгнул с потолка, где только что висел, вцепившись когтями в выбоины меж камней и чем-то сочно чавкая. — Хихи.

Карина машинально запустила пальцы в седую жидкую шерстку за пружинистым ухом.

— Не. Ничего не выйдет. Дед меня в момент вычислит. По звуку, по запаху... Жаль, я не ты. Тебя-то он бы ни за что не услышал, если б не твое дурацкое хихи. Не обижайся, Пахакджан дорогой.

— Хихи... — Пахак ничуть не обиделся. Скатился в ручей, принялся там задорно плескаться и фыркать. Потом выбрался наружу, встряхнулся, окатив Карину холодными брызгами, и совершенно по-щенячьи принялся валяться по земляному полу.

Карина внимательно наблюдала за демоном. Молча. Долго. Потом вздохнула, поднялась с камня и стянула футболку.

Тень, призрак, невидимка и неслышимка. Вот кем она стала в ту ночь. Она отмыла с себя все запахи студеной водой, так что сама стала водой, оттерла их шершавым камнем так, что превратилась в камень. Потом лежала на земляном полу два часа кряду, переворачиваясь раз в пять минут, чтобы впитать в себя лабиринт, чтобы стать настоящей Королевой Червей. Она дышала в унисон с дыханием летучих мышей и двигалась вместе с ними. Она исчезла, растворилась в воздухе лабиринта и, когда Пахак перестал водить раздвоенным носом по сторонам, отыскивая по-другу, очень медленно поднялась на цыпочки.

Раздалось нервное хихиканье. Пахак недоверчиво подкрался к вороху снятой одежды, ткнул в нее рылом и уселся рядом.

— Пахак хороший. Пахак добрый. Лучший в мире демон. Сиди тут, — шепнула Карина.

Услыхав голос девочки совсем в другой стороне, Пахак хрюкнул и принялся затравленно ози-раться.

— Я здесь, здесь. Не бойся. Но сейчас уже пойду. А ты сиди.

— Хихи.

Поставив на «плей» первую попавшуюся аудиокнижку, Карина вколотила между камнями кладки ножик и подвесила на него футболку так, чтобы она колыбалась даже от самого слабого

ветерка. Скользнула в темноту коридора и, убедившись, что демон успокоился, улегся на пол, припустила со всех ног к дому. До полуночи оставалось около полутора часов.

Карина нагнала старика уже возле границы «слепого» пятна. Торос Ангуриян медленно шел по коридору в кромешной тьме. Он — Карина даже сперва не поняла, в чем дело и откуда этот странный звук, — опирался на палку, и это было не просто странно — страшно. Скорость, ловкость, беззвучность — вот главные качества смотрителя. А дед — ее дорогой дедушка, тот, которого она всегда считала лучшим из лучших, стал вдруг беспомощным, как личинка.

Тук, тук, тук — глухо стучала палка о брусчатку пола. Тук-тук-тук. Раз в пять минут старик останавливался и затихал, чтобы прислушаться к лабиринту. В этот миг замирала и Карина, сливалась со стеной и запрещала себе даже дышать. Думать о том, что произойдет, если ее обнаружат, она себе тоже запретила. А еще решила не огорчаться, если дед неожиданно растворится в стене, оставив ее с носом. К счастью, дед обходился пока что без черепахи, хотя маршрут был довольно замысловатым. «Болеет бедненький мой. Не решается лишний раз пользоваться предметом», — догадалась Карина. То, что часто применять, а тем более, постоянно носить на себе черепаху нельзя, ей пояснили еще лет

в шесть. Бесплатных чудес не бывает, за всякий проход сквозь стены зрителю приходится платить малой толикой собственного здоровья.

Вот и славно. То есть не славно, конечно, что дедушка хворает, но славно, что она наконец-то увидит лаз в «слепую» зону. За десять лет Карина раз тысячу исследовала все рукава, примыкающие к таинственному «слепому» пятну на смотрительских картах. Обползала все тупики, ощупала все стены, даже забиралась к потолкам и трогала каждый камень в надежде найти тот самый рычаг, что откроет перед ней дверь к сердцу лабиринта. Безрезультатно. Двенадцать заканчивающихся тупиком лучей-коридоров, ведущих к «слепой» зоне, двенадцать тупиков, двенадцать разочарований...

* * *

Торос Ангуриан прошел мимо южного и двух юго-западных «лучей», на секунду притормозил возле северо-западного первого, но свернул лишь в следующий. Карина кралась следом на расстоянии сотни шагов. Рукав резко уходил вниз под углом градусов в сорок, считаясь одним из самых крутых спусков в лабиринте. Карина даже испугалась за деда — как он со своей этой палкой справится, но старик умело двигался вперед, несмотря на хромоту. Чем ниже они спускались, тем холоднее становилось вокруг. Плечи

и спина Карины покрылись пупырышками, ноги почти потеряли чувствительность, но она ничего этого не замечала. Любопытство и азарт были в миллион раз сильнее холода.

— Кхе-е-ех, кхе-е. — Надсадный дедов кашель распугал пару летучих мышей. Из нагрудного кармана старомодного пиджака появилась металллическая фигурка черепахи.

«Нет! Не-е-е-ет, — умоляла Карина про себя. Так досадно дойти почти до цели и остаться ни с чем. — Не-е-ет!»

Говорят, если чего-то очень сильно по-настоящему хотеть, оно непременно сбудется. И чем раньше ты убедишься, что это правило работает, — тем больше у тебя шансов получать подарки судьбы снова и снова. До четырнадцати лет Карина Ангуриян не верила в везение. Под землей нет места для госпожи Удачи, там следует полагаться лишь на миссис Ловкость и мадам Быстроту. А то, что люди называют интуицией, — во все не чудо, но та же самая ловкость и быстрота, заложенная глубоко в подсознание. Чем тщательнее ты тренируешь руки, ноги и голову, тем сильнее становится твоя интуиция. Поэтому, когда подружки с умным видом трепались о чьей-нибудь невероятной удачливости, Карина лишь ухмылялась — случайностей не бывает.

Но сейчас, с немим восторгом наблюдая за тем, как бесшумно проваливается куда-то вниз

глухая стена, Карина впервые поверила в его величество случай. Она втиснулась спиной в стену так сильно, что, кажется, кладка отпечаталась на ее коже. «Поди, жутко похоже на черепаший панцирь», — хихикнула про себя Карина.

Дед шагнул назад, убрал предмет и, опершись на палку, уставился вперед, туда, где дрожал рыжий огонек старинного масляного фонаря.

— Дон Барбаро...

— Дон смотритель.

— Добро пожаловать, мэтр! — Дед начал как-то странно нагибаться, и Карина поняла вдруг с ужасом, что он сейчас преклонит колено перед человеком, который только что вышел из-за каменной глухой стены.

— Нет, — быстрым жестом остановил незнакомец. — Не надо.

— Лабиринт-на-Дону в полном порядке, мэтр Барбаро. Демон цел. Предмет здесь. За год было пять попыток проникновения, все пресечены. Две жертвы. Увы.

— Мне жаль, — голос незнакомца наполнился искренней печалью. — Вы болеете, дон смотритель? Трость?

Он говорил на чистом русском, и только мягкий акцент выдавал в нем иностранца...

— А, это, — дед неуклюже отставил палку назад к стене. — Нет. Я не болен. Я уже стар. И сегодня мы видимся в последний раз, мэтр.

— Жаль. Когда здесь будет новый змотритель? Через год? И кто?

— Через год. — Дед кивнул. — Как обычно, пятого октября. Можете не беспокоиться, дон Барбаро. Это мой внук — Роберт Ангуриян. Он хороший змотритель. Сообразительный мальчик. По образованию инженер-механик, так что с капканами проблем не будет. Что надо — починит, что надо — поставит.

— Это хорошо. Встречусь с ним через год, в этот день, в этот час.

Блеклое пятно света мазало по стенам, полу и потолку — гость водил фонарем вверх-вниз, тщательно рассматривая подземелье. Обнаружив трещину, задерживал взгляд сливовых глаз, щурился и что-то шептал под нос. Карина тарацилась на происходящее и ничего не понимала. То, что незнакомец странно выглядит, не казалось смешным. Ей сейчас вообще было не до смеха, и вовсе не потому, что змотрителем дед назначил Роберта, а потому, что она узнала незнакомца. Дед мог бы даже не называть его по имени — схожесть с гравюрой была потрясающей. Патрицианская холодная улыбка, хищный крючковатый нос над тонкими губами, длинная, до самой груди седая борода и крепкое, привыкшее к броне тело под подбитой мехом бархатной симарой — в ста шагах от Карины стоял Иосафато Барбаро собственной персоной. Почивший

лет эдак четыреста назад, но живой, невредимый и очень неплохо сохранившийся для синьора столь преклонного возраста.

«И что? Там внутри театральная гримерная? Иллюзион? Мавзолей для «винов» с камерами глубокой заморозки?» — Карина перебирала в уме версии, но на самом деле уже знала ответ. Он казался бы невозможным для человека обычного, но если ты с детства вырос среди чудес, они и есть — твоя реальность. Портал. Там внутри находится портал — дыра во времени. Все верно, все складывается. В самой середине мира — Ростов-на-Дону, под ним лабиринт, в лабиринте, в самой его глубине, тайная зала, а в ней дверь в прошлое и будущее. Утка в зайце, яйцо в утке, иглолка в яйце...

Карина знала ответ и все же готова была посомневаться минуту-другую, но тут дед робко (она и не представляла, что старый Торос Ангуриян умеет быть таким) коснулся края плаща донна Барбаро рукой и проговорил совсем незнакомым, сиплым голосом, как будто в горло ему вставили острое лезвие:

— Мэтр, я готов просить. Мы давно знакомы, и я ни разу не просил... И теперь хотел бы воспользоваться правом зрителя.

— Да, дон Торос, — мягко улыбнулся венецианец. — У вас есть право на одну просьбу. Вы долго хранили его, я восхищен вашей мудростью...

— Я прошу... — дед запнулся.

— Говорите, благородный дон!

— Я прошу, чтобы вы, мэтр, сообщили всем другим зрителям... и тем, что до меня, и тем, что после... — и снова запинка, — что Торос Ангуриан не посрамил рода и делал свою работу хорошо. Такая вот просьба.

У Карины к горлу подкатил комок. В хриплом голосе деда, в обычных его словах был столько... столько... столько... Карина зажмурилась, пытаясь найти нужное слово. Столько спокойного достоинства, что ее, замерзшую, голую и дрожащую, охватила гордость за любимого деда и за всю свою семью, за весь род. Начиная с Арташеса Ангуриана, который почти шесть веков назад первым принял от дон Барбаро карты ростовского лабиринта и черепаху.

— Си, дон Торос. Хорошо. Я выполню эту просьбу.

— Спасибо... — Голос деда совсем смялся от сдерживаемого волнения.

— Спасибо вам. Грации! Прощайте, дон Торос.

— Хихи, хихи... — хихиканье доносилось издалека — по прикидкам, Пахак сейчас кружил по спиральному лазу под Александровкой. Видимо, батарейка в телефоне села, и заскучавший демон отправился на ночную охоту. Через полчаса — минут двадцать он будет здесь.

Торос Ангуриан напрягся, прислушиваясь, но тут Барбаро протянул ему ладонь для

рукопожатия, так, как это сделал бы любой современный человек, и дед на минуточку отвлекся. Этой минуты хватило Карине, чтоб легко и бесшумно взлететь вверх по крутому тоннелю на такое расстояние, что ее уже вряд ли кто заметил бы при тусклом свете масляного фонаря. Девушка подпрыгнула, вытянув вверх руку, смахнула мышиную сонную гроздь, и взбудораженные зверьки принялись пищать, шуметь и шуршать так, что за этим шумом даже дед не сумел бы разобрать невесомые быстрые шаги Королевы Червей.

* * *

Это случилось год назад, пятого октября, а сегодня был именно тот день, когда новый смотритель лабиринта должен представиться «хозяину». Поэтому то, что за несколько часов до такого важного события мужчины сидят в комнате деда, что-то обсуждают, да еще и ждут ее, Карину, выглядело странным и подозрительным. И при чем здесь Шороховы?

Как ни старалась Карина, как ни заставляла себя забыть о Макаре, при слове «Шороховы» сердечко ее заколотилось так громко, что ходики на стене пристыженно замолчали и остановились. Она вспыхнула, вспомнив, как его большая теплая рука легла на ее руку, будто бы подсказывая, как рулить, на самом же деле (и они оба

это знали) машина была ни при чем; и как Макар провел пальцем по ее ладони, расписывая страшного шпица, однажды вцепившегося маленькому Макару в руку. А потом провел еще раз просто так. И еще раз. И двумя пальцами обхватил ее тонкое запястье, удивляясь, что оно легко помещается внутри. И как она поспорила, что может запросто вытянуть руку из кольца его пальцев. Как потом целых пять минут они «боролись» и Карина притворялась, что никак не может освободиться, а Макар притворялся, что верит ей. Как он перестал вдруг шутить и придвинул ее к себе, крепко взяв за плечи. Нет. Не поцеловал... Откинулся назад и рассмеялся сам над собой.

Макар...

Карина расплылась в дурацкой улыбке. Она пыталась нахмуриться, сосредоточиться и вернуться в разум. Она ругала себя за глупые мысли — в конце концов, ну ничего же не произошло: ну покаталась на машине с парнем, ну кофе попили, ну поболтали о всякой чепухе — однако улыбка становилась лишь шире и глупее, а память услужливо подсовывала все новые и новые мелочи. И то, как он стряхнул крошку с ее ключицы, и как облился колой, когда Карина больно ткнула его в бок кулаком за глупый анекдот. И как бегал за кофе на заправку, а она смотрела в окно и ждала. Он появился в стеклянных дверях, высокий, умопомрачительный совершенно,

синеглазый, и у нее сердце остановилось от восторга. Она сидит в желтом «Рэнглере», а лучший парень города несет ей капучино и смотрит так, что сомнений никаких — он в нее влюблен! Это... это было даже круче, чем лабиринт! На таких высоченных, на таких сумасшедших качелях, где сперва взмываешь к облакам, а потом обрушиваешься на дно мира, она еще не каталась. И это! Было! Здорово!

А еще это было ужасно, потому что не могло иметь никакого продолжения. Карина Ангуриян и Макар Шорохов никогда не будут вместе. Им просто не позволят. За них уже все давным-давно решили старшие, расписали их будущее по пунктам, просчитали всю их жизнь. Лишили даже крошечного права решать самим. Карина со всей силы вмазала ладонью по шкафу: ее охватила вдруг не просто досада — ярость. Какого черта! Какого черта она должна вечно кивать и улыбаться. «Карина, это не твое дело», — киваем и улыбаемся. «Девочке не пристало так себя вести», — улыбаемся и киваем. «Смотрителем будет Роберт», — да, конечно, дедушка. Я понимаю. «В июле ты едешь во Францию. Твой будущий муж — Артемон... или как его? Артюр», — да, папочка. Спасибо, папочка.

Какого черта?

Чтобы стать через двадцать лет копией мамы. Лежать на диване в гостиной, пилить ногти

и пялиться в ящик, сварливо перечисляя много-летние обиды.

— Лусик, что ты там барагозишь? Бегом сюда! — страшным громом прогремел дедов голос. Карина с трудом успокоила дыхание и направилась на «голгофу» — внутри клокотала, не желая успокаиваться, злость.

* * *

Мужчины собрались возле стола. Курил свой вересковый цхармоч дед. Отец вертел в руках какую-то книгу — кажется, сборник гумилевских стихов. Роберт, опустив на колени руки, сидел на тонконогом стуле, молча уставившись в пол. Подавленный, отчаявшийся, он был совсем не похож на того самоуверенного юнца, что пытался спорить с дедом за завтраком.

— Случилось очень плохое, лусик.

— Что? Что произошло? — Карина уставилась на деда, забыв на время о собственных бедах.

— Роберт потерял черепаху.

— О господи!!! Как... Где?

— Не твое дело, — вяло огрызнулся Роберт и замолчал под обжигающим взглядом старого Тороса.

— Почему же не ее? Пусть тоже знает. Обронил вчера на крыльце. В драке.

— Не факт, что там, может, где-нибудь дома. Надо еще раз искать. И еще раз.

— И сколько таких «еще раз»? Перетрясли все — черепахи нет! Ты, мальчик, потерял предмет! Выронил из браслета. Сколько раз говорил, не таскай на себе. Сколько раз предупреждал, повесь на шею. Как? Как ты теперь будешь смотреть за лабиринтом? Как теперь тебе туда ходить? Как? А? Тебя спрашиваю? Как ты намерен сегодня встретить хозяина?

— Я еще раз крыльцо осмотрю и улицу. Прямо сейчас. Фонарик где? — Роберт вскочил и тут же опустил обратно, подчинившись тяжелому кивку отца.

— Предмет утерян. — Юрий Ангурян отложил в сторону книжку и, сняв с рукава тонкого свитера невидимый глазу волосок, принялся внимательно его разглядывать. — Это очевидно.

— Ладно бы так, — сизый, сладкий дым окутал бледное лицо деда. — А вот если... Если его подобрали. Шороховский мальчишка или тот, второй.

— С чего бы это? — вскинулся Роберт. — Почему сразу Шорохов... Да даже если и он, что такого. Отберу! А выпотрыша уничтожу!

— Предмет утерян, — повторил Юрий Ангурян. — Остальное не имеет значения. Роберт не может больше спускаться вниз. Никто больше не может, пока там Пахак.

— Кроме меня... — выпалила Карина.

— Помолчи, Каро.

Дед поднялся, подошел к окну. Прижался лбом к стеклу, что-то обдумывая. Повернувшись, вздохнул и проговорил медленно, обращаясь к внуку:

— Так... Ты потерял черепашу, ты и сообщишь об этом хозяину. Пусть решает, как тебя наказать. Пусть решает, куда девать монстра. Лусик, — дед грустно улыбнулся. — Придется снова придержать Пахака, пока Роберт разберется с делами. Поспеш.

Сейчас ей полагалось, как всегда, послушно наклонить голову, заверить старших, что она выполнит все их указания: уведет демона к Аксаю и продержит до часу ночи, а потом вернется домой. Сейчас полагалось стать все понимающей, умной и спокойной. Полагалось соответствовать ожиданиям и выполнить долг, но она вдруг вспомнила... Катю. Выдуманную — отважную, веселую и непослушную Катю. Катю, которая действовала вопреки всем правилам.

— Нет! — сказала она, встряхнув волосами. — НЕТ!

— Что?

— Что ты сказала?

— Я сказала «нет»!

— Лусик?

— Каро!!!

— Свихнулась?

— О нет, братик. Я очень даже в своем уме. И в твердой памяти. — Она набрала в легкие

побольше воздуха. — Лабиринт теперь мой. Мой по праву. И я требую! Слышите, вы! Я требую, чтобы вы признали меня зрителем. Меня!!! А не этого... болтуна и труса.

— Да ты офигела? Я тебе ноги сейчас оборву...

Она шагнула вбок за миг до того, как к ней подскочил бледный от гнева Роберт. Неуловимым жестом прогнулась и, схватив прислоненную к стене дедову палку, приставила ее металлическим концом к затылку брата. Тот, почувствовав холодок, застыл. Протянул медленно:

— Совсем поехала. Точно. Слушайте, она с ума сошла. Срочно замуж!

— И никаких замуж! Не позволю решать за меня. Я — Ангуриян. Я буду делать то, что считаю нужным. Как бабка Ануш. Так-то.

— Ты совершаешь ошибку, Каро. Ты не понимаешь, что творишь. — Отец встал, подошел к ней и положил на плечо руку. Рука чуть подрагивала, и Карина впервые в жизни почувствовала, что ему не все равно.

— Зато это будет моя ошибка! — Палка скользнула вниз. Но выпускать ее из рук Карина не собиралась, как и не собиралась выпускать из рук свое будущее. — Это тебя, папа, лабиринт сломал. А меня... меня он сделал!

— Кх-хах-хка, кх-х-хакх-ха... Молодец, лусик. Bravo, Королева Червей. Забирай свой лабиринт и своего демона. Так их всех!

Недоумение сменилось сперва улыбкой, а потом Карина присоединилась к деду, хохочущему в голос. Пожав плечами, вернулся за стол отец. А Роберт вылетел из комнаты, хлопнув дверью так, что покосилась на стене старенькая акварель.

— Ну что ж, смотрительница. Слушай. Сегодня в полночь тебе надо быть в юго-западном тоннеле...

— Я знаю. Проследила в прошлом году. Прости меня, деда. Просто дай точный маршрутник и скажи, где там подъемный механизм.

— Ах ты! Амот-е! Амот-е, лусик. Стыдно... — Дед с трудом удерживался, чтобы не рассмеяться вновь. — Просто жди хозяина возле стены. Он придет сам. Можешь взять с собой демона — хозяину он не опасен.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ДОРОГА ДО КОБЯКОВО

Желтый «Рэнглер» домчался до угла Садовой и Соколова и намертво встал в пробку. Впереди встретились два одиночества и перегородили проезжую часть. Из потрепанной белой «Оки» выбрался одышливый толстяк в расстегнутой куртке. Он размахивал руками и теснил животом водителя «Мазды» с помятым бампером. Страховая и милиция на место аварии не спешили, пробка росла, ее заложники ругались, бибикали и фоткали покоцанные машины. Даже водитель «Мазды», устав отмахиваться от толстяка, тайком снимал самого себя на телефон с надеждой получить гениальное видео на память.

Макар хлопнул ладонями по рулю, зачем-то подышал на дверное стекло, нарисовал там загогулину и глупо улыбнулся, несмотря на то что сейчас ему стоило бы нервничать и возмущаться. Мало приятного стоять в пробке — хотелось

ехать быстро-быстро, лететь по какому-нибудь проспекту, обязательно с опущенными стеклами и врубить магнитоу на всю катушку. Highway to hell — самое то. Или слишком мрачно?

Мрачные цвета уже не вписывались в этот день, несмотря на то что Макара нестерпимо клонило ко сну — давали знать о себе ночные блуждания. Он зевал, чуть не вывихивая челюсть, ни банка энергетика, ни жвачка с супермятным вкусом не помогали. Зевал и улыбался до ушей.

— Катька...

Машины пробирались вокруг затора одна за другой, по встречной. За десять минут джип Макара продвинулся вперед на полметра. В любой другой день Макар бы уже извелся и раз десять выглянул в окно, будто чужие автомобили можно торопить взглядом.

— Эх, Катька, что-то я из-за тебя такой дурной... — Макар уставился в зеркало заднего вида и сокрушенно покачал головой, словно не одобряя свое состояние.

Позвонить ей или нет? Спросить, как дошла... Ага, как на лифте до квартиры доехала. Так себе повод. Лучше уж поинтересоваться, не заругали ли родители... Только вот в ответ можно получить: «Еще как заругали. Все из-за тебя!» И что тогда делать? Может, лучше не звонить? Ну, чтобы не казаться навязчивым?

Макар снова посмотрел в зеркало... И будто ушат холодной воды опрокинули за шиворот — он разглядел отражение рекламного плаката за спиной. Туристическая фирма, поездки в Египет: «Пирамиды, гробницы и подземелья: прикоснись к тайне!» Черт. Черт-черт-черт! Куда его несет? Совсем от любви мозг растаял? Хоро-о-о-ош, ничего не скажешь. Собирался в Кобяково, а сам на автопилоте порулил домой, на Западный. Спасибо аварии, иначе так и доехал бы родителей в состоянии транса. А тогда уже попробуй свали. Квест почище любого из «найтовских». Усложненный маршрут. Задание — объясни матери, зачем любимый старший сын, не поужинав, погреб «без шапки в ночь холодную». Аргумент «я уже не ребенок» не принимается.

Макар раздраженно ударил кулаком по приборной панели. Он терпеть не мог это состояние неопределенности, особенно когда сам себя туда загнал — потратил время, силы и эмоции совсем не на то, на что собирался. И чуть вовсе не забыл о планах. Что теперь остается делать? Только разворачиваться — и через «не хочу», с мозгами набекрень и бурчащим от голода желудком пилить на край города. Там лезть под землю на ночь глядя... Ну, Макар Сергеевич, завел традицию — спускаться в катакомбы лишь после полуночи.

Поток машин продвинулся еще на метр вперед.

Макар сердито цокнул языком, вытащил из кармана телефон и набрал Цыбу. Абонент был недоступен.

— Да чтоб тебя! — Макар швырнул мобильник на соседнее кресло. — Нашел время трубу отключать!

В такие минуты позарез требовался Цыбин. Ну просто позарез. Он бы ныл и называл Макара дураком, корил за то, что вместо клуба они опять собираются пилить к черту на рога, грозился бы родительским недовольством и обязательно помянул бы вчерашнюю драку, ехидно поинтересовавшись, не хочется ли Макару повторения банкета. Но главное — он обязательно сказал бы — некстати и чуть-чуть обидно, но до последней буквы правдиво, — что Макар сейчас бесится не из-за того, что потратил время на Катю, и не из-за того, что ему стремно лезть в подземелье ночью. «Ты ж не выпался, брат! Оттого и психуешь. И настроение скачет. Релакс, мэн!» — и обязательно хлопнул бы по плечу.

Макар подобрал телефон, снова ткнул в кнопку вызова. «Абонент недоступен, перезвоните позднее». Ну что ты будешь делать!

— Есть, — ответил Макар сам себе. — Будем есть. Организм не выпался, организм не жрал. Срочно требуются кофе и горячий бутерброд. Или два. Нет, три.

Будто согласившись с правильностью этого вывода, пробка поехала чуть быстрее. Выбравшись из затора, джип свернул на Ворошиловский и ткнулся носом в ближайший свободный пятачок около тротуара. Макар быстро выбрался наружу и нырнул в кафе. Пробрался за столик у окна, с трудом дождался девушку-официантку: «Меню не надо, я сразу закажу! Двойной эспрессо и... что у вас из горячего? Давайте сэндвич с курицей и котлету с пюре! Пирог какой-нибудь принесите, можно сразу. И еще эспрессо... Да, все правильно, два двойных эспрессо».

Отец позвонил уже после кофе, когда Макар «проснулся» и был готов не молчать виновато в трубку, а придумывать романтические объяснительные экспромты.

— Понимаешь... Ну, она просто живет далеко от центра. То есть вообще не в Ростове. В Аксае, ага. Я ее проводил и подумал...

Отец хохотнул в ответ:

— Угу-угу. Не подскажите, который час, а то так есть хочется, что переночевать негде. Да?

— Шутка-то несвежая.

— Отмазка — тоже.

— Пап...

— Да я-то что. Мать волнуется — что ел, где пропадал, когда вернешься. Почему не позвонил...

— Передай ей, что утром буду, лады?

— Лады.

Всем бы таких понимающих предков!

Макар промокнул салфеткой испачканные в соусе пальцы и, прихлебывая кофе, вытащил на стол планшет. Чтобы сэкономить время и зря не рыскать по развалинам стекольного в темноте, он решил еще раз зайти на сайт «найтов» и посмотреть на схему, где, помнится, указан самый удобный вход в Кобяково. Вот ведь... Влюбленный Шекспир, а? Ведь планировал сразу после ипподрома скачать себе эту картинку. А теперь на дворе времени десять сорок, самое что ни на есть «сразу после ипподрома».

— Что за черт, — сохраненная в закладках страница не желала открываться. «Ошибка 404». Макар обновил ее, еще раз... Бесполезно.

Остальные разделы сайта грузились нормально.

Надо было сразу сохранять схему, оболтус! На случай как раз таких вот внезапных финтов.

— А может, не внезапных? — Макар закусил губу и, поднеся планшет почти к самым глазам, внимательно прочитал, что запланированная на следующие выходные страйкбольная игра в Кобяково с посещением Музея военной техники откладывается «по техническим причинам».

— Технические причины! — Он отбросил планшет, чуть не опрокинул кофейную чашку. Выхватил телефон и набрал телефон «найтовских» оргов. Сначала один. Потом второй. Нигде

не брали трубку. Вечер мобильного игнора продолжался.

Макар чертыхнулся сквозь зубы, кинул на стол деньги, не дожидаясь счета, и быстро вышел на улицу. Уселся в машину, хлопнул дверью так, что задребезжали стекла и распахнулся бардачок. Лихо вывернул руль, выехал на дорогу и погнал обратно на восток.

Проезжая мимо Шестнадцатой линии, Макар не выдержал и вновь сделал попытку победить телефонного киберсотону — еще одно изобретение Цыбы, придуманное после случая с их одноклассником, которого стукнуло током через клавиатуру, лежащую на коленях. С того раза и пошло. Статическим электричеством пробивает? Киберсотона. Интернет не грузится? Киберсотона. Абонент недоступен? Он же, родимый.

В этот раз электронный женский голос решил быть оригинальным. Никаких «абонентов». «Набранный вами номер не существует».

— Какого ...? Как это — не существует?

Макар еще готов был простить киберсотоне Цыбу, который выключил телефон, или организаторов городской игры, не слышащих звонка, но несуществование номера Кати простить было невозможно. Он даже притормозил на площади Карла Маркса и еще несколько раз попытался дозвониться. «Набранный вами номер не существует». Черт. Он что, неправильно записал? Что,

если это не восьмерка, а тройка? «Не существует». А если это не семерка, а единица? «Не существует». А так? «Алло?» — мужской хриплый голос.

— Извините, — буркнул Макар и нажал отбой.

Очень захотелось тут же ехать к ее дому, бесполезно шататься вокруг него, то ли пытаюсь угадать окно, то ли надеясь, что Катя внезапно выглянет и увидит его. Естественно, ничего не дожидаться, махнуть рукой на подземелья, вернуться домой злым и под утро, проворочавшись без сна часа три, подорваться и ехать к строительному на Горького, надеясь встретить «несуществующий номер» там и еще раз записать его. На этот раз правильно. То есть в целом — хотелось вести себя как полный кретин.

— Ну уж нет, — Макар медленно выжал газ, и «Рэнглер» рванул дальше — мимо желтых пузатых двухэтажек, по раздолбанному асфальту.

Похоже было, что все девушки, карты и телефоны мира сговорились не пускать Макара этим вечером в Кобяково. И — надо же, стыд какой! — он почти поддался на их провокации.

— Почти не считается! — возразил Макар и из принципа поставил телефон на автодозвон мастеру «найтовской» игры. А с Катей — разберемся завтра.

Через полчаса, когда джип медленно полз по грунтовке рядом со стекольным заводом, трубку наконец подняли.

— Алло.

— Привет, Тень, это Макар. Шорохов.

— Ну?

— Хотелось бы прояснить один момент. Еще вчера объява про игрушку в Кобяково была в силе. А сегодня нет. И еще та схема залаза не открывается — ну, та, которая...

— Макар. Ты сегодня на игру записан?

— Нет.

— Тогда говори быстро, в двух словах, что тебе надо, и вали.

— Что?.. — Чтобы в таком тоне разговаривали с Макаром? Да мир реально сошел с ума! Джип затормозил около свалки, заросшей травой. В лунном свете зелень казалась серебристой и даже чуть-чуть волшебной. Если не знать или забыть, что это всего лишь пыльные сорняки.

— Макар. У меня тридцать игроков. Я сегодня с пяти утра на ногах. Семь точек, на которых я уже была, из них три за городом. Два места еще предстоят. И двадцать четыре непринятых звонка от тебя. Что именно тебе так сильно понадобилось?

— Схема с залазом в Кобяково. Где она?

— Мы ее удалили.

— Ты можешь ее переслать?

— Нет. Что-нибудь еще?

— Ага. Объясни, какого хрена тут происходит?

— Секунду... — Тень отвлеклась, отвечая кому-то еще, но скоро вернулась к разговору, однако теперь перейдя на шепот: — Мне кажется, что кроме «Найт» ты играешь во что-то свое. А кто-то другой играет против тебя.

— Кто?

— Подожди...

В трубке раздался шорох, потом Макар услышал звуки улицы, видимо, Тень вышла из помещения.

— Запоминай! От юго-восточного угла завода примерно двадцать шагов к Дону, потом повернешь налево, ровно на девяносто градусов, пройдешь еще шагов тридцать. Там будет куча щебня и рядом с ней — полуразрушенная стенка, невысокая, по пояс. Из нее торчит железяка. Внизу под этим местом — фанерная плита, заваленная песком и камнями. Отодвигаешь ее — и дело в шляпе. Запомнил? Только, если что, я тебе этого не говорила.

— Заметано, спаси...

— Адиос. И не пались так сильно, как на мукомольном.

Короткие гудки.

Шорох вырубил зажигание и несколько минут сидел в темноте, барабанил пальцами по колену. Проклятый лабиринт. Вначале, когда Макар сличал карты, лазил по спелеистским форумам, читал статьи про археологию на Дону

и пересматривал телесюжеты о пропавших под землей инженерах, он чувствовал себя не просто исследователем, а чуть ли не хозяином ростовских подземелий. Стоящим на краю тайны, о которой другие даже не догадываются. Ему казалось, что не хватает лишь какой-то мелочи — нити Ариадны, ухватившись за которую он вмиг размотает весь клубок загадок. Если в итоге приложится сокровище — то ли золотой конь, то ли тридцать два бочонка с монетами казачьей казны, — отлично. А не приложится — и фиг с ним.

Ведь главное — не мешок с драгоценностями и не Грааль. Главное — быть первым, обойти предшественников на дюжину корпусов, взять такую высоту, до которой не дотянулись ни безрассудные авантюристы-кладоискатели, ни бородатые кандидаты исторических наук. Победить и быть первым — это цель! А само сокровище — лишь приятный бонус. Вишенка на торте.

А еще Макару хотелось, чтобы мурашки по спине, и терпкая боль под ложечкой, и мороз по коже. Чтоб адреналину — до оранжевых кругов перед глазами. Чтобы по-настоящему, а не как в кабинке «Кино 9D», от летнего ничегонеделанья, центральный парк Ейска, всего сто рублей за пять минут удовольствия, какой-нибудь «Метроужас» или «Прожорливые мертвецы», где раскачивается кресло, а в лицо пшикают теплой

водой. Настоящей жути хотелось и чертовщины, парализующего страха... и веселой безрассудной злости, которая вынуждает страх исчезнуть, проясняя вдруг голову и делая тело бесконечно сильным и ловким. Хотелось победить!

Но чем больше он узнавал, тем сложнее было чувствовать себя хозяином положения. Стоило копнуть поглубже — история города обростала жертвами и пророками, историческими и вымышленными героями, врагами и друзьями, на чьей крови и была замешана настоящая тайна. А не та, о которой твердили по телевизору и писали в заумных монографиях тиражом пятьдесят экземпляров.

Десять раз перепроверенная, четко выверенная схема-карта лабиринта начинала жить своей жизнью: она прорастала сквозь Макара, сквозь Цыбу, сквозь игру и игроков, сквозь октябрь, время и даже сквозь старую семейную вражду...

После телефонного разговора Шорох наконец понял, что не может, никак не может снова почувствовать себя хозяином положения. Он будто попал в шахматную игру на тысячеклеточном поле, которая началась задолго до него и неизвестно когда закончится. Ты считал себя человеком, а оказался — фигуркой, которую двигают чужие пальцы, в свою очередь повинующаясь странным правилам.

У тебя три выхода.

Смириться и бездумно скакать по черно-белым клеткам — конь ходит буквой «гэ».

Отказаться играть по чужим правилам, слезть с доски и стоять в стороне, беспомощным наблюдателем.

Или самому стать мастером. Зарубить себе на носу — никогда не плыть по течению, не поддаваться обстоятельствам, не давать другим обогнать тебя. Действовать, опережая всех остальных на шаг — по собственным правилам. Признать, что ситуация тебя напрягает, и перестраивать реальность вокруг.

Ну или по крайней мере пытаться.

Даже если для этого требуется лезть в темные сырые катакомбы в двенадцать часов ночи.

Макар выбрался из машины и зашагал к стекольному заводу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЧЕРЕПАХА

— Не обманула. — Макар разогнулся и вытер лоб.

В носу свербело от цементной пыли. По спине бежали наперегонки струйки горячего пота, несмотря на полуночную прохладу. Саднили ладони — фанерный щит над залазом оказался не просто завален кирпичами и щебнем, над ним был насыпан буквально курган из каменных обломков, песка, мусора и битого стекла. Макар успел уже десять раз мысленно приложить себя за то, что не взял снарягу из дома — перчатки сейчас здорово пригодились бы.

Он, пыхтя, оттащил фанеру в сторону — в земле открылся узкий лаз с дорожный люк размером. Макар осторожно присел на корточки на краю, посветил вниз фонариком. Яма метра два глубиной, в одной из стен — темное овальное пятно. Макар туже затянул шнурки на кроссовках и скользнул вниз. За шиворот и на голову сразу же насыпался песок.

По краям «норы» висели тонкие перепутанные корни. Чего, интересно? Сверху же, у стены, не растет ничего... Через минуту Макар понял, что отключался — пытался заснуть с открытыми глазами, таращась в подземельную черноту. Действие эспresso очень «вовремя» закончилось.

Шорох зажмурился и залепил себе звонкую пощечину. И еще одну — по другой щеке. Сон моментально сбежал — так-то лучше. Из темноты вылетела летучая мышь, прямо в лицо, махнула крыльями по носу и с писком метнулась вверх. Макар выдохнул и полез в «нору» на четвереньках, раздумывая мимоходом о кроликах и Алисах. Однако вместо провала в Страну чудес узкий лаз закончился коридором с кирпичными стенами.

Осмотревшись по сторонам, Макар достал планшет и открыл карту Кобяково, позаимствованную с отцовского компа — как раз на следующий день после ночного визита маркшейдеров. Если верить плану, главной целью был грот метрах в двухстах отсюда — от него, как лучи, разбегались узкие коридоры. Все, кроме одного, закручивались в спирали и заканчивались тупиками. А вот второй слева — уводил прямо в сторону Ростова. Что ж, проверим.

Под потолком шелестели летучие мыши. Луч фонарика выхватывал из темноты то бесформенные груды камней, то «прогрызенные» в стенах

неаккуратные выемки. Интересуйся Макар археологией, наверняка залип бы возле базальтовой глыбы, которую при некоторой фантазии можно было принять за неоконченную скульптуру сидящего человека. Но он спустился не за этим, поэтому проскользнул мимо, даже не притормозив.

Здесь. Фонарик скользнул снизу вверх. Пятно света взлетело до потолка. Если верить карте, тут вход в грот. А если верить своим глазам, на месте предполагаемого туннеля высилась глухая, глуше не бывает, стена. Плотная, без внутренних пустот, судя по звуку простукивания. А также без швов, щелей или разломов. Коридор же заворачивал и уходил на восток. Сначала Макар посчитал, что это обходной путь, однако через двадцать шагов обнаружил тупик. В стенах виднелись ржавые остатки железных скобок — должно быть, раньше здесь был выход наверх. Теперь же — заваренный люк под потолком.

Шорох вернулся обратно, к повороту. Шаг вправо, полшага вправо, еще чуть-чуть — приложить ухо к кладке, провести пальцами по каждой выпуклости, каждому шву. Возможно, это было бессмысленно, выглядело глупо, но просто так развернуться и уйти Макар не мог. Два месяца поисков — и что? Вот так взять и сдаться? Поэтому планшет отправился во внутренний карман, а Макар пополз вдоль стены, полагаясь на

чутье. За десять минут Макар буквально обнюхал все — от пола до неровного свода. Прощупал шершавый камень — метра на три в ту и другую сторону.

Даже порылся в земле. Сначала ничего. А потом под ногтем кольнуло, и в подушечку пальца впился не то гвоздь, не то острый камушек.

— Вот зараза! Еще столбняк подхвачу! — Макар потянул было руку ко рту, но тут же замер. Под ногами дрогнула и пошла вниз плита. Кусок пола — вместе с Макаром — ухнул метра на два. Макар едва успел сгруппироваться.

— Уфф!

Впереди коридор расширялся, превращаясь в залу, выложенную по стенам широкими плитами, с темными арками коридоров. Однако, подойдя поближе, Шорох понял, что его обманули еще раз. Зайти в коридоры было невозможно — вход в каждый преграждала плита из черного блестящего камня. И главное — пол и стены перед ними совсем гладкие — ни выемки, ни выступа. Либо открывающий механизм был хорошо спрятан и не находился за пять минут, либо карта оказалась слишком старой, составленной до того, как проходы заложили.

Опять нестерпимо потянуло в сон. Макар прислонился лбом к холодному камню, широко зевнул, сунул руки в карманы... И упал лицом вперед, прямо сквозь камень, в сырую темень. Едва

успел выставить руки. Фонарик звякнул и укатился куда-то в сторону. Макар подобрался, встал на четвереньки, замотал головой, как слепой щенок, развернулся и попытался вернуться в грот.

Камень его не пустил.

Где-то под ложечкой заворочался страх. Попробовать еще раз. И еще. Навалился всем телом. Больно стукнулся бровью. Никакого результата. Он пополз за фонариком, вцепился в него, как утопающий — в соломинку. Поднялся.

— Так, без паники. — Обтер исцарапанные ладони о штаны. Боль отрезвляла, не позволяла страху развернуться внутри и выбраться наружу, через рот — неровным свистящим дыханием или даже криком. — Как именно я стоял? Ноги вместе, носки врозь... Прислонился лбом. Зевнул. А руки... руки в карманы. Сначала левую, потом пра...

Получилось!

На этот раз он не упал, а просто неуклюже шагнул, сохраняя равновесие.

Кончики пальцев на правой руке заledenели. Будто нащупали в кармане кусок льда. Макар сжал кулак и вытащил наружу монетки, половину упаковки жвачки и...

— Черепашка!

Макар поднес к ней фонарик. Змеиная голова, крошечные лапки, пятиугольные грани на панцире. Холодная, будто только что из морозилки.

Это что получается? Нашелся ключ ко вчерашнему волшебному спасению? Ведь это единственный предмет, которого раньше не было в стандартном «карманном» наборе — телефон, ключи, мелочь. И если дело не в решительном настрое Макара и не во внезапном изменении свойств камня, значит, виновата именно черепашка. Значит, она... Ключ к любой стене? Так?

До боли сжав фигурку в кулаке, Макар опять повернулся и сунулся в арку — словно хотел ударить камень. Рука прошла насквозь. Будто крошечные иголки впились в кожу, побежали мурашки — от запястья к плечу. Макар медленно двинулся вперед, внимательно отмечая каждое новое ощущение. Противнее всего было, когда лицо вплотную приблизилось к стене — будто погружаешься в черную мертвую воду. Но дыхание не перехватило — только десны заныли, как от обезболивающего укола. Прошел! Есть!

Вот так. Еще полчаса назад казалось, что весь мир против, а окружающим раздали карты гораздо лучше, чем тебе, а теперь понимаешь, что, сам того не подозревая, вытащил джокер, с которым смело обыгрываются не только любые соперники-конкуренты, но и сами законы физики! Вот оно, то самое «ага!» из детства — материализовалось куском ледяного металла в кулаке.

Восторг поднялся откуда-то изнутри, захотелось прыгать, дурачиться и проверять — снова

и снова — действие черепашки. Он выскочил обратно в грот через стену, закрутился на месте. Потом замер, упершись руками в колени, чуть отдышался. Вроде и не бежал — а ощущение такое, будто пару километров отмотал по школьному стадиону. Или тут просто воздух такой, «тяжелый», с пылью и еле уловимым запахом гнили?

Макар вытащил из кармана планшет и подгрузил на рабочий стол компас. Восторг восторгом, но заблудиться сейчас было бы особенно не в кассу. Потер глаза — в левом появилась резь. Песок, что ли?

Второй коридор слева. Досчитать до пяти, зажмурившись — «кто не спрятался, я не виноват», — и идти на поиски тайны. Макар чуял, что она уже близко — если не за первым поворотом, то за вторым.

Эхо догнало его за третьим.

Ххи-хи-хи-хи-и-и-и.

Макар замер на месте. Прислушался. Где-то совсем близко, за стеной, журчала вода. Больше ничего. Показалось?

Хих-ххи-и-и-и. И шелестящий звук. Будто кто-то сначала выждал, затаившись, а теперь унюхал жертву и побежал к ней, быстро-быстро перебирая... чем? Ногами? Лапами?

— Эй, кто здесь? — Макар резко обернулся, посветил фонариком в темноту.

Никого.

Хихи.

— Эй! — Он попятился к стене. Сжал черепашку так, что лапки до крови впились в ладонь. Если что, то он...

— Дзонн-н-н-н, — железные челюсти захлопнулись на ноге. Капкан настолько проржавел, что лишь крепко прищемил ступню, но не пробил насквозь прорезиненную поверхность кроссовки.

— Ч-черт! — Макар дернул ногой, пытаясь высвободиться, но это никак не удавалось. Нагнулся, положил фонарь на пол и начал быстро распускать шнурки. Черепашка мешала, но он не решался выпустить ее.

Хи-хи-хих-хи-и-и!

Макар поднял голову и тут же опрокинулся на спину, сбитый ударом когтистой лапы. Клацнули зубы. На щеке разошлась кожа — налилась кровью длинная глубокая царапина. Затылком — о стену, перед глазами выплывают серые точки. Во рту — соленая кровь и кислый вкус страха.

Фонарь хрустнул и погас.

Гхи-хи-хи-и-и-и!

Тьма. Вместе с ней — тошнотворный запах тухлого мяса и тяжелый звериный дух. Что-то массивное ворочалось в черноте, со скрежетом водя когтями по полу.

Лежа на спине, Макар попытался отползти. Но тщетно — капкан цепко держал его за ногу.

Лягнул свободной ногой — наугад. Тварь увернулась — в темноте она чувствовала себя как дома, и никакой фонарь ей был не нужен.

Хи-и-хи-хи-хи-хи.

— Рано радуешься! — крикнул Макар, свернувшись, и, помогая руками, попытался высвободить ногу.

Когти с лязгом ударили в том месте, где он только что находился, вспыхнули крошечные звезды-искорки. Саднило щеку, адреналин разбегался по венам.

Перед глазами вспыхнули и заплясали разноцветные пятна — веселая светомузыка. Говорят, в последние мгновения вся жизнь проносится перед глазами. А тут — просто дискотека.

Макар закрылся локтями. «Думаю, это демон...» Ох, маркшейдер, как ты был прав! И отец был прав! А твоего дурного сына понесло за каким-то хреном в этот чертов лабиринт!

Он отмахнулся, сжимая черепашку в кулаке, — попал! Что-то чавкнуло, хрустнуло. Монстр захлебнулся истерическим хихиканьем и наступил Макару на грудь, задышал совсем близко...

Сквозь зажмуренные веки брызнул свет.

— Пахак, нет! Не смей!

Зубы щелкнули — Макара обдало запахом гнили, сырого мяса и темноты. Запахом самой смерти.

Чудище отодвинулось.

— Уходим! Мы уходим! Сейчас же!

Этот голос Макар узнал даже сквозь пелену горячего страха. Тем более что слышал его совсем недавно. Сегодня днем.

Он открыл глаза. Дьявол — или демон — гигантская собака? Обезьяна? С желтыми когтями на передних лапах, с грязно-серой перепутанной шерстью, кривил шею, принюхиваясь... Принюхиваясь к Кате. Она стояла рядом, подняв фонарь — тот дрожал и раскачивался, пятно света металось у нее под ногами.

Макар думал, что не может быть ничего страшнее, чем лежать и ждать, когда тебя сожрет хихикающая тварь. Оказалось, может. Что она тут делает? Следит за Макаром? Или наоборот, пришла, чтобы спасти? Но как...

— Ты! — Она вцепилась одной рукой в шерсть на загривке твари, другую, вместе с фонарем, вытянула вперед. — Какого черта ты здесь делаешь?

Злая, как фурия.

Макар попытался сесть. Вцепился в штаны, подтянул тело вперед. В спине что-то хрустело и тянуло. Не слушалось. Будто Макар сломался.

— Что тебе здесь надо?

Макар молча потянулся к кроссовке и одной рукой продолжил ее расшнуровывать.

Катя шагнула вбок, стукнула кулаком по стене. Челюсти капкана распахнулись, отпуская ногу.

— Убирайся давай! Быстро! Пока я не передумала!

— Или что? — Макар закашлялся, встал на ноги. Пошатнулся, но удержал равновесие. — Спустишь на меня эту тварь?

— Спущу! — Катя дернулась, зверь захрипел и потянул к Макару когтистую лапу, выворачиваясь из пальцев девочки. — Не-е-е-ет, не смей, Пахак!

Макар отшатнулся, шагнул — утонул спиной в стене, пальцы на руке свело судорогой.

— У тебя черепаха? Так это ты украл ее у Роберта? — Чудовище стряхнуло Катину руку и бросилось к Макару. — Беги, дурак! В стену!

Макар отпрыгнул назад. Темнота. Холодный сквозняк. Фонарик остался там, рядом с тварью и девочкой — то ли из мечты, то ли из ночного кошмара. Макар непослушными пальцами вытащил из кармана телефон, засветил вспышку. Прикинул направление и побежал, оскальзываясь на мокрых камнях — вдоль стены бежал ручей. В спину ему ударило:

— ...Не суйся, Шорохов! Это наш лабиринт, Ангурян...

И громкое хихиканье.

* * *

— Ангурян, значит. — Макар сидел за рулем и не мог заставить себя повернуть ключ

зажигания. Руки будто прилипли к рулю. — Наш лабиринт. Черепашку у Роберта.

Голова ныла и гудела. В бессмысленной черноте всплывали и тонули предметы и фразы.

Капкан. Желтые когти. Черепашка. Катя. «Па-хак, нельзя!»

Он помотал головой, заскрипел зубами. Надо ехать. Кому надо? И куда?

Просто. Куда-нибудь. В город. Там видно будет. До ближайшего фонарного столба? Ты же спишь на ходу. Ты же в шоке.

— В шоке, — пробормотал Макар и криво улыбнулся дрожащими губами.

* * *

Он припарковался в начале Ворошиловского, вылез из машины и медленно побрел на мост. Встал на середине, до боли вцепился в перила и уставился на воду. Там плескалось отражение луны и разбегались разноцветными искрами огни проплывающих барж. Ветер ерошил волосы, трепал воротник, забирался ознобом под куртку.

«Простужусь», — отстраненно думал Макар. Мысль была глупая и неважная. Но другие — не получались. Рассыпались, как башня из неровных кубиков.

В бардачке надрывался телефон. Раз, другой, третий... Звонил отец. Потом перестал. Звякнула СМС.

— Наш лабиринт, — бормотал Макар. — Ангу-
рян.

То есть Катя — сестра Роберта? Так, что ли?
Смешно. Обхохочешься. Можно даже в стихах:

*Две равно уважаемых семьи
В Вероне, где встречаются,
Ведут междоусобные бои
И не хотят унять кровопролитья.
Друг друга любят дети главарей,
Но им судьба подстраивает козни...¹*

— Нет уж, — скривился Макар. — Никакой гибели у гробовых дверей. Не так все и плохо пока...

Надо поговорить. Поговорить и сразу расставить точки над «і». Пока их не начали расставлять обстоятельства. Отличная идея — за неимением других. Не откладывая.

Над Доном показался край розово-оранжевого солнца.

Макар вернулся к машине и медленно, сосредоточенно покатыл в Нахичевань, прокручивая в голове предстоящий разговор.

Припарковался в квартале от дома Ангуринов, вытянул из бардачка телефон и, не глядя, опустил его в карман. Посмотрел в зеркало. У него теперь были разные глаза: левый за ночь позеленел и стал будто чужим. «Тортилла разноглазая». Именно что Тортилла. Прав был Цыба.

¹ У. Шекспир. Ромео и Джульетта. Пер. Б. Пастернака.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

УТРО

Туда-сюда. Из угла в угол. До двери и обратно к окну. Как демон, когда он голоден или злится. Присесть на неразобранную кровать. Упасть носом в подушку. Сон не идет. Нет сна, нет и не будет. Какой тут сон после всего? Завтра, точнее, уже сегодня в школе, как вареная луковица, будешь сидеть, тупить и хлопать глазами. Первым уроком физика. Физичка — высушенная стерва. Любит докапываться до несделанной домашки. Вскочить. Метнуться к столу. Цапнуть учебник. Отбросить в сторону — все равно ни слова не понятно, а формулы выглядят бессмысленнее китайской азбуки. Распустить волосы — от резинки ноет затылок. Собрать в косу. И снова к окну, и обратно к двери. Из угла в угол, туда-сюда. Рассвет протискивается внутрь через неплотно задернутые шторы. Ветренный, багровый рассвет. На светлом ковре алая рассветная полоса.

Кажется, это даже красиво. Можно ходить по кровавой дорожке. Туда-сюда. До двери и обратно. Распахнуть окно. Вдохнуть запах утреннего неба и сонной реки. Проглотить комок в горле. На часах без пяти шесть. Город дремлет. Ветер в трубах, редкие трели соседских будильников и кошки на помойках не в счет. Где-то по Первой линии едет мусоровоз, за ним джип — различать машины по звуку легко. Легче, чем кошек.

Карина привычно вслушалась в город. На Седьмой линии у кого-то работал телевизор, слышалась ругань. «Ты меня не любишь, уходи!» — «И уйду!» Звук разбивающейся посуды. Стук. Грохот. Поцелуй. Шепот. Кровь прилила к щекам. Иногда Карина ненавидела себя за умение слышать слишком многое. Она тряхнула головой, запрещая подслушивать, и «настроилась» на уличный фон. Все те же злополучные кошки. Ленивое тьяканье соседского пса. Скрип тормозов. Быстрые шаги на Двенадцатой...

Скрипнула половица в доме — где-то за стенкой так же ходит дед. Спасибо ему, что ночью не стал ни о чем расспрашивать. Просто помог выбраться наружу, поцеловал в лоб и отправил наверх. Шепнул «все расскажешь, сначала успокойся» и даже не щелкнул по носу, как обычно. Понял.

Деду совсем не нужно знать о том, что произошло ночью в лабиринте. Что она натворила

в свою первую ходку зрителем! Какой страшный потерпела провал, какую неисправимую совершила ошибку, отпустив Макара. Пусть дедушка считает, что все в порядке и что его лусик не спит из-за ссоры с братом и встречи с «хозяином». Милый добрый дедушка! Если бы ты только знал!!!

Что ей теперь скандал с Робертом? Что ей дон Барбаро? Брат смирится, займется бизнесом семьи, как и отец, тем более что Роберт никогда не горел желанием следить за подземельем. Мэтр Барбаро? Он оказался галантен и забавен. Называл ее маленькой синьоритой и восхищался тем, как ловко она управляется с демоном. А уходя, галантно поклонился и послал воздушный поцелуй.

* * *

Карина опоздала на целых десять минут. Зачем она вообще полезла в дальние коридоры? Зачем взяла с собой Пахака?.. Низачем. Низачем, по привычке, как обычно... Растерянная, несчастная, она бежала так быстро, что едва не подвернула ногу на спуске. Первый раз за пятнадцать лет.

Венецианец прогуливался по тоннелю. Заметив бегущего рядом с Кариной Пахака, старик усмехнулся в усы и шагнул навстречу. В глазах — ни грамма испуга, скорее, интерес.

— Я — Карина Ангуриан. Смотрительница. Новая смотрительница.

— Хорошо. Рад знакомству, маленькая синьорита. Иосафато Барбаро.

И ни вопроса — почему она, а не Роберт. Ни удивления, ни недоумения. Словно он все знал заранее. А может быть, и вправду знал? И если так, то был ли смысл лгать, что все в порядке? Что за последний год было десять проникновений, не обошлось без жертв, но тайна Лабиринта-на-Дону все еще остается тайной.

Лгать смысла не было, но Карина все же солгала. Точнее, скомкала правду, переведя разговор на утерянную черепаху. Удивительно, но мэтр не выглядел недовольным. Он покосился в сторону свернувшегося в клубок возле Карининых ног Пахака и пожал плечами, мол, если демон послушен, то и черепаха ни к чему. Карина хотела спросить, а как же потом... после нее? Тот Ангуриан, что придет следом, — как он справится без предмета? Но дед предупредил, чтобы она не задавала хозяину вопросов. У смотрителя лабиринта есть право лишь на один вопрос или просьбу, и этим правом следует воспользоваться вовремя и верно.

— До встречи, маленькая синьорита...

— До свидания, мэтр Барбаро.

Воздушный поцелуй. Венецианец развернулся, и стена, словно послушная его мысленному

приказу, ушла под землю. Это был миг, когда Карина еще могла окликнуть Барбаро и признаться, что полчаса назад она отпустила из лабиринта чужака. Не просто чужака — врага, сына врага и внука врага. Но девушка смотрела на крепкую стариковскую спину и молчала.

Потом Карина бродила по лабиринту около часа, пытаясь привести мысли в порядок. Демон весело трусил рядом.

— Что будет? Что теперь будет, Пахак? Что с нами всеми станет? Он же... Макар же все видел. Тебя видел! Меня! И черепаха у него? Что делать? Ну... А если он растрезвонит? Если расскажет своим?

— Хихи.

— Не смешно!

* * *

«Все расскажешь, сначала успокойся», — шепнул дед. И даже не щелкнул внучку по носу.

Дедулечка миленький! Знал бы ты, как хочется прижаться к тебе и все-все рассказать! Но как? Как? Как признаться, что твоя Королева Червей, твой лучик-лусик только что взяла и предала всю твою жизнь? Весь твой и свой род?

Прозвенела ранней побудкой «Нокия». Карина нажала на отбой, плюхнулась в кресло и воткнула наушники. Загудели басы — тягучая, пробирающая до костей музыка снова напомнила

о случившемся. Закрыв глаза, Карина пыталась хотя бы на секунду перестать думать, но перед ней стояло изумленное, испуганное лицо Макара, а в голове звучал его вопрос «Кто ты вообще такая?».

Я? Я — предательница! Я могла бы стать смотрителем ростовского лабиринта, но стала...

— Надо поговорить.

Ей показалось, что она наконец-то заснула и видит кошмар. И лучше, если бы это действительно был сон.

— Макар? Ты?

— Он самый. С этим разобрались. А вот кто ты такая?

Шорох ловко перенес тело через подоконник и остался стоять на месте, уставившись на Карину холодным взглядом. Он выглядел взъерошенным, злым и все же невероятно красивым, может быть, даже красивее, чем прежде. Эта странная и страшная ночь словно добавила ему мужества. В волосах запуталась и поблескивала паутина. Царапина на щеке перестала кровоточить, но от нее к уху шли подсохшие бордовые полосы — видимо, когда Макар стирал кровь рукой. Темные брови сдвинулись к переносице, а глаза... глаза были уставшие, грустные и... разноцветные.

— У тебя от черепахи радужка цвет поменяла. Так всегда от предмета. Видел?

— Кто ты такая? — упрямо повторил вопрос Макар.

— А ты еще не догадался?

— Ну то, что ты Ангуриян, я догадался. Адрес, как видишь, нашел...

— Тогда что тебе еще нужно?

— Все остальное.

Карина поднялась, обогнула круглый стол и оказалась прямо перед ним. Пожалела, что стоит босиком — ведь даже задрав подбородок, она смотрелась рядом с ним дюймовочкой. А именно сейчас ей было важно, чтобы Шорохов раз и навсегда въехал — она его не боится.

— Про адрес ты соврала, про телефон тоже... Про имя?

— Меня Карина зовут.

— Карина, значит...

— Я не врала, просто... — Голос дрогнул, она опустила взгляд и уставилась Макару куда-то в шею.

— Что? Без песика ты уже не такая смелая, а? Карина Ангуриян?

— Это не песик, идиот! Это демон! И если бы не я, ты бы тут не выеживался. Тебя бы сейчас со стен соскребали! — Обида за Пахака и то, что Макар не понимает и вряд ли поймет, что она для него сделала, заставила ее вздернуть подбородок и уставиться прямо в глаза Макара.

— Ну, положим, это мне тоже ясно. Неясно все остальное.

— О господи... Что остальное? Что? — застонала Карина. — Иди отсюда, Макар, и забудь то, что видел! И демона! И лабиринт. Просто забудь. Да, я врала! Но поверь мне сейчас, будь человеком! Не лезь! Если хочешь жить — не лезь! Оставь нас в покое! Меня оставь в покое! Вали, куда ты там собирался. В Сорбонну? В Оксфорд свой? Подальше вали! И забудь!

— Уже бегу, — жестко прервал ее Макар. — Значит так. Или ты все мне рассказываешь, или...

— Что? Расскажешь отцу?

— Например.

— Давай. Расскажи! Соберите армию, пусть лезут. Ты видел, что там внизу? Подгоняй своих. Покорми Пахака!

— А может, проще взорвать там все? А? Вместе с твоей зверушкой?

Карина аж задохнулась от возмущения. Ох, как она разозлилась. На него, на себя, на ситуацию, которая с каждой секундой становилась все безысходнее и все страшнее. И на то, что Макар не желал ее слушать и слышать, а с глупым мальчишеским упрямством требовал ответа. И на то, что она не представляла, что же ей делать дальше...

Макар шагнул внутрь комнаты, подошел к кровати и улегся прямо на покрывало. Наглый, злой и отвратительно красивый, он смотрел на

Карину снизу вверх, уверенный в том, что она никуда не денется.

Мгновение на раздумья. Карина придавила наглеца коленом к подушке и направила острие ножа (спасибо деду за подарок) прямо в левый зеленый глаз.

— Дернешься — сдохнешь. Теперь понял? Я и без зверушки справлюсь с тобой, Шорохов!

— Смысл спасать парня, если собираешься его тут же угробить? — сдавленным, но все еще насмешливым голосом спросил Макар.

Карина вздрогнула, вспомнив свою же довольно неуклюжую шутку.

— Слушай. Последний раз прошу! Уходи, а! Просто уходи. И пообещай, что все забудешь. Или я сама тебя найду и убью.

— Боюсь, все забыть не выйдет! — Он медленно положил ладонь на ее руку, держащую нож. Спокойно. Зная наверняка, что она не ударит. — Вот это, например.

У Карины закружилась голова. Она сама не сообразила, как и почему ослабила хватку и как так вышло, что его лицо оказалось сверху, а его губы на ее губах. Не поняла, почему, когда Макар ее отпустил, она засадила ему левым кулаком в челюсть.

— Ух ты! Круто! — рассмеялся Макар, хватаясь за лицо.

— Тише ты! Еще не хватало, чтобы сюда кто-нибудь зашел... — замахала руками Карина,

отпрыгивая назад, словно испугавшись, что Макар даст сдачи.

— Садись и слушай... — послушно перешел на шепот Макар, — и поправь меня, если я ошибаюсь.

* * *

И снова туда-сюда, как растревоженный Пахак. От двери до окна и обратно. Кусая губы и тебя косу. Глядя в пол перед собой, чтобы не таращиться на Макара, который устроился на полу возле кресла и несет такое, что нужно немедленно звать деда и принимать меры. Хотя... Меры следовало принять уже давно.

— ...это какие-то адски древние планы. Кажется, еще с начала двадцатого. Понятия не имею, откуда они у нас. Короче, батя их передал спецам. Ну, там дедок из Питера был один, маркшейдер, и дядя бородатый — москвич. Типа диггер. Батя хотел, чтоб спецы проверили, что и как внизу. Психанул, когда ему не дали метро строить, вот и сунулся сам. Решил разузнать, почему проект зарубили. Думал, может, там бункеры, и поэтому администрация бузит. Батя у меня — рисковый, ему ж плевать: можно, нельзя. Он как танк.

— Угу. Мои такие же. — Карина, устав ходить, села у батареи так, чтобы видеть Макара, но ни в коем случае не находиться ближе чем за три метра. Шорох понял, усмехнулся и продолжил:

— Залезли под землю трое. Вылезли двое. Теперь-то я знаю почему... Этот твой, как его?

— Пахак?

— Ну да. Пахак. В общем, диггеры сказали, что больше не пойдут ни за какое бабло. И чтоб мы тоже не совались. Толком не впилили, конечно, что там за фигня, но обгадились. Пахак, значит? Симпатичный зверек.

— Я привыкла. Мне он в самом деле кажется милым.

— Ну да... — Макар дотронулся пальцем до царапины на щеке. — Действительно. Домашний любимец.

— Ладно. Дальше давай.

— Ну а чего дальше? Дальше батя решил пока забить на метро. А я...

— А ты решил не забивать?

— Ну да, — улыбнулся Макар. И тихо, очень тихо добавил: — Сесть рядом можно? Или снова в челюсть?

— Можно. — Карина подвинулась. И покраснела.

— Качнул, короче, с батиного ноута те самые карты. Ну, там всякие еще записки, приписки. В библиотеке пару штанов протер. Дополнил кой-где. Там мало, но если все собрать — интересно получается. До кучи надыбал в сети квестовиков. Прикольные чуваки. И карты у них прикольные — девяносто процентов фуфла... Но

что не фуфло, то здорово ложится на старинные схемы. Прямо в тютельку.

— Знаю.

— Откуда? Ладно, не говори, если не хочешь. Потом.

Она почувствовала, как его колено коснулось ее ноги, и с трудом перевела дыхание. Отодвинулась в сторону сантиметров на пять. И еще раз. И еще. А потом двигаться оказалось больше некуда.

— Ты не можешь спокойно сидеть? — спросила, в тысячный раз покраснев. А когда он выдохнул «не-а, чего-то вот не могу», закрыла глаза и решила ни о чем больше не думать.

— ...и вышел на Ангуринов... То есть на вас! А дальше ты знаешь.

Шумел за окном утренний Ростов. Спешил окунуться в октябрьский понедельник — суетливый и заполошный. Родовались высокому чистому небу чайки. Пожилой голубь, гуляющий по узкому карнизу мансардного окна, наклонял голову, пытаясь разглядеть происходящее внутри. Голуби известны своей любовью к созерцанию и философским настроем.

— Нам нельзя встречаться, — повторяла она между поцелуями. — Мы же враги! И вообще, вот это все... Это — нельзя! Ничего вообще нельзя!

— А мне плевать! — он заставлял ее замолчать до следующего вздоха.

— Нельзя. Я должна была тебя там оставить. Пахаку скормить. Или убить. Знаешь. Я ведь все еще должна. Нет. Ну в самом деле...

— Мне плевать! Убивай. Хочешь?

— Не хочу. Мака-а-ар. погоди! Пообещай мне...

— Что?

— Пообещай, что уедешь? Что забудешь все, что видел внизу... И меня.

— Никогда. Не отпущу! Ясно?

Его пальцы крепко обхватили ее запястья. Она тихонько рассмеялась. Вывернулась в секунду. Откатилась вбок.

— Если я не захочу, меня никто не удержит. Меня же с пяти лет учили... Я же не просто так — я зритель ростовского...

Прервалась, изменившись в лице. Села прямо. Пригладила распушившиеся волосы. Ладонями обхватила пылающее лицо. Проговорила очень медленно, чеканя каждое слово:

— Нам нельзя быть вместе, Макар. Я Ангуриян, ты Шорохов...

— Что? Опять эта дебильная вражда? Семья на семью? Зуб за зуб, око за око? Верона? Средневековье? Слушай, Каринка, ты же понимаешь, что это полный бред. Фигня! Ну начнут предки выступать. Конечно же, начнут. Ну, поорут. Ну, устроят истерику. Мозги нам вынесут. И что? Возьмем да и свалим, в конце концов. Да плевать я хотел!

— Нет. Не в этом дело. То есть и в этом тоже. Но не в этом. У меня — долг!

— Карин...

— Нет, Макар! — Она оттолкнула его с такой силой, что он даже опешил. — Все! Вот сейчас все! Уходи! Мне вообще в школу пора!

Она вскочила, подбежала к окну, отдернула шторы. Спрыгнул вниз испуганный голубь. Курлыкнул так, чтоб всем вокруг стало ясно — он недоволен. В маленькую мансардную комнату ворвался солнечный свет. Яркий, бессовестный. Схватив со стола учебники, Карина торопливо принялась запихивать их в рюкзак. Книжки летели на пол, раскрывались в полете, падали.

— Да не отстану я от тебя. Ты же в курсе. Я же Шорохов...

— Именно что! Шорохов. Ступай! Иди же! Или я брата позову.

— Вот сумасшедшая! Не позовешь ведь.

— Позову...

— Ну и зови. Пообщаемся.

Он уселся в кресло, закинул ногу на ногу и, весело улыбаясь, уставился на Карину. В кармане звякнул мобильник. Макар достал его и прочитал сообщение. Карина стояла рядом, опустив руки — в одной раскрытый рюкзак, в другой какая-то тетрадка. Кажется, по чертовой физике.

— Пожалуйста, — умоляюще протянула девушка и почувствовала, как подбираются к горлу

слезы, которые она точно не сумеет сдержать. —
Пожалуйста.

Макар ничего не ответил. Он, кажется, снова и снова пробегал глазами по высветившемуся сообщению и словно впал в транс.

— Макар...

Молчание.

— Что там? Что-то случилось?

Макар посмотрел на Карину как будто с удивлением. Словно он на мгновение забыл — где он, кто он и с кем.

— Цыба умер... — глухим голосом произнес Макар.

— Что? — Карина почувствовала, как по ее телу пробежал мороз.

— Цыба умер. Сегодня ночью. Пока я был там... Внизу. Мой Цыба умер! Гоха умер!

— Как? Как?

— Ка-а-ак? — Наверное, он хотел заорать, но голос сорвался. Захлебнулся где-то в легких. Макар тяжело встал. Не оборачиваясь, двинул к окну. И уже переноса ногу через подоконник, прохрипел: — Кровоизлияние в мозг. Та драка в субботу. Бобр... Убобрил твой Бобр моего бра-тишку.

— Мака-а-ар...

Шорох был уже внизу. Скрючившись, словно у него прихватило вдруг живот, он побежал вдоль по улице, петляя, как раненый волчонок.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

БОБР

«Никто никому ничего не должен».

Роберт поставил в социальной сети новый статус и встал из-за стола. Потянулся, подвигал шеей. Вытащил из-под кровати старые гири — двадцать четыре кило каждая, положил одну возле левой ноги, нагнулся, схватился за чугунную рукоять, готовый принять вес на живот и спину. Выбросил руку с чугуниной вверх красиво, легко и сам собой залюбовался в зеркале.

Ноги качал уже двумя одновременно. Поставил на спину, придерживая с двух сторон. Присел десяток-другой раз. Потом лениво побаловался, ритмично подбрасывая гири в воздух и перехватывая уже у самого пола.

— Сынок, завтракать идешь? — Мама распахнула дверь, как всегда, без стука, помахала кофейником и, не дождавшись кивка, исчезла. Убедившись, что она не слышит, Роберт выругался

вполголоса. За пять лет он отвык от «добрых» домашних традиций. В Нью-Йорке, в университетском уютном общежитии на пять человек, ничего подобного случиться не могло. Там каждый тщательно соблюдал свои границы и границы других, не позволяя и толики фамильярности. Это было правильно. Разумно. Целесообразно. Это было именно то, что абсолютно устраивало Роберта Ангурияна, — каждый в этом мире отвечает за себя и только за себя. Никто никому ничего не должен.

Роберт умел быть обаятельным и с легкостью прилаживался к ровесникам. Но за двадцать один год жизни сперва в Ростове, потом в Нью-Йорке и снова в Ростове близкими друзьями так не обзавелся. Это было к лучшему — он не любил привязанностей. Привязанность так или иначе тащит за собой обязательства. А Роберт Ангуриян устал от обязательств, не признавал их. Слишком часто ему в детстве напоминали про его великий долг, слишком часто тыкали носом в то, что он не сам по себе, но часть древнего рода со странным и утомительным прошлым. В шестнадцать Роберт Ангуриян с радостью уехал из Ростова, втайне рассчитывая, что за пять лет его отсутствия что-нибудь изменится и ему не придется тащить на своей красивой, накачанной спине многовековое бремя. Но, вернувшись, обнаружил, что все осталось как прежде: лабиринт

на месте, демон живет всех живых, и нужно принимать от деда дурацкую, бессмысленную эстафету по обслуживанию подземелья. Роберт не стал возражать, но и энтузиазма тоже не выразил. Он не любил подземелье, не испытывал никакой гордости за маловыполнимую миссию, возложенную на семью, и рассчитывал однажды избавиться от лабиринта.

Он даже придумал и тщательно продумал как. Знай дед и даже отец, о чем в самом деле мечтает их первенец, вот бы они изумились. Метро! Ростовское злополучное метро!

Роберт пристально следил за тщетными попытками Шороховых протащить проект метро-строения и понимал, что, когда придет время, он сделает все иначе! Лучше. Умнее. А полученные же с детства знания и навыки, диплом инженера-механика, а также отцовские связи и деньги станут основой его великих планов.

У Роберта Ангурияна имелись грандиозные планы на будущее, и он рассчитывал рано или поздно их воплотить.

Потеряв в драке предмет, Роберт огорчился. Но не потому, что без черепахи смотрителя из него не выйдет. Просто предмет был задействован в планах на будущее, и его утрата означала их пересмотр. Как и то, что глупая сестренка полезла на рожон и назвалась смотрительницей. Но и с этим он справится! Вот только умрет

старый Торос, и тогда можно будет решить все вопросы и приступить к осуществлению мечты. Убедить сестру в том, что строительство ростовского метро неизбежно. Вынудить ее сообщить об этом хозяину (при слове «хозяин» Роберт всегда морщился), а тот пусть уже решает сам, как прикрыть свою подземную лавочку. Шесть веков — это чересчур для пахоты на одного работодателя. Вон американцы вообще говорят, что род деятельности следует менять раз в пять лет. А тут сколько раз выходит по пять? Ну? Сколько?

Роберт знал, что добьется своего. В конце концов, не какой-то там древний венецианец, не хихикающая плешивая тварь, а Роберт Ангуриян станет хозяином подземного Ростова. Когда-нибудь он избавится от ненавистного лабиринта и от назойливых и не менее ненавистных Шороховых.

Роберт приосанился, широко, очень по-американски улыбнулся отражению и, «взяв в руку» фантомный микрофон, произнес: «И я, дамы и господа, как основатель Ростовского метрополитена, со всей ответственностью заявляю...»

— Бобр... Роберт! — в дверях, почему-то одетая по-домашнему, а не для школы, стояла младшая сестренка.

Роберт вскинулся — опять эта дурацкая привычка входить без стука. Надо поставить на дверь замок. Два замка. Разозлился он потому,

что сестра могла увидеть, как он тут дурачится перед зеркалом, а меньше всего на свете Роберт Ангуриян любил выглядеть дураком. Но, кажется, Карина ничего не заметила. Она была страшно растерянной и мялась на пороге, будто пыталась подобрать для разговора правильные слова, но не знала, с чего начать. Роберт мысленно позло-радствовал — видимо, сестренка по наущению старших пришла извиняться за вчерашнее и теперь страдает от уязвленного самолюбия.

В детстве Роберт мог неделями не разговаривать с сестрой, наказывая ее за малейшую провинность или непослушание. Однако младшая бестолковая сестра — одно. А смотрительница ростовского лабиринта, даже если ей всего лишь пятнадцать, — совсем другое. Ссориться с новой смотрительницей Роберту было совершенно не с руки, поэтому он сцепил зубы и доброжелательно кивнул.

— Каро! Что? Завтракать пора? Знаю — мать забегала уже. Сейчас спущусь. А ты как? Как встреча с хозяином? Знаешь, а я подумал тут — круто, что так вышло. Я наверху, как отец, ты внизу смотрителем — сработаемся на отлично.

— Нормально. Да... Сработаемся.

Голос у сестры был не спокойный, как обычно. Не дерзкий, как вчера вечером, не язвительный, как можно было бы ожидать, а какой-то погасший. Именно таким бесцветным голосом

сообщают самые страшные новости. «А может, и не извиняться пришла», — мелькнула догадка.

— Что-то не так? — Роберт шагнул вперед. В голове его возник список всех возможных страшных известий, от скоропостижной смерти деда до прибытия в центральный офис налоговой инспекции, и Роберт не нашел в списке ни одного события, из-за которого бы мог огорчиться по-настоящему. Однако приличия ради он подпустил в лицо толику подходящего случаю волнения и тревоги.

— Цыба умер.

— Ох, ты. Какая жалость... Тьфу! Какой еще Цыба?

— Который в субботу был. Ну, который дрался. Полный такой... Друг Шорохова. Это — Цыба. И он умер.

— Э-э-э, — маска тревоги сползла, сменилась недоумением, а потом превратилась в брезгливую гримасу. — А мне-то с этого что?

— Так ведь это ты его убил, Роберт. — Карина уставилась брату прямо в глаза. — Я видела, как ты его двинул. Все видели.

— погоди, погоди. Стоп! Ты что за фигню порешь? Жирдяй на своих двоих домой утопал.

— Кровоизлияние в мозг у него. От удара по голове. От твоего удара. И тебя... — Она набрала побольше воздуха и выпалила: — Тебя за это могут в тюрьму посадить!

— Что за чушь! Какой-тодохлый Цыпа... Я убил? Тюрьма? Откуда ты вообще это взяла?

— Я, — Карина схватилась руками за щеки, как будто пыталась удержать голову на плечах. И выдохнула тихо, но отчетливо: — Я не могу сказать...

— Начинается... Можно без этих дурацких секретов?

— Я просто знаю. Точно знаю, и все... Какая разница откуда?

— Откуда знаешь? — Роберт схватил Карину за плечи и грубо встряхнул.

— Мне сказали...

— Кто?

— Я не могу...

— Кто сказал? Если не ответишь, у тебя тоже будет кровоизлияние в мозг!

— Макар...

— Что?

— Шорохов...

Роберт оттолкнул сестру, будто она на его глазах превратилась в мерзкое чудовище.

— Шорохов? Ты что, общалась с ним?

В лице Роберта было столько презрения, что Карина рассердилась.

— Да, общалась! Только что! Он был здесь...

— Дрянь!

Пощечина была жесткой. Девушка приняла удар с открытым лицом, хотя Роберт знал — закрыться и уклониться сестре ничего не стоило. Щека ее

распухла, покраснела, но она даже не вскрикнула. Стояла прямо, вытянувшись и зажмурившись, будто солдатик-дезертир перед особистом.

— И давно вы с Шороховым... это? Дружите? — саркастично протянул Роберт. — Может, красавчик и в субботу к тебе приходил, а я не въехал? Что? К тебе?

— Нет... Мы только вчера с ним познакомились. На ипподроме.

— Дрянь! С кем связалась!

— Что происходит? Роберт? Каро? — одетый по-офисному, в строгий синий костюм и белоснежную сорочку, вышел на шум отец.

— Ничего.

— Разве? — Роберт плюнул Карине под ноги и обернулся к отцу. — Держись крепче, отец. Наша свежеиспеченная смотрительница, оказывается, таскает к себе по ночам парней...

— Что?

— А теперь еще крепче держись. От нее только что вышел шороховский выпотрыш. И кто знает, что она ему натрепала! Девки-то в постели всегда болтливы.

— Ты уверен, Роберт? То, что ты сейчас сказал...

— Да ты сам спроси. Она особо и не скрывает.

— Папа!!! — взмолилась Карина. — Ничего не было! Мы случайно на ипподроме познакомились, а он с утра взял и в окно залез. Мы просто разговаривали, я тебе клянусь... Про школу, про

музыку... Я же знаю, что можно говорить, что нельзя. А потом он ушел, потому что узнал — его брат двоюродный умер. Но не просто так умер — наш Роберт его убил.

— Оба в кабинет. И пока я не разберусь сам, никаких домыслов, — скомандовал Юрий Ангурия тихим, в общем-то обыденным голосом, но Роберт понял, что возражать бессмысленно.

* * *

Деда наверх вызвала мать. Старик пришел немедленно — в руках чашка кофе и трубка. Упал в гостевое широкое кресло, оставив Роберту и Карине выбор — или садиться рядом на диван, или стоять в разных концах кабинета. Они выбрали последнее. Зажалась в дальнем углу Карина, а Роберт так и остался возле двери.

— Повтори еще раз, Каро, — приказал отец. — Спокойно и последовательно.

— Полчаса назад... Макар Шорохов получил эсээмску, не знаю от кого, о том, что Цыба... Игорь Цыбин — его двоюродный брат — скончался в больнице. Диагноз — кровоизлияние в мозг. И теперь Шороховы считают, что это из-за той драки. И виноват наш Роберт.

— Кто считает? Младший Шорохов? Старший Шорохов? Цыбин? Менты? Врачи? Кто? — Отец умел, если надо, быть неумолимым.

— Не знаю. Макар вот точно считает...

— Ну-у-у, где щенок, там и остальные. Ясно, что просто так Шороховы этого не оставят. Они Ангурияна с радостью на зону упекут, — отрезал дед. — Я видел тот удар. Удивительно, что мальчишка прожил больше суток.

— Жирный сам полез. — Роберту все меньше и меньше нравилось происходящее, но он пытался бодриться. — Мне что теперь? Припаяют убийство по неосторожности? Неужели не отобьемся? Ну забашляем, кому надо сколько надо, и все. Что у нас, деньги кончились, что ли?

Дед, проигнорировав вопрос внука, подтянул к себе бронзовую пепельницу и принялся стучать об нее трубкой, выколачивая остатки табака.

— Юрий, ты навел справки? В ЦГБ звонил? В морг? В управление? Что говорят...

— Секунду... Звоню... Да... Спасибо, дорогой, в долгу не останусь. И что они? А похороны? Не слышу! В четверг? Да. Понял. Бывай. — Отец нажал на «отбой» и развел руками так, что всем присутствующим стало понятно — дела плохи.

— Ну что? — Роберт почувствовал вдруг, как заструился по позвоночнику пот. Похожее ощущение он всегда испытывал, спускаясь в чертов лабиринт. Паника, оттого что ситуация выходит из-под контроля и он ничего не может поделать. Ничего. — Что там?

— Игорь Иванович Цыбин. Скончался от кровоизлияния в мозг сегодня в ноль часов тринадцать

минут. Кровоизлияние произошло в результате черепно-мозговой травмы. У ментов пока никаких заяв нет, но это дело времени. Шороховы не простят. Никогда не прощали. — Юрий Ангуриян уткнулся глазами в ежедневник и что-то быстро туда писал.

— И что мне делать теперь? Что вы молчите? Вы что-то уже решаете?

— Жди, тхаджан. Отец думает, — осадил Роберта дед. — Наворотил ты дел.

Сестра переводила встревоженный взгляд то на отца, то на деда. Старик покрутил вересковую трубку в руках, со вздохом отложил в сторону и теперь тяжело молчал, наблюдая за сыном и полностью полагаясь на его решение. Все дела наверху велись Юрием Ангурияном, и старый Торос этого главенства не оспаривал.

— Что делать-то? — повторил Роберт.

— Тебе придется немедленно уехать из Ростова. — Отец решительно отложил ручку, ежедневник и снова взялся за телефон.

— Это обязательно? Я... Я, в общем, предпочел бы остаться. У меня планы. Из-за этих собак Шороховых все! Черт! Черт! — Он шарахнул ребром руки о дверной косяк и грязно выругался. — Когда ехать?

— Сейчас. — Дед окинул внука взглядом, в котором неодобрение мешалось с жалостью. — Ладно, иди собирайся. Юрий, ты уж займись.

Отправь парня подальше. Так, чтоб Шороховы не откопали. Карина, а ты после завтрака ко мне. В школу сегодня не идешь. Джана!!! Джа-а-ана!!! Я же знаю, ты за дверью. Принеси мне еще кофе.

* * *

Роберт ждал от деда и отца еще какого-то слова, но в кабинете воцарилась тишина. Карина молчала. Стояла, опустив глаза в пол и ожидая разрешения покинуть комнату. Юрий словно не видел дочь — обзванивал бухгалтерию и банки, связывался с армянской общиной на Крите, чтобы те обеспечили сыну защиту, искал частный джет, опасаясь, что Шороховы могут поднять на ноги охрану аэропорта — тамошний начальник начинал когда-то в «Империи» Шороховых простым «десятником».

Роберт подождал две минуты и вышел.

Покидав в сумку кое-какую одежду — пару джинсов, футболки, университетскую толстовку и бомбер, — Роберт нагнулся и неожиданно для себя погладил гири. Старые чугунные гири, которые когда-то отдал ему дед Торос.

— Прощайте.

Он знал, чувствовал, что больше сюда не вернется. Роберт Ангуриян — несостоявшийся смотритель ростовского лабиринта, неслучившийся отец-основатель ростовского метро — уходил из семьи навсегда.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ЦЫБА

Четверг выдался дождливым и по-осеннему холодным. Макар встал в семь и начал одеваться. Мама приготовила костюм и рубашку еще с вечера, повесила на плечиках на зеркальный шкаф, и, просыпаясь ночью, Макар пугался и черного висельника, и его зеркальной копии. Потом приходил в себя, садился на смятой кровати и ждал, пока снова не начнет неумолимо тянуть в сон. Все эти три чертовых дня он почти не спал. Торчал у дяди Вани с тетей Олей на кухне, не решаясь пройти в гостиную — туда, где в деревянной коробке лежал Цыба.

— Я тоже на него смотреть не могу, — шептал осунувшийся дядя Ваня. — Надо побыть рядом, пока он еще здесь. А не могу.

Тетя Оля сидела у гроба. Молчала. Иногда была тихонечко, как дворняга Сыроежка, которую Цыба раз в неделю таскал с помойки домой

и лечил от гриппа колбасой с кругляшами аспирина. Сыроежка жрала колбасу, выплевывая таблетки. Подумав, доедала и таблетки. Ей было без разницы, что жевать, — нравился сам процесс. Насытившись, Сыроежка садилась на куций хвост и принималась монотонно выть. Может быть, она скорбела по колбасе, а может, по щенятам, которых уволокла «живодерка», пока Сыроежка таскалась по помойкам в поисках какой-нибудь еды. Цыба считал, что Сыроежка плачет по детям, Макар считал, что у нее просто характер такой, но в целом они оба сходились на том, что собака хорошая и надо ее оставлять дома.

— Помнишь, он псину в дом притащил? Вот такую! — дядя Ваня коснулся рукой колена. Подумав, поднял к бедру. — И так еще назвал чудно...

— Сыроежкой. И она маленькая была совсем. Как болонка.

— Да? А мне казалась — лошадь. Мы, дураки, не разрешили тогда — шерсть, мол, а у нас ковры. Вот притащил бы он сейчас хоть всех ростовских дворняг, я бы знаешь что ему сказал... знаешь? Я б ему сказал «Сынок, да пусть живет...»

— Дядь Вань, не надо, а. Налей.

И снова водки, заесть куском пиццы. Ребята-охранники — молодцы. Сами сообразили и организовали дежурства, так чтобы у Иван Ивановича не заканчивалась закуска и выпивка.

— Как же так? Как же вы так? Как так неосторожно? — Дядя Ваня, напившись и наплакавшись, кружил вокруг Макара, все пытаясь услышать что-то, что объяснило бы ему, почему его единственный сын лежит в коробке, а друг его — Макар — сидит напротив живой.

— Так вышло, дядь Вань. Дурь вообще. Приспичило на доске покататься. Отжали там у одних ребят на время... Я ничего, а Гоха навернулся и о бордюр. Я виноват дико — не отговорил. Знал же, что ему нельзя. Что неуклюжий. Прости, дядь Вань. Прости!

— Да не. Ты не виноват. Я так спросил. Знать важно. Нет? Ну как же вы так неосторожно? А что за ребята?

— Да кто ж знает. Мелкота. Не плачь только, дядь Вань.

Выла за стеной тетя Оля. Скулили тоненько «господи, помилуй» старухи-плакальщицы, которых кто-то привел из соседней церкви. Устав петь, старухи бродили по большой цыбинской квартире — одинаковые, призрачные, с извиняющимися личиками и запахом смерти, каким-то рыбьим, налипшим на них, как чешуя. Встретив их в коридоре, Макар вжимался в стену и ждал, пока они пройдут мимо. Ему казалось: если бабки заговорят с ним или, еще хуже, коснутся, он тут же и сам упадет за-мертво.

— Как же так неосторожно? Как? — докапывался дядя Ваня до плакальщиц, те вздыхали и гладили его по всклокоченной немытой голове.

Макаровы мать с отцом дневали здесь же, у Цыбиных, а на ночь уходили — дома оставался Илюха, и одного его бросать было никак нельзя, Макар же две ночи ворочался на кушетке в прихожей, потому что спать в Цыбиной комнате не мог, да и тетя Оля с дядей Ваней не выдержали бы, хотя дядя Ваня настаивал. Наверное, думал, что так ему будет проще и быстрее забыть.

В среду Макар наконец ушел ночевать домой, к Цыбе так и не заглянув. Боялся. Не покойника, нет, и не того, что станет там при всех плакать — он и так все эти дни плакал. Боялся, что, увидев мертвого Гоху, не выдержит. Назовет дядь Ване и отцу Цыбиного убийцу.

Только назвать не мог! Он два дня был уверен, что молчит, потому что хочет сам отомстить ангурияновской твари. Стопроцентно знал, что вот Гоху похоронят — и он сразу же пойдет душить Бобра, и будет его шею стискивать так долго, что пальцы посинеют. Он взял нож, забрал у брата цепь, но почему-то хотел именно руками. И чтобы еще глаза видеть... черные армянские глаза.

«Тортилла разноглазая». Теперь Цыба ляпнул бы это не про Бобра, а про него — Макара. Из-за черепахи, которую Макар таскал все это время в кармане, глаза поменяли цвет, и странно, что

никто из родных этого не заметил. Хотя чего ж странного? Кому сейчас было дело до Макаровых глаз. К тому же из-за недосыпа они стали красными и безумными.

«Убью, убью, убью», — шептал Макар, прислушиваясь к вою в гостиной, и от этой мысли ему становилось легче.

К вечеру среды тетя Оля начала плакать навзрыд, а потом всхлипывать тише и еще тише. Выбралась из гостиной на кухню, выгнала охрану и тихо отругала дядю Ваню за то, что тот пьяный, а завтра надо на кладбище. Обняла племянника так крепко, что перехватило дыхание и хрустнули ребра, села пить чай. Вот в этот миг Макар, понял, что не убьет Бобра. И никому не расскажет. Никогда и никому. Будет с этим жить дальше, и молчать, и давить в себе ненависть, как таракана.

Причиной его молчания была Карина Ангуриян. И то, что он любил ее.

Так отчетливо и так просто Макар это понял, наблюдая за тем, как тетя Оля прибирается на кухне, как возит тряпкой по столу, как медленно, будто во сне, ставит на поднос пустые чашки... так сильно захотел, чтобы Карина оказалась сейчас рядом с ним... так зверино затосковал, что тут же поднялся и, попрощавшись с дядькой и теткой до утра, рванул в Нахичевань на первой попавшейся тачке. Подходя к ангурияновскому

дому, увидел, что окно мансарды плотно закрыто, тут же сообразил, что номер ее телефона так и не взял, но ему уже было все равно. Только бы увидеть, только бы услышать голос, только бы дотронуться...

Макар поднялся на крыльцо, яростно вдавил кнопку звонка и, услышав тяжелые мужские шаги за дверью, вдруг испугался, что это может быть Бобр. Побелели костяшки сжатых пальцев, заныло в животе. «Господи, помилуй, господи, помилуй, помилуй», — вспомнились тусклые старушечьи мордочки и то, как бабки гладили дядю Ваню по голове и шептали «смирись».

— Зачем пришел? Кого здесь ищешь? — Торос закрыл проем телом. Подобрался, ошетинился, как будто ждал, что стоящий напротив мальчишка его ударит.

Макар молчал.

— Не ходи сюда. Если Роберта надо, то он уехал.

Макар молчал.

— Послушай меня, тхаджан... сынок, — выдохнул старик после недолгой паузы. — Не ходи сюда. Хватит. Нам хватит, и вам тоже... достаточно.

— Хватит? — свело челюсть так, что самые простые слова царапали нёбо.

— Да. Хватит. Ты хороший парень, но очень молод и многого не знаешь. Но послушай старика...

— Карина где? Я к ней пришел.

— Карина?

— Да. Позовите. Я хочу ее видеть. Мне очень нужно ее видеть.

Торос покачнулся. Уцепился ладонью за косяк.

— Уйди, парень. Оставь девочку в покое. У нее другая жизнь. Тебе там не место. Вы, Шороховы, вечно лезете туда, где вам не рады!

— Где же нам не место? Где нам не рады? Неужели в...

Ему хотелось бросить в лицо Торосу, что он все знает. Что он был внизу, видел лабиринт и чудовище. Что сейчас от него — Макара Шорохова — зависит, узнает ли завтра весь город о том, что под землей не просто катакомбы и пещеры. Хотелось раскрыть карты, выложить козыри и посмотреть, что будет делать старикан и как после этого заговорит. Опять заведет свое «ты многого не знаешь, мальчик» или придумает новенькое. Но почему-то понял, что Каринка этого не одобрит.

— Что ты сказал? — не понял старик.

— Ничего. Я хочу видеть Карину.

— Ее нет дома. И для тебя никогда не будет. Это не я так решил. Она сама решила. Ангурянам с Шороховыми не по пути. А теперь ступай отсюда.

Рука Тороса взметнулась вверх. В этот самый миг где-то за Доном громыхнуло, и яркая

молния рассекла небо пополам. Старик замер с поднятой вверх рукой, как будто хотел выхватить из воздуха разряд, и Макар непроизвольно отступил.

Захлопнулась тяжелая дверь. Макар сел на ступени, достал из кармана черепаху и целую минуту всерьез размышлял о том, не войти ли ему внутрь через кирпичную стену дома.

* * *

Семь утра. К девяти нужно ехать к Цыбиным. Гроб вынесут во двор... зачем? Чтобы случайные прохожие обтирали его взглядами, качая головой? Чтобы соседские бабки, которые лет десять назад орали на маленького Цыбу и грозили надрать ему уши за вымазанные вишневым соком простыни, жвачку на скамейке и покрашенную зеленой кошку, охали и всплескивали руками «ох, молоденький какой»? Или просто чтобы не толпиться в одной комнате, где уже через пять минут становится душно и тошно, и те, кто вроде как пришел прощаться, начинают шептаться между собой, обсуждать какие-то пустяки, насущные проблемы и «живые» вопросы. А ты смотришь на них мутными глазами — от слез и бессонных ночей, — и «плывешь», и хочешь что-то сказать, но не можешь. Потому что комок в горле и временами ловишь себя на жестокой, неправильной мысли — «лучше бы они...».

Макар спустил ноги с кровати. Медленно — одну, потом другую. Некстати вспомнилось, как он усаживал Цыбу в такси и помогал с ушибленной щиколоткой. Макар тяжело задышал сквозь зубы и с размаху двинул кулаком о спинку кровати, разбил костяшки в кровь — лишь бы не расплакаться.

В ванной сунул голову под струю ледяной воды, закрыв глаза. Затылок потяжелел, запульсировал ноющей болью. Потом Макар пять минут чистил зубы. Секунд тридцать из них возил щеткой, а оставшееся время — рыдал, все-таки не выдержал, рыдал и трясся, уцепившись за край раковины. Невозможно не плакать, когда сначала ты с братом мажешь девчонок зубной пастой во время тихого часа, а потом вдруг этот брат уже и не человек вовсе. А тело.

Мир превратился в минное поле: любой предмет, любое движение могли превратиться в воспоминание о Цыбе — яркое, словно вспышка, и близкое до ужаса. Всего год назад... Всего месяц назад... Всего неделю назад... Как обходить эти «мины»? Как защититься от осколков?

Никак.

Макар не стал завтракать. Повозил вилкой по тарелке с сырниками и отставил ее в сторону — кусок не лез в горло. Потом долго одевался — дрожащие пальцы плохо управлялись с пуговицами на рубашке, только с третьего раза попал в рукав пиджака.

Ехали двумя машинами — родители с Илюхой на отцовском «Инфинити», а Макар сзади — на джипе. Отец предлагал сесть к ним, но Макар заранее решил, что не будет долго торчать на поминках. Только пригубит вина, не чокаясь, и сразу сбежит, чтобы не слышать раз за разом: «Пусть земля ему будет пухом...» Поедет куда глаза глядят — будет кататься по городу, по местам, где они бродили с Цыбой, и вспоминать. Чтобы никто из посторонних не видел и не слышал, как Макар Шорохов скрипит зубами и снова плачет.

Во двор, попрощаться с Цыбой, пришел его бывший класс... его и Макаров. Несмотря на то что все поступили в разные места и успели уже распрощаться со школой, с детством и этим дурацким буквенным обозначением — «А»: девятый, десятый, одиннадцатый. Кто-то обзвонил всех, созвал. Зачем? Почему, когда умирает взрослый, к нему не приходят все его коллеги в полном составе? По какой такой причине на похороны обязательно ходить всем классом, как на экскурсию? Чтобы лишний раз обрезать крылья еще молодым и беспечным человечкам, мол, смерть ближе, чем вы думаете?.. Виновато отвернувшись от Цыбиных родителей, бокком подобраться к гробу, взглянуть на бывшего одноклассника одним глазом и смущенно отойти.

Потом долго ехали по пробкам за катафалком. Дождь заливал лобовое стекло. Дворники работали как бешеные, но все равно дорога впереди оставалась в мутной пелене — нереальная, ненастоящая. Какой-то таксист все время перестраивался и в итоге влез между ритуальным автобусом и «Рэнглером». Макар чуть было не выскочил из машины, чтобы обломать ему зеркало. И разбить стекло, и вытащить его за грудки из машины, и...

Хотя он же не виноват.

Тот, кто виноват, — далеко. И Макар не сломал ему ничего. Не разбил все стекла в доме. И... даже не попытался.

* * *

В церкви на Северном кладбище старушки суетливо закрепили на краях гроба высокие свечи. Пришел священник — молодой, с куцей бородкой и залысинами. У него были бело-желтые, будто из воска, длинные пальцы с блестящими розовыми ногтями — Макар почему-то не мог оторвать от них взгляд, пока те листали требник.

В воздухе пахло воском, ладаном... пустотой. Затхлой пустотой, в которую уходят молитвы тех, кто не верит, но все равно приходит сюда. Зачем? Потому что положено. Макару опять казалось, что никто здесь не сам по себе — все подчинились ритму древней традиции, неотступно

следовали заведенным правилам. Те, кто правил не знал, чувствовали себя неуютно — нервничали, мяли свечи, вертелись на месте, шепотом спрашивали: «Уже можно зажигать, да?»

Батюшка кружил вокруг гроба и пел «Со святыми упокой» — тонким голосом, чуть грустнее. Слова текли сквозь Макара, не задевая его, не обладая ни смыслом, ни формой — что-то тягучее и звенящее эхом из-под свода. Не поднимая глаз на родителей и дядю Ваню с тетей Олей, Шорох разглядывал кадило в руках священника — он почему-то никогда раньше не думал, что в момент взмаха нужно потянуть за цепочку, чтобы приподнять крышку и дым пошел сильнее.

До этого момента Макар всего однажды был на похоронах, двенадцать лет назад, у двоюродной бабушки. Единственный вопрос, который занимал его тогда все утро: «А вдруг я начну смеяться и все решат, что я дурак и плохой внук?» Но стоило приехать в церковь, где маленькому Макару дали свечку, как он разревелся и не унимался до самых поминок. Сейчас же наоборот — когда гроб вытащили из катафалка и поставили на табуретки посреди светлого зала, Макар вдруг успокоился. Почти.

Пришло осознание. Это не горе. Это безысходность. Горе — когда можно что-то изменить. А сейчас уже... что расстраиваться? «Чего уж

теперь», — говорила мама, успокаивая утром Илюшу. Действительно. Чего уж теперь.

— Можно прощаться, — сказал батюшка.

Тетя Оля первая подошла к открытому гробу, нагнулась, быстро поцеловала сына в лоб и отошла. Схватила дядю Ваню за локоть, как-то вдруг съежилась, стала меньше ростом и задрожала. Макар подержал руку у Гохи на плече, посмотрел на его бледное лицо — странное, будто изменившееся, незнакомое. Потом вышел на крыльцо — не хотел видеть, как закрывают крышку и завинчивают болты. Дождь чуть накрапывал, на востоке между облаками проглядывала синева.

Северное кладбище — или Северный нежилой массив, как его называли в шутку, — тянулось на десятки километров. Самое большое кладбище в Европе, двести восемьдесят гектаров. Если у родственников умершего было не слишком много денег, ему выделяли место по плану, почти у горизонта, на самом краю массива, и закапывали в красноватую глинистую почву среди десятков таких же холмиков. Цыбины же выбрали участок поближе — оформили подзахоронение к родным. Всего три квартала от церкви, рядом с кустами сирени.

Места было мало, совсем впитык, и выкопанной землей засыпали наполовину два ближайших памятника. Оградки мешались под ногами,

Макар все боялся, что поддатые могильщики споткнутся и уронят Цыбу. Его Цыбу. Но никто не споткнулся, гроб спустили на длинных ремнях в могилу, мужик с лопатой хрипло предложил всем бросить по три горсти земли... Направился к дяде Ване, отвел его в сторону, стал просить еще две тысячи сверх уплаченного — «чтобы оградку получше сделали». Тот растерянно кивал, как болванчик, пытался достать деньги, тянулся и не попадал пальцами в нагрудный карман.

Когда могилу закопали, все замялись. Нужно было что-то сказать — что-то хорошее, светлое, чтобы улыбнуться и вспомнить живого настоящего Цыбу, а не стоять молча вокруг таблички «Игорь Цыбин, 1995–2012». Снова хлынул ливень. Мама ухватила тетю Олю за плечи и повела к машинам, мужчины побрели следом. Макар дождался, пока все отойдут, подошел к могиле, присел рядом с ней на корточки, зачем-то приямл землю ладонью. Пытался придумать нужные слова, но не получалось.

— Макар...

Она вышла из-за соседнего памятника, двухметровой серой плиты с выгравированным ангелом.

— Карина, — Макар неловко поднялся, вытер ладони о штаны. — Я к тебе приходил.

— Я знаю. Дед сказал.

— Он не пустил меня...

— Тоже знаю.

— Спасибо тебе. Спасибо, что пришла. Я же... Ну, помнишь, говорил, что Цыба тебе понравится. Понравился бы.

— Я... Ты только не думай, что я сошла с ума. — Карина откинула капюшон и посмотрела — не на Макара, а будто сквозь него, в другой мир. Глаза у нее были такие же красные, воспаленные и заплаканные. — Я знаю, как все исправить.

— Все?

— Вражду семейную. И это тоже, — она показала на свежий холмик с табличкой.

Макар подошел. Положил руки ей на плечи. Кивнул. Рассказывай, мол. И она заговорила топорливо, глотая слова, словно боялась не успеть:

— Дед... Он тебя выгнал, но он хороший, правда. Он просто о лабиринте волнуется. Он же смотритель. То есть теперь я — смотритель, но это он меня всему научил. Я только одного не знала раньше. Про линзу. Он мне рассказал вчера. Ради нее лабиринт и построили. Барбаро построил, в пятнадцатом веке еще. Не чтобы сокровища спрятать. Понимаешь?

— Еще не совсем.

— Сейчас поймешь. Линза — в самом центре, туда можно только с разрешения хозяина... то есть Барбаро, пройти. Не волнуйся, я разрешение добуду. Я все продумала. А! Главное!

Линза — это портал. Через него можно перемещаться во времени куда угодно. Теперь понял?

— То есть ты хочешь сказать...

— Мы можем вернуться в прошлое и сделать так, чтобы наши семьи не ссорились! Тогда мы сможем быть вместе. И вы с Бобром не подеретесь. И Цыба не умрет.

* * *

Взявшись за руки, они побежали к машине. Вдруг Макар затормозил, оглянулся.

— Забыл что-то?

— Ага.

Он вытер со щек капли дождя, втянул воздух со свистом и выпалил:

— Чтоб мой глаз заплесневел! Чтоб чудище отгрызло мне руки! Чтоб я лопнул, Гоха, если у меня не получится. Ты, главное, верь, хорошо?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПАРАМОНОВСКИЕ СКЛАДЫ

Мчались по черным от дождя улицам, как сумасшедшие. Не разбирая пути, забив на ПДД и водительскую совесть. Другого бы тормознули в секунду, но желтый «Рэнглер» Шорохова-младшего знали все менты в городе, так что трогать Макара никто из силовиков бы в жизни не рискнул. Обычно Макар этой форой не пользовался — и так в Управлении закрыли глаза на то, что восемнадцать будет только в феврале, и оформили потихоньку права, но сейчас ситуация была особенная.

— Держись. В шашечки поиграем, — предупредил он Карину и вдавил педаль в пол.

Джип шел резво, проскакивая на желтый, оскальзываясь на крутых виражах. Дворники скрипели по стеклу, едва справляясь с потоками воды, щелкал, не затыкаясь, поворотник. Направо. Прямо. Обогнать фуру. Вынырнуть перед

мордой грузовой «Газели». Извиниться перед офигевшим водилой, мигнув пару раз фарами. Налево. Прямо. Направо. Быстрее. Еще.

Макар вел машину одной рукой, вторую держал на рычаге коробки. Карина сидела рядом. Молчала.

За окном мелькали дома — быстрые, тусклые. По тротуарам, перепрыгивая через лужи, бежали такие же тусклые люди, спрятавшись под зонтиками. Почему-то все зонты были черными или блеклыми, словно весь город сегодня сговорился и решил надеть траур.

Боммм, боммммм...

Карина дернулась, услышав слева бой церковных колоколов, опустила чуть-чуть стекло и, подставив лицо потоку перемешанного с дождем ветра, закрыла глаза.

— Боишься? Помедленнее? — Макар переключил скорость и, сняв руку с рычага, прикрыл ей Каринину ладонь.

— Нет. Не боюсь. Ты уверенно ведешь. Я же такое сразу чувствую.

— Ага...

Ударить по тормозам. Перейти в левый ряд. Снова на газ.

— Минут через десять мы на месте. Дальше вниз, а там, как решили.

— Да.

— Да.

— Макар. А если ничего не выйдет? Или... выйдет только хуже? — Повернув руку ладонью кверху, Карина сжала его пальцы изо всех сил.

— Хуже некуда, Карин. Поэтому мы или все исправим... — Он ответил на рукопожатие и улыбнулся первый раз за последние три дня. — Или все исправим!

Карина хотела сказать, что еще недавно тоже так считала, но выяснилось, что эта долбаная пропасть не имеет дна. Стоит однажды сорваться с края, и дальше катишься, летишь, падаешь вниз, и нет твоему падению конца. Но, посмотрев на Макара, девушка поняла, что ничего такого не скажет и что пойдет вместе с ним куда угодно: в прошлое, в будущее, в преисподнюю, на виселицу или на костер. Лишь бы рядом.

— Главное — не промахнуться со временем. Дед говорил, что это тысяча девятисотый. Что как раз тогда Шорохов... ну, твой прапрадед зарезал в драке деда Вазгена...

— Зарезал? — потрясенно переспросил Макар.

— Так с этого все и началось... — Она запнулась. — У него сынишка остался маленький совсем и больше ни одного мужчины в семье. Так и получилось, что смотрительницей стала сестра Вазгена — Ануш. Там не ясно, вроде бы она замуж собиралась как раз. По любви большой. А из-за Шороховых ей пришлось все бросить и встать смотрительницей на лабиринт. Дед

сказал, это она тогда поклялась мстить Шороховым... вам то есть.

— Ага, слышал. Ваша Ануш у нас вместо бабы-аги. Семейный триллер...

— Знаешь, я всегда хотела быть как она. Всегда! Даже имя поменять думала.

— Если все получится, сможешь сама сказать ей об этом. Пусть порадуются, что у нее в двадцать первом веке — фанаты. — «Рэнглер» заскользил, съезжая к Дону. За окнами промелькнул недостроенный бизнес-центр, потом черные обочины, вздыбившиеся бетонными плитами... — Все. Приехали. Парамоны.

Машина притиснулась к обочине. Макар повернул ключ в замке, но выходить не спешил. Откинулся в кресле, не выпуская руку Карины из своей. Уставился вперед, туда, где за призрачной изморосью дождя виднелись полуразрушенные складские коробки. По выцветшим стенам стекала ручьями вода, смешивалась с кирпичной крошкой, деревянной трухой и пылью, собиралась в грязевые пузырящиеся болотца. Зеленела короткая трава — яркими пятнами в коричнево-серой сырости.

— Красиво... Красиво очень. Я раньше и не замечал. Как думаешь, Парамоны останутся? Ну, если мы там все сделаем, как хотели. А Публичка? А набережная? Дон?

Он поднял Каринину руку к лицу. Долго рассматривал ее тонкие пальцы. Потом прижал их

к губам и так замер, продолжая думать о чем-то своем.

— Макар... — мягко окликнула девушка и потянула руку. Осторожно, но настойчиво. — Надо идти.

— Я все-таки еще раз спрошу — ты уверена? — Он повернулся к Карине.

— Абсолютно.

— Ты же понимаешь, что измениться может все... Совсем все. Я, ты, город? Мир может измениться навсегда. Даже исчезнуть. Вдруг мы с тобой никогда не встретимся.

Карина смотрела на него и улыбалась. Хотя от сказанного зарябило в глазах.

— А мы постараемся, чтобы этого не случилось. Сильно постараемся.

— Карин... — Макар замялся.

— Что?

— Еще я хочу пойти один... Мне так спокойнее.

— Что? Глупостей не говори, Шорохов! Или мы идем вместе, или никак. В конце концов, кто из нас главный, а кто так... на хвост упал?

— Ладно... — вздохнул Макар. — Вместе так вместе. Но пообещай меня во всем слушаться!

— Уже слушаюсь! Смотри!

Она подалась вперед, обняла Макара левой рукой за шею. Притянула к себе. Поцеловала в губы легко, уверенно. Он выдохнул счастливо, обхватил ее обеими руками, сжал.

— Пошли уже, командир. — Вывернулась так ловко, что он даже не заметил. Открыла дверцу. — Раньше сядем, раньше выйдем.

Выскочила из машины. Потянулась. Перепрыгнула лужу. Гибкая, ловкая, красивая — глаз не отвести. Макар стоял по другую сторону джипа и смотрел на Карину с восторгом и даже завистью.

— Ты все-таки офигительная, Карина Ангукян! Нереальная совершенно, — голос стал хриплым. — И мне плевать на Дон и Парамоны. Но тебя не может не быть, понимаешь. Ты обязана быть! Моей!!! И я — не Макар Шорохов, если не добьюсь этого.

— Чокнутый!

Карина пошагала вперед, не оборачиваясь. Квакнула сигнализацией машина. Макар, прихватив из бардачка пчак и фонарик, направился следом.

* * *

Внутри заброшенного старинного склада стояла вода.

— Отлично... — Макар снял пиджак, повесил его на торчащий из стены арматурный стержень и соскочил с кирпичного выступа вниз, стараясь не обрызгать девушку. — В общем, утонуть не утонем, но неприятно. И холодно, черт подери. Что дальше?

— Дальше придется искать метку. Отойди, я к тебе прыгну. Ох. Правда, холодно. — Вода доставала Карине до пояса — кончик косы тут же намок и потяжелел. Она подобрала волосы под капюшон, плотно затянула кулиску. — Тут тысячу лет никто из наших не был. С двадцатых, может. Под меткой лаз в складской подвал, дальше я сориентируюсь. Сам ход в лабиринт заложен наглухо — это еще бабка Ануш своими руками делала. С Парамонов тогда всякие дебилы к нам лезли — за один год человек пятьдесят пришлось Пахаку... Ну, в общем, это все детали. Готов? Черт. Стой!

— Что?

— Мобила под водой сдохнет...

— Не сдохнет. Она у меня боевая, водонепроницаемая. Если верить рекламе...

— Заодно и проверим... — нахмурилась Карина, видимо не доверяя рекламным обещаниям.

Макар быстро убрал телефон в карман, убедился, что нож, фонарик и черепаха на месте и не вывалятся, набрал в грудь побольше воздуха и нырнул.

* * *

Он бы в жизни не сообразил, что это какая-то там метка. Обычный кирпич, чуть выдвинутый вперед. Облепленный тиной, скользкий и довольно омерзительный. Но Карина кирпичу

явно обрадовалась, присела перед ним на корточки и махнула Макару рукой, подгребай, мол, и устраивайся рядом. Он все-таки на всякий случай встал из воды, сделал вдох и лишь потом устроился рядом с Кариной. Она, странно вывернув пальцы, поддела за выступ. Макар даже не понял, как они провалились вниз и очутились внутри складского подвала, разумеется, заполненного водой до самого потолка.

Карина быстро плыла впереди, расталкивая руками и ногами воду, отпихивая в сторону мусор и прочую дрянь, о происхождении которой Шорох решил не думать. Макар двигался следом, ориентируясь на волну. Он хотел уже было достать и включить фонарик, но тут Карина притормозила, схватила его за шею и довольно небрежно толкнула вбок. Он почувствовал, как ее рука шарит по его карману, и порадовался, что вода чертовски холодная, а вокруг темнота, и она не увидит выражения его лица. Секунда, другая... Девушка куда-то делась, оставив его одного. Воздух распирал легкие, жег изнури. Маленький выдох. Еще. Еще... Макар начал немного волноваться — смерть в канализационном болоте в его планы не входила, но в эту секунду Карина прижалась к нему всем телом, крепко обвила ногами и руками и буквально вдавила его в стену.

— Фу-у-у-ух... Боялась, что не сработает.

Они сидели на каменном полу друг против друга и часто дышали. Макар достал фонарик и сделал вид, что не заметил, как она фыркнула.

— Что?

— Черепаха... Этому же специально учатся.

— Чему?

— Проходить через стену вдвоем. — Она рассмеялась, увидев, как он пытается стряхнуть с когда-то белой рубашки налипшую тину и слизь. — Предмет же на одного человека рассчитан. Тут навык нужен. Короче, с тобой запросто могло и не сработать. И был бы трындец.

— Знаешь что? Ты в следующий раз все же предупреди. Ну, типа, Макар, а сейчас мы будем пять минут плыть по уши в дерьме и не дышать. Или там — Макар, ничего, если черепаха не активируется и мы в этом самом дерьме утонем.

— Тогда я бы вытолкнула тебя, — обиделась Карина.

— А сама? Сама что?

— Ну-у-у, — она пожала плечами. — Видимо, трындец.

— Дура! Ты что? Ты думаешь, если тебя не будет, мне это все надо? — Он вскочил и заорал так громко, что Карина непроизвольно прикрыла уши ладонями. — Ты что из себя строишь? Амазонку типа, да? Еще раз так сделаешь...

— Не сделаю. Не ори. Пахак услышит... Вот. Уже услышал. Минут через десять нагонит.

Я поддержать могу, конечно, но мне его тоже жалко.

— Ну да. Песик проголодался. Бедненький.

— Не гони, а. А лучше, наоборот, погнажи.

Показав подбородком куда-то вбок, она вскочила и, сунув в руку Макара черепаху, припустила бегом.

Он еле успевал за ней, но все-таки тренировки с отцом и «бойцовский клуб» не прошли даром — по крайней мере, он не задыхался. Она же не бежала — летела по коридорам, даже не притормаживая на поворотах, но ловко опираясь о выступы стен, отталкиваясь от них руками и ногами, похожая на кошку-оборотня. Макар любовался ей, но порой, когда Карина взмывала по стене особенно высоко и замирала наверху, прислушиваясь к лабиринту, у него холодок шел по спине. Он представлял, как она вот так же, но только в кромешной тьме, мчит по лабиринту, а следом за ней, такой же неуловимый и стремительный, бежит демон. Потом Макар представил старого Тороса Ангурияна, мечущегося по стенам, как огромная летучая мышь, и ему совсем поплохело. В конце концов он не выдержал, пробормотал еле слышно:

— Слушай, ты не могла бы... ну, не как человек-паук, а? А то смотреть жутко.

— Извини. — Она мягко прыгнула вниз.

— Далеко еще?

— Нет. Открывай компас, бери в руки черепаху и дуй прямо на восток. А я перехвачу тебя перед самым спуском.

— Перехватишь?

— Угу. Я же раза в два быстрее бежать могу. Так что по-любому раньше тебя на месте буду. А вместе мы намучаемся через стены лазить. Только время потратим зря.

— Мне вообще-то понравилось... — улыбнулся Макар, старательно «не заметив» про «в два раза быстрее». Эта девчонка определенно дурно влияла на его самооценку.

— Прямо на восток. И никакой самостоятельности... — Она помолчала и добавила, посерьезнев: — Скоро у нас этой самостоятельности будет хоть завались.

* * *

На восток, на восток, на восток... Макар уже привычно, зажав между пальцами металлическую черепашку, двигался от стене к стене. В какой-то момент даже перестал притормаживать за полшага до того, как раствориться в камне. Удивительное свойство человеческого мозга — быстро и навсегда привыкать к самым невероятным, абсурдным вещам. Тебя семнадцать лет учат тому, что кинетическая энергия при соприкосновении с массой твердого тела неизбежно перейдет в деформацию мягких тканей,

опорно-двигательного аппарата и проч. Ну, то есть если ты насакиваешь на стену со всей дури, то будет ай-ай-ай. Семнадцать лет твое тело живет с этим знанием и принимает его за аксиому, а потом всего лишь за пять дней ты берешь и переучиваешься. И плюешь на ньютоновскую физику. И сначала идешь, потом бежишь, а потом и мчишь сквозь камень так, как будто его вовсе нет.

— Бегом. Я Пахака отвела к кормушке, минут двадцать у нас есть... — Карина перешнуровывала кеды, сидя на полу, когда он вынырнул наружу из очередной стены.

— Ого... Тут м-м-м... Крутой такой спуск.

— Нормально. Не разгоняйся только сильно, а то влетишь со всей дури в стену...

— Не влечу! — Он помахал перед ее носом черепахой.

— Точно! — Она больше не улыбалась. Выглядела сосредоточенной и спокойной, и Макар понял, что сейчас перед ним не просто девушка, хоть и необыкновенная, а смотрительница лабиринта Карина Ангурян. — Пошли. Теперь смотри, — Карина медленно двинулась вперед и вниз. Макар послушно направился следом, светя фонариком под ноги. — У меня есть мое смотрительское право на просьбу. Одну-единственную. Нужно предельно точно сформулировать, что мы хотим. Иначе...

— Знаю. Трындец, — усмехнулся Макар. — Это как сделка с дьяволом, и не дай бог ошибиться

в запятой. Мы хотим вдвоем попасть в тысяча девятисотый год и вдвоем вернуться обратно. Хотя это уже две просьбы. Тогда... м-м-м. Мы вдвоем хотим погостить у наших пращуров в тысяча девятисотом. Так лучше?

— Значительно. — Карина резко остановилась. Макар едва не налетел на ее спину. — Пришли. Здесь!

Скучный, хотя и довольно неприятный, коридор заканчивался обычным тупиком. Макар огляделся, дотронулся до глухой серой стены. Посмотрел на экран телефона — там красной линией был прочерчен путь от Парамонов и до сюда. Если что, очень легко вернуться по следам. Проговорил:

— Почему обязательно нужен этот... Барбаро? Пройдем через стену. Найдем сами этот чертов портал...

— Потому что так положено. Потому что я тут не в гостях. Я — смотрительница. Потому что это моя работа и я не могу, права не имею идти туда без разрешения... — Карина выразительно посмотрела на тупик. — И тебя не пущу!

— Да? Ну да. Ага...

Он даже разбежаться не стал. Просто провалился спиной назад. И, растворяясь в известняке, услышал, как она кричит ему вслед:

— Нет! Нет! Не сме-е-ей! Ты же там пропаде-е-е-е...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

КРЫСИНЫЕ БОИ

— Бей! Куси! Рви!

— Ай ты ж подлые, сзади, сзади зашли! Аа-ай!

— Что творят? Порвут ведь... Ванька, спасай!

— Пущай рвут! Не трожь! Пущайдохнет писюк! Тьфу!

— Эх!

Сторож накинул на голову холщовую куртку и, распахнув ногой хлипкую дверь склада, рванул к столу, где огромный черно-белый кот шипел и отбивался от крыс уже из последних сил. Повсюду было рассыпано зерно — крысиная приманка, на длинной цепи с потолка свисал пузатый фонарь — ринг нужно хорошо освещать, чтобы зритель до малейших деталей, до когтя, до шерстинки мог видеть драку.

— Ну, Барс, Барс, киса-киса... тш-ш... — Сторож подхватил обезумевшего, ослабевшего зверя, накинул на него дерюжку и сунул в руки сопливному парню, что мялся тут же возле двери

и гнусил: «Котикам на пропитание, монетки не пожалейте...» Стрельнул из пистолета в пол, разгоняя крыс по углам, пригладил усы. — Что, господа зрители? Обнаглели твари, кровь чувят? Не вынести ль Яшку Медного?

— Яха, ухи драные...

— Тащи, Ванька, тащи, старый черт!

— Пятерик ставлю, что Медному крысы те — во, на один кус!

— А, по рукам!

Сторож нырнул куда-то в угол, пошебуршил там, попричитал, пару раз матернулся... и вернулся к столу, волоча за шкиряк здорового рыжего кота с побитой рожей, глядя на которую сразу становилось понятно: этот глотку перегрызет, глазом закусит — не поморщится.

— Ме-е-едный...

Сторож выскочил наружу. Захлопнул за собой дверь. Портовые грузчики и складские, сидевшие на тюках брезента и мешках из-под зерна, взвыли. Уставились в окно, за которым разворачивалось сегодняшнее представление. Рыжий кот отряхнулся, уселся в середине стола, принялся мыть морду толстой лапой, словно происходящее его не касалось. Словно он не видел лезущих по ножкам вверх крыс. Словно не догадывался, что еще секунда — и он превратится в гладиатора. И будет рвать, грызть и убивать ради славы и просто для удовольствия.

— Ах, скоти-инка! Красавчик! Медный!

— Червонец ложу!

Нахаленок лет шести с круглой головой и торчащими ушами лузгал семечки, забыв обо всем на свете. Подглядывал из-за угла, чтобы денег не платить. Ух, заругает папка, что без спросу на склады сбежал! Оттаскает за уши-вареники, а то и хворостиной достанется. Но не можно, никак не можно уйти сейчас — сторож сказывал, крысобои эти — от камышового кота нарожденные, злые, как черти, живут в клетках и только мясо сырое едят. Не то что портовые, худые да ободранные кошки. Сейчас Яшка как начнет биться — ух, что будет! Яшка Медный еще ни одного боя не проиграл — задаст крысам жару!

— Слышь, паренек, можешь подсказать? — вынырнул сбоку хлыщ. Тощий, долговязый. По одежде — носильщик, грязный, как чушка, то ли пылью, то ли мукой засыпанный, а по говору — из купцов. Чистый разговор, правильный. — Как эта улица называется?

— Эта-та? Средний, переулок то есть. — Видать, матрос. С баржи сошел, по берегу прогуляться. — Ты, дядь, если гулять хочешь — топай отсюда до Почтовой, там конка бегают.

— Спасибо, — сказал, будто поперхнулся.

Долговязый поднес руку к лицу, будто очки хотел поправить — а очков-то и нет. Может, с придурью? Один глаз синий, другой — как трава

зеленый, волосы сосульками — ко лбу прилипли и возле ушей смешно торчат...

* * *

За известняковой плитой обнаружилось сердце лабиринта. Никакой ошибки быть не могло — яркий, режущий глаза свет, мраморные стены и посредине — та самая линза. Будто кто-то выточил ее из бело-зеленоватого стекла для огромного телескопа, а потом передумал и затащил в подземелье.

— И... как в нее заходят? С любой стороны? — Макар обежал постамент. Стороны одинаковые. Ни тайных знаков, ни ценных указаний. Где-то в глубине сознания заворочалась мысль: а не вернуться ли к Карине? Не затеял ли ты слишком опасную авантюру? Много ты знаешь о порталах во времени? Сумеешь ли выбраться из лабиринта на поверхность?

Но Макар мысль эту отследил, задушил и отбросил в сторону. Как крысу. Потому что не хватало еще Карину сюда втягивать. Шорох эту кашу заварил — Шорох ее и расхлебает. Любимую девушку нужно защищать, а не прятаться у нее за спиной.

Макар еще раз повторил в уме нужную дату — двадцатое мая одна тысяча девятисотого года — и шагнул в холодное стекло, ставшее вдруг податливым, как желе. Споткнулся и упал — здесь

постамент не было, линза будто висела в воздухе. Да и в зале темнее — не все лампы горели. Шипя сквозь зубы от боли в отбитых коленках, Макар поднялся на ноги. Оглянулся. Изучил отражение растрепанного себя — с разбитым носом и дикими глазами. Видок — закачаешься.

Пора идти. Сунул руку в карман за черепахой и похолодел. Ее не было. Следующие полчаса Макар провел, ползая на четвереньках возле линзы. Бесполезно. Черт. Это что, плата за проход? Что еще Карина не успела ему рассказать?

Задача усложнялась. Теперь придется следовать поворотам лабиринта, терять и находить нужный маршрут, потратить неизвестно сколько времени, да еще при этом... Макар вскочил и чуть ли не рысью пропустил по коридору. Да еще при этом не попасться на обед Пахаку. Которого здесь уж точно никто не будет сдерживать.

* * *

Макар совсем измучился, когда тоннель вывел его к точке, где, как утверждал маршрут на телефоне, должен быть выход. На шершавой каменной плите поблескивала ручка. Настоящая дверная ручка.

— Попробуем?

Осторожно нажал на нее. В глубине стены хрустнуло, и плита — размером с дверной проем — уехала в сторону. В нос шибануло кислятиной,

рыбным запахом, но главное — сквозняк. Сквозняк! Раз подул ветер, свобода близко!

Макар рванулся вперед, пробежал анфиладу полутемных каморок и комнатушек, поскальзываясь на чешуе и рыбьих потрохах, толкнул еще одну дверь, выскочил на улицу. И застыл, как истукан. Вокруг складов толпился народ: носильщики, рабочие, рыбаки, оборванцы и босоногие мальчишки, громко переругивались и кричали, лаяли собаки, а над рекой, если глянуть вниз, вдоль деревянных мостков, шумел порт. Сзади ухмылялся окнами рыбный склад купца Максимова, первого городского миллионера и гласного казака городской думы. Склад, согласно пожарным сводкам дотла сгоревший в тысяча девятьсот восемьдесят третьем году.

За следующие полчаса Макар просто одурел. Хотя он бодрился и хорохорился, твердил сам себе: «Май тысяча девятисотого — это тебе не февраль сорок второго!» — но все равно, оказавшись здесь, почувствовал себя неуютно. А точнее — ошалел от шумной улицы, от горластых парней — «Поберегись! Зашибу!» — медленно и натужно идущих по двое с огромными плитами черного камня, как муравьи, от верхних складов к набережной. От паровозных гудков, от чаячьей ругани, которая чуть не заглушала людскую, от малолетнего карманника, который попытался подрезать у Макара телефон и был

пойман за руку в последнюю секунду, еще бы чуть-чуть — и того. От вони мазута, рыбы, немытого тела, от дыма чадающих свалок и чистого, тонко-прозрачного аромата листвы.

Здесь привычные, вдоль и поперек исхоженные Парамоновские склады вместо того, чтобы быть декорациями для фотографов и любителей городского перформанса, жили. Как будто Макар и город поменялись ролями, Шорох стал фоном — растерянным и непонимающим, а дома и улицы превратились в главных героев.

И все же где-то в глубине ошарашенной души рядом с удивлением нарастал восторг. Дикий, бесшабашный восторг. Вместо того чтобы искать прапрадеда, хотелось расстегнуть куртку, заломить картуз, которого не было, и идти гулять по узким улочкам, пиная камушки, чувствуя себя не статистом, а главным героем исторической хроники. Это вам не кино и даже не 9D! Безрасудное веселье и злость — и где там ваша конка? Эх, прокачусь!

* * *

Он подошел к окну склада, присел на край мешка рядом с прыщавым мужичком. Проследил за его взглядом. Тот таращился в окно и подвизгивал от возбуждения. Было отчего. За стеклом поджарый рыжий кот метался по столу, перекусывая крысам шеи. Каждый успешный

выпад сопровождался ревом толпы. Белобрысый парень с дочерна загорелым лицом и свернутым набок носом протянул Макару картуз — будешь, мол? Макар набрал оттуда горсть непрожаренных, крупных семечек, перещелкал с десятков и ухмыльнулся. Сплюнул на землю липкие кожурки, провел ладонью по волосам — ох же ж, что у него на голове творится?! — и наконец почувствовал себя «в кадре»... Но не тут-то было.

На пристани закричали — сначала взрыв голосов, громкое оханье толпы, а потом... вой — нечеловеческий, выворачивающий нутро наизнанку, звериный. Тут и конец крысиному бою, позабыты вмиг и Яшка Медный, и поставленные на него пять рублей — зрители вскочили и устремились к новому «спектаклю». Макар побежал со всеми, на автомате.

Откровенно говоря, он терпеть не мог этот уличный инстинкт — окружать аварию или драку, перешептываться, бессмысленно топтаться вокруг, щелкать фоточки на телефон и сразу же выкладывать их в блог, смаковать чужое несчастье. И поглаживать свое маленькое, трусливое чувство самосохранения — «не со мной, не со мной случилось — и хорошо, и ладненько!». Можешь помочь — помоги, не можешь — проходи, чего глазеть-то? Макар скрипнул зубами. По-хорошему нужно было развернуться и уходить, но

что-то стыдное, нутряное, пекущее под ложечкой тянуло его — хоть глазком взглянуть, что там?

Рядом со сходнями, у баржи, лежали двое. Окровавленную каменную плиту как раз оттаскивали в сторону.

— Споткнулся, как наверх взбирался, сердечный...

— Сам упал и товарища зашиб...

— Гадова душа, напиться тянет — вишь,дохнем на работе...

— Мож, оклемается?..

Один из грузчиков лежал тихо, лицом вниз. Плечи его горбились, косо и неправильно, будто у поломанной птицы, из-под головы густыми ручьями текла кровь. Ноги развалились неуклюже, грязные сапоги глядели носками друг на друга. Одна рука подвернута была под живот, другая — откинута в сторону, скребла по земле. Ногти — черные, пыльные; пальцы мелко дрожали и дергались. Казалось, жизнь из него утекала через эту руку, как только остановится — шабаш. Был человек — нет человека.

Другой лежал на спине, закинув лицо с обметанными губами, обхватив себя за плечи, и выл. Стучал пятками о землю, будто на велосипеде ехал или бежал куда-то, закашливался кровавой пеной, бился затылком о сходню.

— Й-йа-ау-у-у-у, бо-ольно! Ироды-ы-ы-ы!

Нет, не в кино. Не в кино Макар оказался. Там всегда рядом с местом происшествия случается доктор, обязательно практикующий хирург-ортопед-травматолог, который бросается к пострадавшему и реанимирует его. Интубация — шариковой ручкой, шина — из подручных материалов. Стоп, снято.

То, что лежало и выло на пристани, не могло быть частью художественного фильма. Потому что слишком больно било по зрителю. Со всего размаху, в поддых, грубо сдирая корки с трусливого «моя хата с краю» и «чем тут поможешь? только ждать, скорая выехала вроде». Скорая, какая тут, на фиг, скорая?

— Он так и будет лежать? — вырвалось вслух.

— За костоправом послали, поди. — Давешний белобрысый стоял рядом, глазел на раненого, не переставая лузгать семечки. Обернулся к Макару, смерил его внимательным, цепким взглядом: — А ты случаем не шороховский будешь?

— Шороховский... — Макар сначала ответил, а потом мысленно прикусил язык. Шороховский-то шороховский, только ни один из родственников его здесь не узнает.

— Во-о-т, вишь, сразу признал тебя! Брови-то и нос — дядькины!

Это мы про какого дядьку говорим сейчас? Про самого Шорохова? Или кого-то из купцов?

Макар прикусил губу, пытаясь вспомнить семейную историю начала века, а неожиданный собеседник продолжал болтать — громким, веселым голосом, не обращая внимания на воющего рабочего:

— Дядька-то твой, Шорохов, дело говорил. Технику на склады ставить надо. Тех-ни-ку! — и назидательно воздел указательный палец. — А то гляди, что ни день, то панихида.

— Что-о-о? — Рябой детина в штопаной косоворотке повернулся и схватил белобрысого за грудки. — Технику, говоришь? Машины, значит? Гребни ты черту! И так работы с крысий хрен!..

Макар и рта не успел открыть, как очутился в центре драки. Началось с двоих и пошло по кругу, захватывая все новых и новых людей, уже разгоряченных чужим горем. Били страшно, чем под руку подвернулось. Хрустели носы и зубы, брызги крови летели веером от разорванных ноздрей. Макар рефлексивно поднырнул под кулак, метящий ему в лицо, и первую минуту самозабвенно уворачивался, бил прямой и сбоку, ставил подножки... В «бойцовском клубе» он изрядно поднатаскался ломать чужие переносицы. Бей! Бей! Не жалей! Он и бил. Пока не споткнулся о тело — рябой со свернутой набок челюстью перхал и драл себе горло ногтями, из шеи его торчал обломок доски с ржавым гвоздем.

«Дурак, тебя ж тут кончить могут!» — Макар пригнулся и чуть не на четвереньках рванул в сторону, вверх от Дона. Выскочил из драки, отбежал для верности на полквартила, суматошно огляделся. Чуть впереди, прислонившись к забору, кашлял и харкал белобрысый. Удача! Макар подошел к нему, сочувственно тронул за плечо:

— Сильно тебя отмочалили?

— Да не-е-ет... До свадьбы заживет.

— Слушай, мне бы Шороха найти. Макар котрый. Подсобишь?

— Дядьку-то? Так он в лавку, к Шмуцу, побежал! На Садовую. С час назад ушел как. Если там не застанешь — то прямо от лавки иди наверх, по Малому до Сенной — там и отыщешь, в трактире. И прогуляешься. Погодка-то — богу в душу!

— Спасибо! — пробормотал Макар и шепотом добавил: — Оптимистично.

Осторожно потрогал шею. Болела ключица, задетая в драке, горело ухо, веко заплывало. Это если не считать разбитого колена и едва заживших после Кобяково ободранных ладоней.

— Красавчик. Хоть сейчас — к ее величеству на прием. Или на променад по Большой Садовой.

В кармане все же нашелся носовой платок — Макар протер лицо и руки, отряхнул штаны, рубашка — с утра белоснежная — сейчас

выглядела вполне по местной моде: расхристаный ворот, пятно на груди, оборванные пуговицы. Картуза только не хватало — ну и черт с ним. Макар пошел на дребезжанье конки, внимательно глядя по сторонам на прохожих и домики, утопающие в пене цветущих деревьев. «А за окошком месяц май, месяц май, месяц май...» — засвистал вдруг и даже притопнул.

Асфальта под ногами не было — брусчатка. И прохожие — мужчины в чудных костюмах, женщины... нет, дамы... в перчатках, с кружевными зонтиками, в кофтах с манжетами, расшитыми бисером и жемчугом, в длинных юбках с множеством складок, на лицах — монокли, в руках — веера. Всего два квартала прошел — а уже будто в другой мир попал, миновал невидимую границу между портом и остальным городом, там — помирающий на земле рабочий, здесь — ленивая нарядная праздность. Синий вагон конки катился по рельсам, кондуктор махал на мальчишек, пытающихся прицепиться к задней площадке, вагоновожатый покрикивал на лошадь. Звякала рында.

* * *

По Соколова вверх... Он узнал улицу, хотя все здесь было не так — и вместо вечно припаркованного на обочине гастрономического фургона стояла водовозка — деревянный бочонок,

нахлобученный на старую телегу, да впряженная в нее печальная лошадка с мохнатыми ногами.

Макар засвистел громче. «Чижика-пыжика» засвистел. Хотя представления не имел, был ли «Чижик» уже придуман или это он, Макар Шорхов, только что щедро дарит миру музыкальный шедевр.

— На Фон-тан-ке... Вод-ку. Пил!

«Почтовая»! А в нормальном мире — Станиславского.

— Вы-пил рюм-ку... Вы-пил две.

Чирикали воробьи. Звенела рында. Кричал что-то отчаянное кондуктор — не то гонял безбилетников, не то сообщал пассажирам маршрут. Беспризорники лениво курили махру, привалившись к каменной стене. Пробежал мимо мальчишка-газетчик; сериалы не врут — мелкий, крикливый, в фуражке. Наудачу выпалил в лицо Макару: «Ростовские ведомости!» Если есть конка, зачем трамвай?» Покупайте «Ростовские ведомости»! Двадцатое мая тысяча девятисотого года! Трамвай или конка! Диспуты в городской управе!»

У Макара, как у того чижики, закружилась вдруг голова. Он словно очутился внутри калейдоскопа — маленькая шестеренка, которую можно встряхнуть так и эдак... «Плюс загазованность низкая. Наверняка словил кислородное

отравление». — Макар втянул в себя здешний воздух. С удивлением обнаружил, что различает запахи, подумал, что сейчас ему хорошо бы полежать с четверть часа под выхлопом «Рэнглера»... и... свернул на Большую Садовую.

Садовая... Ну хоть что-то в этом мире неизменно. Лавки, магазинчики, цирюльни, ресторанички, букмекерские конторы, салоны... Макар с удовольствием разглядывал витрины и думал, что, оказывается, вполне можно обойтись без неоновой рекламы и голых манекенов. Аутентично!

Шляпки, корсеты, пикейные жилеты от мадам Дефлопе.

Ноты! Музыкальные инструменты! Уроки фортепьяно. Обращайтесь к приказчику!

Швея. Мужские костюмы. Фраки. Галя Варшавская-Шниперсон. Готовые и на заказ.

Ювелирные изделия и предметы старины. Антикварная лавка. А также новейшие механизмы. Соломон Шмуц и брат. Так, сюда...

Но позвольте, что это рядом?

Часовая мастерская Ангурянов. Чиним патефоны, граммофоны, музыкальные шкатулки. Паяем, клепаем, реставрируем.

Макар замер. Застыл как вкопанный. Мастерская Ангурянов. Будто сдулось, пропало веселье, и чижик-пыжик улетел на свою далекую Фонтанку. Распелся, дурак. Гуляет. Забыл, почему здесь.

Забыл, что не просто так. А там, дома — Карина. Ждет. Волнуется. И надо скорее решать здесь все дела и бегом, бегом отправляться обратно.

— Заходите! Я знал, что вы вернетесь.

Макар вздрогнул от неожиданности. Из крошечной, зажатой между текстильным магазином и галантереей лавки под вывеской «Соломон Шмуц и брат» выбежал на крылечко сухопарый пожилой мужчина и ласково замахал рукой. Одет мужчина был по местной моде — в полосатый костюм-«тройку». Однако на голове-тыковке вместо шляпы или картуза красовалась круглая кипа.

— Заходите же! Я пересмотрел ваши чертежи. Нужно еще поменять поплавки и переставить клапан... Что думаете?

Выбор у Макара был. Двинуть дальше, сделав вид, что он внезапно оглох, или подняться по ступенькам узкого крыльца.

— Э-э-э... Добрый день, товарищ... То есть господин.

— И вам того же. — Еврей продолжал липко улыбаться. Его ладонь, сунутая для рукопожатия, была похожа на дохлую рыбу — холодная, мягкая и вялая. — Хоть и здоровались уже сегодня... Итак, меняем поплавки и улучшаем конструкцию клапана... Вы согласны?

Соломон пропустил Макара вперед себя. Потом как-то незаметно скользнул за стойку

и уставился на Шороха внимательным и отнюдь не подобострастным взглядом.

— Э-э-э...

— Понимаю, понимаю. Мои услуги не три копейки стоят. Но кто, если не я? — Сладкая улыбка, обволакивающие интонации. — Ангурияны? Так они возьмут еще больше. Вы же армян знаете, Макар Степанович.

— Я... Вы меня спутали, простите. С дядей. Я племянник Макара.

— Ну и конфуз! — показательно всплеснул глазами Шмуц. — А я-то думаю — ишь, помолодел, и когда только переодеться успел, и гулю под глаз схлопотать... Хотя за дяденькой вашим не заржавеет.

Не давая Макару и слова вернуть, торговец засуетился, принялся поправлять кипу, щериться и сюсюкать, мол, ошибся, обознался, думал о другом... А Макар не дослушал и вдруг рванул к окну, не обращая внимания на любопытных приказчиков. Прижал к стеклу ладони и носом чуть ли в него не впечатался — будто это могло помочь, будто расстояние от лица до мутного квадрата, ведущего на улицу, могло как-то повлиять на открывшуюся картину.

С крыльца ангурияновской лавочки спустился и пошел по тротуару, широко улыбаясь и щурясь от весеннего солнца, лихо заломив котелок на затылок... сам Макар собственной персоной.

Тот же подбородок и нос, и рукой он помахивал точно так же... да что, Макар себя в зеркале не видел? Не было, правда, отродясь у Макара кургузого клифта горчичного цвета, и клетчатого шейного платка, и льняных песочных брюк с криво отглаженными стрелками... но одежду любую купить можно, а вот фирменное шороховское выражение кошачьего довольства на лице — ни за какие деньги не добудешь.

— Вам бы, молодой человек, рот закрыть не помешало бы, — на этот сладкий голос вполне можно было подманивать ос.

— А... Это почему же? — Макар с трудом заставил себя оторвать взгляд от окна. Низенький помятый приказчик всем своим видом излучал угодливое радушие.

— Того-с... муха залететь может. — Палец, похожий на маленькую кособокую сардельку, указал на потолок — оттуда свисала клейкая зеленая лента, облепленная черными крылатыми трупиками.

Вот и пойми, издеваются над тобой или проявляют искреннюю заботу. В любое другое время Макар обязательно зацепился бы языками с приказчиком, постарался подколоть его, поймать, уязвить — в самом деле, не оставаться же «мушиной заботе» без достойного ответа? Но Шорохов за стеклом уходил все дальше, еще чуть-чуть — и скроется, сначала за рамой,

а потом и за поворотом, поэтому Макар молча проглотил обидное замечание и бросился на улицу. Споткнулся на пороге, чуть не упал — пришлось хвататься за дверной косяк, — больно подвернул щиколотку. Заковылял следом, прихрамывая и морщась от боли, и сочувственно-унизительный взгляд Шмуца — между лопаток, как огонек прицела. Как же так, а? Макар нелепый и неуклюжий — скажи кому, не поверят. А все потому, что вмиг растерял все заготовленные слова, все заходы и объяснения: я, мол, ваш потомок, имею такие-то доказательства... Не до слов уже было. Время распрямило пружину и поскакало прочь по горячей брусчатке тротуара.

— Эй! — крикнул Макар, сложив ладони в рупор, чуть хриплым от волнения голосом. — Эге-ей! Шорохов!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ЛИНЗА

«ПРАВО СМОТРИТЕЛЯ». И дата, выцарапанная сбоку. Сегодняшняя дата. Такая, как на памятнике у Цыбы, которого Карина не знала, но которому бы понравилась.

«Срочно! Я хочу воспользоваться своим правом на просьбу! Пожалуйста, синьор Барбаро! Я не могу ждать еще год!»

Ножик затупился о камень, саднила и, кажется, даже кровоточила ладонь, но Карина продолжала выцарапывать на стенах буквы и беззвучно плакать. Иногда она переставала реветь и начинала ругаться, но в общем и первое, и второе не имело смысла. Макар — этот псих, этот полный идиот, придурок — пропал, и Карина подозревала, что безвозвратно.

Главное, она была уверена, что и на кладбище, и уже потом, когда они мчали на всех парах к Парамонам, объяснила Макару про линзу. Донесла,

что Барбаро — их единственный ключ к прошлому и что без венецианца они никогда не попадут в нужное время. И что гораздо важнее — не вернуться назад.

А теперь Карина выскребала на мягком камне буквы в яростной надежде, что Барбаро где-нибудь в будущем их увидит, и пыталась вспомнить, а точно ли сказала? А не забыла ли? Не упустила за всем остальным?

Она тысячу раз прокрутила в мозгу их с Макаром коротенький диалог возле Цыбиной могилы. М-да. Не так уж много она успела пояснить. Не было толком времени, а еще она, как ни странно, помнила о том, что чужим про лабиринт рассказывать ничего нельзя. Хотя... какой он чужой? Псих! Придурок! Супермен недоделанный!

Девушка расплакалась снова и еще раз вырезала на стене: «Право зрителя. Срочно».

* * *

Вчерашним вечером, возвращаясь с обхода, Карина неожиданно наткнулась на деда. Старик притулился на низкой табуреточке на границе «домашней», закрытой от Пахака зоны, и что-то читал, подсвечивая странички армейским фонарем-кирпичиком.

— Деда? Ты здесь? А я вот набегалась. До самой Первомайской с Пахаком дошли. Всех мышей

распугали, — попыталась выдать из себя улыбку Карина. Но вышло так себе.

После истории с Робертом и быстрого, но тяжелого разговора с дедом про Макара (дед, в отличие от остальных, поверил Карине сразу и безоговорочно) у нее все еще ныло сердечко. Старый Торос не ругал любимую внучку, не корил, просто напомнил, кто она теперь такая, и потребовал обещания никогда больше не встречаться с Макаром. «Я все знаю», — просто ответила Карина и по дедовым усмешливым глазам поняла: больше к этой теме он не вернется.

Девушке было больно, грустно, но она догадывалась, что когда-нибудь боль уйдет. Однажды она смирится с тем, что она — Королева Червей, смотрительница Ростовского лабиринта, и, значит, жизнь ее ей не принадлежит. Однажды... Когда-нибудь потом... А пока что ей казалось, что земля вдруг начала вращаться в обратную сторону и от этого вращения ее постоянно тошнит.

— Присядь, лусик. — Дед достал откуда-то сбоку раскладной стул, поставил его напротив себя. — Поболтаем...

— С удовольствием... — Ее радость была наигранной, но дед же не виноват, что она, вместо того чтобы радеть о безопасности дальних тоннелей, все еще мечтает о светловолосом высоком

парне, носящем фамилию, которую в ее семье упоминают только рядом с проклятиями.

— Знаешь, для чего был построен наш лабиринт? — отложив в сторону книжку, спросил дед.

— Ну-у-у-у... — Признаться в том, что она подслушала прошлогодний разговор с «хозяином» и кое-что намотала на ус, было стыдно. Но и притворяться несведущей тоже никуда не годилось. — Полагаю, что там за северо-западным тупиком — портал. Дыра во времени или что-то такое...

— Линза, — подтвердил дед резким кивком. Зачесанные назад седые волосы упали на изрезанный морщинами лоб, и Карина в который раз подумала, что дед уже очень старый и огорчать его не стоит. Правда, последние дни они все только этим и занимались.

— Линза?

— Да. Так ее называют странники.

— Странники?

Слово, как и то, как произнес его Торос Ангурян, показалось ей весомым. Значительным. Таким тоном произносят имена больших людей и даты важных событий. Таким тоном в доме говорилось слово «хозяин». «Странники», — повторила Карина вслед за дедом. Меж тем старик продолжал, внимательно уставившись в пустоту. Как будто где-то вдалеке находился невидимый суфлер и подсказывал ему, что говорить.

— Линза — дверь во времени, открыть которую может каждый. А вот пройти от пункта А до пункта Б и вернуться способен лишь странник. Для человека обычного, вроде нас с тобой, это как нырнуть в крошечную прорубь, которая тут же затянется. Раз — и все. И выхода нет.

Карина кивнула, думая о чем-то своем.

— В том смысле, что зайти в линзу можно, но что тебя встретит на выходе — другой вопрос. А странник знает. Точно определяет желаемое время прибытия! До секунды. Понимаешь?

— Вполне. — Сказанное дедом Карина отлично понимала, а вот куда старый Торос Ангурия клонит, не очень. Она чувствовала, что дед хочет донести до нее что-то важное, но вот что? Карина поудобнее устроилась на стуле и приготовилась слушать дальше.

— Наш хозяин... Мэтр Барбаро — странник.

— Это я уже поняла.

Карина тут же вспомнила венецианца и его воздушный поцелуй — игривый, кокетливый. И то, как он называл ее маленькой синьоритой. Эх. Если бы не Макар, она сейчас была бы совершенно счастлива тем, что наконец-то стала смотрительницей, что познакомилась с самим хозяином и что дед счел ее достаточно взрослой для разговора о... линзе и странниках.

— Странники могут быть проводниками во времени. Говорят, прежде они делали на этом

целые состояния. Водили людей по временам. Ну, многие интересуются. Беглые преступники. Авантюристы. Даже ученые. Я не застал, но прежде в нашем лабиринте былолюдно. И не только Барбаро... Другие странники ходили через нашу линзу и водили с собой гостей. Я, когда был маленький, все мечтал увидеть этих путешественников во времени. Думал застать их внизу, остановить, расспросить. Но отец мой пояснил, что зритель не должен так делать. Да что делать — даже хотеть не должен. Мол, это не наша забота. Мы — слуги лабиринта.

— Ага. Рабы лампы, — улыбнулась Карина, повторив любимую отцовскую шутку, и осеклась, увидев, как вытянулось лицо деда.

— Мы — не рабы. У нас есть наша служба. Наш долг. Но мы — не рабы. Не повторяй за отцом глупости. Юра лабиринт ненавидит, после того как его присыпало в ловушке и чуть не сожрал Пахак. Я его не осуждаю. Бог с ним. Пусть сидит наверху. Кто-то должен. Но мы — не рабы.

— Ладно, не сердись. Продолжай. Мне интересно. — Карина подперла подбородок руками и уставилась на деда.

— Ну, в общем, я к тому, что есть вот такая линза...

— ...а подземелье построено для того, чтобы в нее никто не попал. Потому что нечего кому попало таскаться по времени, — закончила

дедову фразу Карина, довольная, что все наконец разложилось по полочкам.

— Думаю, все так. Хотя... — дед пожал плечами, — не удивлюсь, если не знаю и половины секретов.

Они помолчали несколько минут, и, когда Карина, решив, что разговор завершен, вскочила на ноги, дед обронил:

— Ты все-таки, лусик, один в один бабка Ануш! И лицо, и характер. Удивительная схожесть. Только она пониже тебя была — но тоже красавица. И тоже совсем девчонкой встала на лабиринт. Как старшего брата ее Вазгена убил Шорохов, так она и приняла черепаху...

Карина вспыхнула. Покрылась жаркими пятнами. Ей было обидно, что такой хороший разговор опять свелся к Шороховым и, как ни крути, к тому, чтобы еще раз напомнить ей, какие Шороховы негодяи и как сильно она облажалась, связавшись с Макаром.

— Я же сказала — все! Никакого Шорохова! — выкрикнула Карина обиженно. — Забыли! Я так вот уже забыла! Он для меня — никто. Пустое место. Даже хуже. Он — враг! Из-за него Роберт уехал.

— А он, похоже, тебя не забыл. Заходил час назад. Спрашивал. Я еще подумал, надо же — у парня такое горе, брат умер, а он все равно пришел. Подумал, наверное, ему не все равно!

Думаю, ты ему нравишься. Сильно нравишься. Иначе почему он своим про Роберта не донес? — Старик подался вперед. Рывком поднял фонарь на уровень глаз. Полоснул лучом желтого света по Каринину лицу, осветив его лишь на доли секунды.

Но этой доли секунды старому Торосу было достаточно, чтобы понять — ничего его лусик не забыла! И забудет ой как не скоро.

— А мне-то что с того, что он приходил? — Она сказала это очень тихо, но дед, конечно же, расслышал.

— Я просто сказал, лусик. Не врать же тебе.

— Ладно. Я устала. Домой пойду.

— Ступай. Бари гишер. Спокойной тебе ночи. Только, прежде чем уйдешь, послушай совет.

— Да...

Карина с трудом сдерживала слезы. Меньше всего ей сейчас хотелось с бесстрастным видом принимать чьи-либо наставления — пусть даже от любимого деда. Хотелось к себе в мансарду. Задернуть шторы. Ткнуться лицом в подушку. И плакать!!! Навзрыд, горько... но очень тихо. Потому что деду это слышать не обязательно.

— Будь мудрее меня. — Голос старика дрогнул. — Не храни свое право зрителя до старости. До того дня, когда будет уже все безразлично. Все... кроме чертового лабиринта!

— Деда? Ты что? Как можно?

— Иди, иди. Бари гишер.

Торос Ангурян снова раскрыл книжку и принялся внимательно читать строку за строкой, шевеля сухими губами.

* * *

До Карины дошло все только к утру. Она хорошенько проревелась, просмотрела в сети все, что смогла найти по запросу «Макар Шорохов». Написала ему на страничку комментарий... Анонимный. Бессмысленный. Потом еще один — такой же. Потом вырубил комп, легла и паялась на люстру, пытаясь не думать о том, как он ее целовал под этой самой люстрой, ну и вообще.

«Если бы можно было что-нибудь изменить. Чтобы не было этой глупой вражды, чтобы никто не мешал нам встречаться, чтобы Цыба остался жить... Почему? Откуда все началось? Почему этот неизвестный Шорохов в начале прошлого века убил деда Вазгена? За что? Да какая теперь разница, но если бы не он...»

Вот в этот самый момент и дошло! Карина вскочила с кровати и еле удержалась, чтобы не бежать вниз к деду. Рванула с утра — хотела еще успеть на кладбище. Дед только встал, достал трубку и искал жестяную коробку с табаком. Протянув старику круглую жестянку, Карина

невинно... как будто ей это только в голову пришло, протянула: «Деда, а вот в каком году бабка Ануш встала на лабиринт?»

— В девятисотом. В мае. Числа где-то двадцатого, — не задумываясь, ответил дед, и Карина поняла, что он специально проверял даты.

— Спасибо, деда. Ну, я побежала.

— Осторожнее там! — Он не улыбался. Смотрел строго и нежно, будто в последний раз.

Ни завтрака, ни чашки чая; Карина вылетела из дома, махнув зашторенному окну — там, как обычно, пряталась мать. Приказав шоферу ехать к школе, прикинула, что если поймает тачку сразу — успеет на кладбище. Успела...

И там, скомканно, сбивчиво, но все-таки (по крайней мере, ей так показалось) доступно объяснила Макару про линзу... и странников.

В последнем, кстати, Карина была не уверена.

* * *

«Право зрителя...»

— Я здесь, маленькая синьорина! Вы настоячивы.

Могла бы — бросилась бы знатному венецианцу на шею. И бросилась бы, но Барбаро был в придворной одежде и шикарен, как дворцовый павлин. А Карина час назад плавала в болоте прямо в джинсах и куртке, поэтому предпочла ограничиться приветственным кивком.

— Лабиринт в порядке, мэтр. Пахак... то есть демон жив...

— Хихи, — демон потянул носом и, учуяв «хозяина», равнодушно улегся на камни.

— Сейчас это не важно. — Барбаро взмахнул рукой, останавливая Карину. — Вы просили — я здесь. Вы хотели ваше право? Вы его получите. Итак... Слушаю.

— Я пользуюсь правом зрителя и прошу вас, мэтр, помочь мне... — Она перевела дыхание и продолжила: — Час назад через линзу прошел человек... Я хочу... я хочу туда, куда попал он!

Смотрела во все глаза, ожидая ответа. Стиснув зубы, чтобы не выпустить наружу страх. Боялась, вдруг попросила невозможного, и «хозяин», окинув ее холодным взглядом патриция, откажет в просьбе.

— Идите за мной, маленькая синьорина. Руку.

Теплая девичья ладонь скользнула в широкую, крепкую ладонь средневекового рыцаря. Меховая подстежка его симары щекотно коснулась ее запястья. Мгновенно, без единого звука «упала» тупиковая стена, и Карина Ангуриан вступила в святая святых подземного царства.

— Хихи... — Пахак двинулся было следом, но на границе, там, где над полом выступал невысокий «порожек», остановился и зарычал. Вздрыбился загравком, вытянул осторожно лапу, словно

пытался украдкой переступить запретную линию, но, наткнувшись на невидимый барьер, отскочил назад. Зафыркал обиженно. Снова лег.

— Прощай, Пахак... — шепнула Карина.

— Хихи.

* * *

Пылали факелы в десятках стрельчатых ниш. Сияющий мрамор покрывал стены квадратного зала. Четыре круглые колонны поддерживали свод. Карина зажмурилась от яркого света. Привыкнув, огляделась внимательнее. Ей показалось, что пламя факелов горит слишком уж ровно для обычного огня, но внутри залы было безветренно, и, возможно, этим объяснялось то, что огни совершенно не дрожали. Цвет пламени — белый, чистый, какой-то «хирургический» — тоже показался немного странным.

— Черепаха? Да. Любопытно... — Мэтр Барбаро изящно нагнулся и поднял с пола блестящий, знакомый до боли кругляш. Увидев недоумение «маленькой синьорины», снисходительно пояснил: — Предмет может находиться только в одном месте. В настоящем. Пройти сквозь линзу с предметом — невозможно.

— Ох... То есть...

— Пусть ждет своего владельца здесь. — Предмет глухо стукнул о пол. Барбаро просто скинул его, как какой-то бесполезный мусор.

Карина почувствовала, как похолодели и отнялись ноги. А Макар еще говорил, что хуже некуда. Всегда есть куда хуже. Теперь он неизвестно где, один, да еще и без предмета!!! Нет! Она не должна больше медлить ни секунды.

— Право зрителя. Пожалуйста. Он же там такого натворит, не расхлебает.

— О! Си! Понимаю. Синьорина очень торопится! Зря. Не нужно. Но я понимаю... Любовь.

Карина поймала легкую усмешку «хозяина», но ей уже было не до куртуазных бесед. Тем более что она увидела линзу.

Похожая на застывшее на постаменте круглое зеркало, мерцающая то серебром, то перламутром, линза была в самом деле прекрасна. Наверняка в другое время и в другой ситуации Карина бы нашла время и силы полюбоваться чудом. Наверняка. Но сейчас она буквально поволокла венецианца вперед, и тот, тихо засмеявшись, поддался ее напору.

За шаг до линзы Карина остановилась.

Что теперь? Барбаро нажмет на какой-то счетчик? Запустит механизм? Прочитает заклинание?

— Держитесь, синьорина!

Шаг...

Сияние окутало ее, спеленало глухой тишиной. Как она ни вслушивалась, не смогла различить ни звука. Безмолвие длилось лишь доли секунды, но ей показалось, что она оглохла.

— Просьба выполнена, зритель.

Чуть не упала. Тот же зал, только чуть темнее — половина факелов не горит. Белые стены из странного, похожего на полупрозрачный мрамор материала. Только черепахи, которая еще секунду назад валялась на полу и жалобно поблескивала панцирем, нет.

— Мы что? Уже приехали? Дон Барбаро? — спросила Карина. Обернулась.

В зале линзы никого, кроме нее, не было.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ШОРОХ

Отошли подальше от людских глаз — вниз, к Дону, завернули за сарай и сели на гнилое бревно. Макар обтер о штанины влажные ладони — нервничал. Будущий прапрадед, Макар-старший, наоборот, казался на удивление спокойным, будто к нему каждую неделю ходили посетители из двадцать первого века. Впрочем, судя по рассказам родни, его и впрямь было сложно чем-нибудь поразить...

Даже новенький смартфон, продемонстрированный Шороховым-младшим как доказательство путешествия во времени, не вызвал у предка ни восхищения, ни вопросов. Нет, технику он любил, но пользы от современного гаджета так и не понял.

«Вот тебе и дед, — думал Макар, мельком разглядывая Шорохова. — Хотя не дед, конечно, аж «прапрадед». Но это было слишком длинно, так что в голове все равно крутилось кроткое «дед».

Впрочем, и «дед» не слишком подходило молодому, на пару лет старше, ростовскому парню.

— Ты чего? — напрягся «дед», поймав внимательный взгляд Макара. — Уставился, как баран на новые ворота!

— Да странно это все, нет? Ты прям как я, только на сто лет старше...

«Дед» смущенно кашлянул, то ли еще не до конца поверив, то ли выражая несогласие со сходством.

— Ты погоди, я тебе сейчас семью покажу... — осенило Макара.

Макар-старший с недоверием покосился на смартфон.

— Смотри! Вот это батя мой — твой правнук, соответственно... Похож?

Вместо того чтобы придвинуться поближе, «дед», наоборот, отклонился в сторону, словно опасаясь взглянуть на экран.

— Это брат мой, Илюха, — тоже праправнук твой. Это дядька, мамин брат, Цыбин. — Макар продолжал листать страницы на смартфоне.

«Дед» молчал. Никакой бурной реакции — глаза внимательные, взгляд напряженный.

— Это дядькин дом...

— Брешь! — наконец не выдержал «дед», разглядывая многоэтажку.

— Ну не весь, конечно... А вот этот... — Макар перелистнул на загородный дом Шороховых, — а вот этот весь наш. Отец сам построил.

Фотографии дома вызвали у Макара-старшего гораздо больший интерес, чем снимки собственных потомков. Он наконец подсел поближе и склонился над экраном.

— Вот прям весь?

— Весь. И сад наш. И двор. И машины...

— Это кем же он служит? — спросил Шорохов-старший, крутя башкой, как молодая овчарка, и разглядывая фотографию то под одним, то под другим углом.

— Ну... Типа купцом. Очень богатым купцом.

— Богатым?

— Почти весь Ростов держит!

— Как держит?

— За грудки! — усмехнулся Макар.

Шорохов довольно потер щеку. Макар снова перелистнул.

— Это батя и мать...

— Больная поди?

— С чего вдруг больная? — не понял Макар.

— Да уж больно тоща...

— Ну модно сейчас так..

— Мослы торчат!

— Так она и не ест ничего, чтоб торчали...

— Дурная баба, — хмуро заключил «дед».

— Эй, это вообще-то моя мать! — напомнил ему Макар.

— Так что ж ты мать не кормишь, она ж как чахоточная! — возмутился Шорохов-старший.

Понимая, что объяснять бесполезно, Макар покачал головой и выключил экран.

— Купцами, значится, стали... — проговорил сам себе будущий прапрадед и ударил по коленке кулаком, явно довольный наметившейся перспективой. Достал из кармана папиросы, протянул Макару, пожал плечами на его отказ и закурил сам.

Сидели молча, думали каждый о своем. «Дед», судя по ухмылке, размышлял о светлом будущем, а мысли Макара улетели далеко в прошлое.

Он похвалил небеса за то, что в процессе работы над схемой лабиринта порылся в семейной биографии и неплохо запомнил историю Макара Шорохова, дальнего родственника купцов Парамоновых.

В восемьдесят седьмом Шорох — и даже прозвища у них были одинаковыми! — перебрался в Ростов из Таганрога, без всякого сожаления оставив Бугудонию, пропахшую рыбой, с такими узкими улочками, что двоим пешим не разойтись. Оставил отца, что пятнадцать лет назад перевез туда семью, польстившись на сытую жизнь рыбака. Оставил мастерскую по ремонту баркасов, в которой вырослел и учился жизни, — выходить в открытое море не любил и не хотел, море не принимало Макара Шорохова, не манило его и не щемило сердце. Наоборот, хотелось ему не качаться в утлой лодчонке, а крепко

стоять на своих двоих посреди степи, дышать ароматом трав и смотреть, как ветер гоняет волны ковыля. Но в итоге обрел почти то же, от чего и сбежал, только вместо соленых волн — пресные. Устроился мастеровым к богатым родственникам, что держали склады на набережной, несколько мельниц и пароходов, а еще больницы, школы, бани...

Сейчас, когда на дворе стоял год тысяча девятисотый, парню стукнуло двадцать. Он то рвал жилы, помогая загружать товар на склады, то ломал голову, где какую технику на сходнях установить, чтобы разгрузить носильщиков. С уважением и даже завистью относился к троюродному дяде, Елпидифору Парамонову, приятельствовал с его сыновьями — Петром и Николаем... но это «потому что по надобности». А для души — шатался по кабакам в разношерстной компании, глазел на крысиные бои, делал ставки, проигрывался в пух и прах, срывал куш, слыл шутником и задирой, часто дрался — и девять из десяти раз выходил победителем. Был он тот еще щеголь, мечтал о лучшей жизни и порой шествовал по тротуарам пестрого южного города не хуже, чем какой-нибудь денди, в другое же воскресенье сбегал на окраину, в ночное, пек картошку в золе, в грязи — по уши. Ни доска стиральная, ни мягкая донская вода не могли потом оттереть пятна с рубахи и брюк.

И уж конечно, для такого парня, слова о будущем богатстве его семьи значили много. «Весь Ростов за грудки держат». Значит, и он добился чего-то, выбрался в люди, а то и клад откопал! Ну не сами же они разбогатели на ровном месте?

— ...сам изобрел?

Макар вздрогнул и понял, что настолько углубился в воспоминания, что пропустил вопрос.

— Что?

— Ну это вот, чтобы во времени переходить. Машина какая или что?

— Не... не машина. Место такое есть, специальное.

— И что ж вы там все теперь по разным временам шатаетесь?

— А что, многих ты тут видел? — с иронией спросил Макар.

— Да черт их разберет, бусурман всяких... Может, из-за моря приплыли, а может, как ты.

— Не... я такой один. Да и про место это никто не знает.

— А как же ты его нашел?

— Да случайно...

— Но отправился ко мне не случайно? — хитро прищурился Шорохов, снимая с языка налипший кусочек табака.

Внезапно проснувшийся интерес «деда» слегка напугал Макара. Вопросов становилось все больше, и все больше они приближались

к запретной теме, которую обсуждать нельзя, а не ответить — опасно. Макар боялся потерять едва наметившееся доверие предка.

— Дело у меня к тебе. Важное.

— Что за дело? — заинтересовался Шорохов-старший, полагая, наверное, что родня из будущего решила посвятить его в тайну какого-нибудь сокровища.

— Только ты слушай и не перебивай, лады?

— Лады...

Макар задумался, подбирая слова. Только сейчас до него дошло, что речь, которую он собирался произнести перед дальним предком, звучит странно, нелепо и никак не уместается в голове.

— Ну что умолк, язык проглотил? — поторопил его Шорохов, страдая от любопытства.

— В это... в твоё время, произойдет одна фигня... — начал Макар и отчего-то споткнулся о слово «фигня», соображая, понятно ли оно «деду». — Несчастный случай...

— Какой такой? — Шорохов сдвинул брови.

— Погибнет человек...

— Не я? — озадачился «дед».

— Не ты, конечно! Сидел бы я тут сейчас, если б ты...

— Тогда что ж?

— Он от тебя погибнет.

— Что значит «от меня»? — искренне удивился Шорохов-старший.

Макар всплеснул руками — и так объяснить тяжело, а тут еще предок тормозит и не улавливает.

— Ну... убьешь ты его.

— Ох, ну и мастер же ты глупости городить! — перекрестился Шорохов и с недоверием уставился на Макара. — С чего бы мне его убивать?

— Ну не знаю я! Может, случайно в драке зашиб, может...

— В драке? — задумался Шорохов и вроде даже улыбнулся. — Ну в драке-то могу... — Он потянулся, хрустнув костями. — В драке я совсем дурной становлюсь...

Макар с удивлением посмотрел на предка. Хоть и прапрадед — а балбес! Не испугался, а будто наоборот, нашел повод похвастаться своей дурью... Хотя что взять с двадцатилетнего ростовского пацана.

— Ты просто слушай, — вздохнув, продолжил Макар. — Я понимаю, как это все звучит со стороны, но нам с тобой нужно обо всем договориться. Чтобы этого не произошло, понимаешь?

— Так кого я там зашиб? — Шорохов снова сделался серьезным и даже наклонился ближе к «внуку».

— Вазгена Ангурияна знаешь? — еле слышно прошептал Макар.

Шорохов на секунду замер, потом скривился, будто лимоном закусил, и замахал руками.

— Я не знаю, как все произошло, вернее, как оно произойдет, я только...

— Чушь собачья, — резко оборвал его «дед», вскочил с бревна и прошелся туда-обратно, не находя себе места.

— Да как же чушь...

— С чего мне Ангуриянов трогать, если я к ним свататься собираюсь?

— Куда собираешься? — ошалел Макар.

— Понятное дело куда, свататься к Ануш.

— Ануш? — Макар почти закричал от удивления. — Да она же ненавидит тебя!

— Вот же ты болван. — Шорохов остановился и посмотрел на правнука с жалостью. — Уж не знаю, как там у вас в будущем, а у нас тут с Анушкой совет да любовь. И Вазгена я уважаю, да и они ко мне...

Неожиданная новость так поразила Макара, что он даже рассердился, будто это нарушило все его планы.

— Но я-то знаю, как будет!

— С чего бы мне тебе верить? — заупрямился Шорохов. Похоже, будущее резко перестало ему нравиться.

— Ты видишь меня, видел фотографии — никогда у нас в роду Ангуриянов не было! Не вяжется это с твоей историей? Ты прости, но не выйдет у вас ничего с Ануш. И брата ты ее убьешь, и семьи враждовать станут, и будут убивать друг друга еще сто лет.

— Типун тебе на язык!

— Я из-за этого и приехал! Пойми ты уже наконец!

Внутри все кипело. Макар испытывал и злость к себе за то, что пришлось разрушить дедовы мечты, и злость к недоверчивому предку за то, что упрямылся и никак не хотел слушать, и жалость к нему и ко всем...

— Вот же черти тебя принесли... — сплюнул Шорохов-старший, отсел на другой конец бревна и, уперев локти в колени, обхватил лохматую голову.

— Думай, думай... — в сердцах бросил ему Макар, зачем-то тоже отсел подальше и так же отчаянно сжал виски.

...В сентябре девяносто девятого волной пошли бунты рабочих. Новая техника, завезенная Парамоновым на торговый причал, страшно злила тех самых грузчиков, чью жизнь призвана была улучшить. Плитой задавить может? Да и ладно. Каждый надеется, что мимо него пронесет лихо. Надорваться? Да что они, дети неразумные? Каждый меру свою знает. А коль ошибется — сам виноват. Зачем же тогда машины эти аглицкие притащил купец? Не иначе, чтобы цены сбивать. Чтобы денег платить меньше. И подавать дурной пример остальным дельцам. Потому никак нельзя было спокойно допустить,

чтобы работала техника. Потому и бастовали — почитай, каждый день, без отдыха.

Сначала Шороха обходило стороной — фартовый, черт! — а потом и его приложило. Крепенько. Носом о сходни и лицом о чужие кулаки. Да что там — кулаки. На землю повалили и пинали по ребрам — зло, быстро. Сосредоточенно, какстая одичалых псов, которая рвет зазевавшегося прохожего, но с оглядкой — а ну, подмога человеку явится, с камнями да палками.

Не явилась подмога. Макар чертыхался, ерепенился, вырваться пытался — но то ли удача ему изменила, то ли не настолько большой была, чтобы против толпы озлобленных бунтарей помочь. Насовали ему — не дай боже, каждый оторвался за страхи свои и жадность, а по словам, что в лицо ему швыряли напололам с плевками, выходило: «За то, что не давал механизмы ломать, не ту сторону выбрал, получай теперь, буржуй, чертяка!»

Потом скрутили да в один из нижних, полузатопленных складов бросили. И дверь плитой привалили — чтобы не выбрался раньше времени и не пожаловался родственничкам-богатеям. Убивать не стали, греха, видать, на душу не захотели — и на том спасибо.

Шороха мучила боль — но не в отбитых ребрах и разбитых губах, а в сердце. Свербело нестерпимо, екало: нельзя, чтобы обидчики ушли

так просто, надо выбраться отсюда — быстро-быстро — и не к полициям бежать, не к дядьке Парамонову, а друзей собирать. Чтобы отыскать чертей быстрее, пока не сели они на баржу и не отплыли, умыв руки, вверх по реке. Задать им жару.

Не стал отлеживаться Макар, сначала у двери возился — пытался навалиться и открыть, но сил не хватило. Потом вдоль стен на ощупь пошел — темно на складе, хоть глаз выколи! — вдруг окошко какое отыщется заколоченное или выход запасной. И нащупал — на третьем кругу уже. Не окошко — а провал узкий, под стену уходящий, водой затопленный. Никто другой туда не сунулся бы — побоялся бы застрять, задохнуться, заблудиться... Только не Шорох.

Тот ни секунды не задумывался, полез головой вперед в темноту, только сапоги снял и вниз голенищами перед собой потащил. На случай, коли воздуху не хватит, — глотнуть оттуда.

Но провальчик с водой совсем короткий оказался, вывел наверх, в холодный узкий коридор — стены с каменной кладкой, пол насыпной, песчаный. И под потолком тускло светится что-то — то ли грибы, то ли гнилушки.

Тут Шорох не только об обидчиках своих вмиг позабыл, но и о ребрах поломанных. И о том, что разутый стоит и пальцы ног от холода сводит, позабыл тоже. Не заметил. Потому что засвербело

в груди другое. Байка про клад, закопанный аккуратно рядом с торговым портом.

Якобы склады с глубокими подвалами начали ставить здесь не потому, что родниковая вода по стенкам бежит, холод рождает и что угодно хранить может. И не потому, что самое удобное место для порта торгового — русло Дона глубокое, любые суда можно подвести под берег. И не потому, что съезды для телег широкие, пологие...

Якобы было здесь сокровище зарыто — то ли век назад, то ли три, не важно, — и котлованы потом под склады купцы рыли не просто так, а с умыслом. Найти клад и разбогатеть. Говорили, что многие тысячи запрятаны под берегом, не какой-нибудь кувшин с монетами.

Байка гуляла по пристани туда-обратно, обрастала новыми подробностями: и монеты-то с лист кувшинки величиной, и изумруды там не зеленые, а голубые, как глаз сиамца, и посуда золотая с драгоценной чеканкой... И повелось: кто побогаче — рабочих нанимал и лишний котлован, в копеечку влетающий, выкапывал, убеждая соседей, что никак без нового складского помещения не обойтись. Соседи хитро улыбались и кивали понимающе. Кто победнее — зимой забывал о сокровище, а как сойдет снег и земля мягкой станет — вспоминал и, раздобыв лопату, ждал безлунной ночи. Чтобы долго бродить, выбирая место, выкопать яму по колено,

натереть ладони до кровавых мозолей, схорониться от ночных сторожей, отбиться от собак, крысам хвосты отдавать, поцапаться с подельниками да перемазаться глиной до ушей. И в барак вернуться к утру, когда над Доном перекрикиваются чайки с пароходами, а вода золотится под солнцем, чертыхнуться, стукнуть кулаком по стене и разочароваться в поиске сокровищ навсегда. Накрепко. До следующей попытки в грядущем году. Шило-то если колет, так просто от него не избавишься.

Вот и Шорох не избежал общей участи. Правда, решил не уподобляться тем, кто без подготовки на авось золото ищет. Постановил себе плана придерживаться: собрать для начала все версии байки, сравнить их между собой, откинуть самые ненадежные варианты, попробовать определить если не точное место, то хотя бы квадрат поисков. Найти помощника, на которого положиться можно, научить с лозой обращаться, чтобы точку определить... И тогда — сколько бы годиков ни ушло на поиски, два или три, наверняка словить за хвост золотую птицу-удачу. Не наугад соваться, а по-умному, по-ученому. Книжки почитать, благо грамоте обучен, стариков послушать, не перебивая, — за брюзжанием да ахами-вздохами нередко крупницы истины кроются.

А тут — гляди ж ты! — не понадобились ни карты, карандашиком на оберточной бумаге

вычерченные, ни помощники, ни лоза. Чуйка шороховская твердила, что вот она, вот — дорога к сокровищу. Осталось только дойти до него и взять.

Не дошел.

Попался, как мальчишка, как дурачок ярмарочный, одурманенный надеждой на близость богатства.

И осторожно вроде шел, старался шагать ровно и стен не касался, но, будто чертик из табакерки, выскочил из стены камень — и в аккурат на ногу. Вроде и не крупный, а придавил так, что не освободишь с наскоку. Шорох сначала не шибко напугался — парень тертый, и не в таких передрягах бывал. Уселся, к стенке привалился, поудобнее устроился, чтобы тщательно ощупать камень, раскатать его да сдвинуть.

Вот тут оно и явилось.

Со страху Макар, пока орал да ножом отбивался, толком не разглядел, кто на него кинулся.

То ли урод с мордой перекошенной, то ли пес... Зубами щелкал у самого лица, когтями рвал Шороха, но главное — не выл, не рычал, а... хихикал. Мелкой дробью, с придыханием, будто юродивый.

— Ххи-хи-хи-хи!

То хрипло, то визгливо, будто в глотке у чудовища жил десяток карликов-хохотунов, каждый из которых бешено радовался каждой царапине,

каждой ране Макара. И тогда, когда он уже с жизнью прощался, услышал:

— Нет, Пахак, нет! Оставь!

Тварь отскочила, с хрустом и шипеньем подобралась и скользнула в темноту. Будто ее и не было, будто приснилась Макару. Если бы не располосованные ладони. Шорох тут же попытался встать — бежать? куда? а нога-то? — в голове мутилось, кровь бухала в виски, и сердце трепыхалось у самого горла. Напрягся, как струна, вслушиваясь в темноту — не катятся ли по коридору мелкие смешки.

И тут, как по взмаху волшебной палочки, увидел перед собой Ануш — ту самую Ануш, на которую весь прошлый год засматривался он, забегаая в лавку к Ангуриянам. Сначала подумал, что умер и в рай попал. Ну если не в рай, то весьма близко к нему оказался — пусть и холод, и боль в ноге, и кровь на лице настоящие вполне, зато мечта — вот она, только руку протяни...

А потом она заговорила, и Шорох даже рассмеялся от облегчения. Так знакомо она ругалась, кричала на него, возмущалась... Настоящая. Живая. Значит, и он живой.

Ануш всхлипывала, утирала слезы ладонью, бранила Шороха на чем свет стоит, грозила ему всеми небесными карами за то, что полез в подземелье, причитала, прикидывала, как бы его отсюда вывести, и мягко, он и не заметил — как

именно, освободила от камня. Ручками своими белыми откатила булыжник! Потом помогала идти. Почти тащила на себе.

Шороха мутило, голова кружилась, хотелось лечь и заснуть — да прямо здесь, на мокром песке! — но Ануш говорила, повторяла бесконечно, так что в голове звенело и отдавалось под ложечкой. Была армяночка мягкая, душистая, волосы — шелковисто-гладкие, теплые руки, нежные плечи. И трогала, ощупывала его всю дорогу, мяла — что ребра? а брюхо? не порвал тебя? не поломал? И Шорох, которого шатало на грани разума и беспамятной черноты, млея и расплывался в улыбке — несмотря на кровавые потрескавшиеся губы и выбитый зуб.

Шли они долго, Шорох счет потерял поворотам и перекресткам: ходы сливались и разбегались, большей частью темные, хоть глаз выколи. И, несмотря на оставшуюся позади опасность, Макар холодел. Лоб его покрылся испариной, и под ребрами тянуло мерзко, выворачивало. Даже не случись камня и чудовища, он бы тут пропал. Заблудился и сгинул. Если бы не Ануш.

Потом пришли к лестнице, и нужно было в круглый узкий лаз ползти, наверх, цепляясь за потертые железные ступеньки. Тут Шороха и срубило окончательно. Он опустился на пол, мотал головой и мычал — как есть неразумный телок, которому говорят «Иди!», даром что

хворостиной не гонят, а ему бы только в пыли валяться.

Вместо хворостинки появился брат Ануш, Вазген. Молча подхватил Макара, как мешок с зерном, закинул наверх — тут он сознание и потерял.

Дальше урывками помнил: солнечная мансарда, танцующая в лучах света пыль, мягкие повязки, нежные ладони Ануш, ночные кошмары — являлся тот, смеющийся, не желал оставлять жертву в покое.

Горячее сладкое какао.

Любопытный глаз глядит через щелку — Ануш дверь не захлопнула.

И громкие, яростные споры — сестра против брата. С визгом и звоном разбитой посуды.

Видимо, не больно-то обрадовался Вазген неожиданному появлению жениха. И вправду жениха — Макар был готов жениться на спасительнице своей, только лишь в сознание придя. Побывавшему в зубах у смерти не до уловок и рассусоливаний — все выложил ей, как на духу. И за кисть ухватил, начал пальчики целовать, один за другим.

Ануш покраснелась, как пион, но руки не отняла.

В доме пахло айвовым вареньем, за окном порхали желтые листья, вечерами из-под двери тянуло холодным сквозняком.

Две недели провалялся Шорох в забытьи, до середины октября, и потом еще пять дней, набираясь сил и наблюдая за Ануш из-под опущенных ресниц. И тогда же решил, что вот она, его судьба-казноба, и быть им вместе, что бы ни случилось.

Неожиданно сам Елпидифор Парамонов приехал за племянником — Ангурияны весточку ему послали, так, мол, и так, после драки с портовыми рабочими племянник ваш у нас отлеживается. Нахичевань, чай, не госпиталь — не пора бы страдальца домой отвезти? Дома, говорят, и стены помогают.

Через неделю Макар уже гоголем, в новом пиджаке и шляпе, лишь изредка морщась от боли, прибыл в Нахичевань. Послав предварительно Ануш записку: «Выходи на порог, павушка, близко твой сокол». Та послушалась, встретила Шороха за углом своего дома, прыснула в кулачок: «Сокол... Павушка... А что ж не курица, а? Не индейка? К чему бы это тебя, джан, на красивые слова потянуло?» Вместе смеялись, гуляя вдоль улицы с облетающими кленами. А потом еще. И в Ростове, по набережной — ну как перед друзьями девицей не похвастаться?! Когда зима пришла, по замерзшему Дону гуляли, на досках катались и на салазках, в снежки играли и салочки. Румяная чернобровая Ануш в меховой шапочке была чудо как хороша: Макар уже

прикидывал, что сынков у них будет четверо, а варенья айвового на зиму варить надо банки три, не меньше.

Да и Вазген при встрече с Макаром уже не сторонился его, не держал за чужого.

Николка Парамонов попытался было поговорить с братом: что, мол, вьешься вокруг армянки, все равно не отдадут ее тебе. И батя благословения не даст, вот те крест. Ангурияны — хитрая, ушлая семейка, недаром о них слава на два города. Дела ведут крепко, слово блюдут, но лишь слабину дашь — пиши пропало. С костями сгрызут. Падальщики.

Только ничего не получится у них — договорено уже все с Ануш. Решено. Накрепко.

И вот на тебе! Явился черт и говорит, будто бы судьбе не угодно, чтобы Шорохов женился на Ануш, а угодно, чтобы убил он ее брата, да завязал вековую вражду...

— Не ерепенься, — наконец заговорил Макар, встав с бревна и подойдя к предку. — Я ж тебя защитить хочу.

Он положил руку на плечо Шорохову-старшему и заглянул ему в глаза.

— Да разве ж можно избежать того, что Богу угодно? — тяжело вздохнул тот.

— Ну, раз уж Богу было угодно, чтобы я попал в прошлое и предостерег тебя, то отчего бы и не попробовать? — улыбнулся Макар.

— Это если Богу, а если тебя черти принесли? — вполне серьезно спросил «дед».

Макар поежился и подумал, что подземные лабиринты и впрямь куда больше похожи на дьявольскую задумку, но вслух ничего не сказал. Однако уверенности в счастливом исходе у него поуменьшилось.

— А коли все пойдет по-другому и мы изменим судьбу, то все остальное тогда тоже по-другому обернется... — продолжал размышлять Шорохов-старший. — И дома твоего не будет, и бати-купца...

«И меня», — с ужасом подумал Макар, но сам же перевел все в шутку:

— Ну, может, и будет, да другой. И жену найдет потолще...

— Жену бы оно, конечно, другую надо... — не поняв юмора, согласился «дед».

— Эй! — еще раз напомнил Макар, пригрозив кулаком.

— Ну прости, брат, мосластая она, как лошадь холерная, — искренне, приложив руку к груди, возмущился предок.

«Вот тебе и шейпинг шесть раз в неделю, — беззлобно улыбнулся про себя Макар. — Хорошо, что мать не слышит».

Однако сказанные «дедом» слова, вовсе не предполагали к смеху. Если предотвратить убийство и допустить, что семьи Шороховых и Ангуриянов

не поссорятся, — удастся избежать множества бед. Но «дед» был прав — перемен тогда тоже не избежать. И непонятно, как оно сложится и будет ли батя, мамка, Илюха и сам Макар. Будет ли Карина? Хотя что уж теперь — дело сделано. А куда оно вырулит — жизнь покажет.

— Ну и задачку ты мне задал... — вздохнул «дед», — вроде как теперь от меня все зависит...

Макар ничего не ответил. Что тут скажешь?

— То ли мне себя с Анушкой погубить, то ли вас всех, — невесело улыбнулся Шорохов.

«Дурацкая была затея», — огнем пронеслось в голове Макара. Поддался на чувства, на боль от потери друга, на невозможную любовь... Рубил сгоряча, а сесть да подумать, прикинуть что к чему... Нестерпимо заболела голова. Предательски задрожали колени. «Ну и наломали мы дров, Каринка».

— Пожрать бы надо, — неожиданно продолжил Шорохов. — На сытый желудок думается лучше.

— Вообще-то хуже, — растерянно заметил Макар.

— А не будет думаться — так и совсем хорошо, — заключил «дед» и встал с бревна, отряхивая штаны. — Пройдусь до трактира, — деловито объявил он, — а ты сиди тут, сам принесу. Нечего нам с тобой на пару по городу разгуливать...

Макар кивнул и проследил за тем, как молодой симпатичный парень, поправив пояс, прошел за сарай и скрылся из виду.

Такой же, как он. Такой же молодой, дурной и честный. Растерявшийся, мечтающий о любви и понявший, что счастье невозможно.

Шли минуты. Полчаса. Час... Макару стало холодно и одиноко. Невыносимо сидеть без дела и думать, запоздало взвешивать свои решения и прокручивать в голове бесконечную ленту из разных сценариев — как оно может быть. Невыносимо думать о семье, невыносимо вспоминать Карину. Воображать, как она там. Как отреагировала на его побег. Ушла или осталась ждать? Не натворила ли глупостей?

Макар привычно включил смартфон и посмотрел на часы — вряд ли они идут верно, но зато идут и показывают, что старший Шорохов ушел давным-давно. И не позвонишь, не узнаешь, в чем дело. Может, оно так и принято. Может, трактир неблизко или обслуживание медленное. Может, случилось что, а может, сбежать решил? А от чего? От судьбы не сбежишь... Хотя, возможно, и лучше было бы отправить его сейчас подальше от Ростова, чтобы и близко к Ангуриянам подойти не мог. Да кабы он знал, как лучше!

А что если Шорох так и поступил? Что если уже час как плывет по реке или трясется в поезде...

Ждать дальше не хватало терпения. Макар поднялся с бревна, спрятал смартфон в карман пиджака и пошагал по тропинке. Куда он шел, не имел ни малейшего представления, но цель у него была — сначала попробовать разыскать «деда», а если до вечера не найдется — вернуться домой. Предупредить — предупредил, а дальше от Макара уже ничего не зависело.

Знакомые звуки драки раздавались откуда-то из-за кустов. Удары, всхлипывания, короткие переругивания.

Макар осторожно подкрался и выглянул, отодвинув ветку. Бились трое, и среди тех троих он безошибочно определил Шороха. Разгоряченный, взмокший, с разбитым лицом, он стоял, прижавшись спиной к брусчатой стенке склада, выставив вперед руку с коротким ножом.

Тут же под ногами валялась еда, уже не опознаваемая, смешанная с грязью и выдранной клочьями травой. Чуть в стороне перепачканная тряпица, в которую, видимо, был завернут обед. А напротив «деда» стояли два крепких мужика, не уступающие ему в росте, но вдвое шире и старше. Один рыжий, нестриженный, с патлатой головой. Второй темный и кудрявый, как цыган.

— Брось, Шорох! Не смей! — лениво крикнул патлатый. — Ты им и курицу не забьешь...

— А ты попробуй, — огрызнулся Шорохов, делая шаг вперед. — Посмотрим, какой навар из твоей башки выйдет.

— Слушать надо было старших, — пробасил кудрявый, наклоняясь и поднимая с земли увесистый булыжник. — Одного раза тебе мало?

Мужик размахнулся и швырнул булыжник вперед. Шорох отскочил в сторону, камень глухо ударил в стену, продавив в ней внушительную вмятину, и упал под ноги.

— Бросай нож, не спасет, — без всякого задора повторил свое требование рыжий и сложил руки на груди.

Макара даже передернуло от этого нечеловеческого хладнокровия — работяги явно собирались убить «деда», но при этом не испытывали ни малейшего волнения, а только злились, что тот тянет время.

Кудрявый прошелся, выискивая новый булыжник. Медленно наклонился, поднял сразу два — поделился с рыжим.

— Не бросишь, мы тебя камнями забьем. Ну? Не валяй дурака, Шорох. И так и так подыхать, так ты хоть сдохни по-человечески, а не как собака.

Еще один камень полетел в стену, заставив Шороха уворачиваться, но второй попал в цель, угодив в живот. Шорохов согнулся пополам, выронив нож, но тут же собрался, поднял и, не распрямляясь, двинулся на врагов.

Дальше ждать было нельзя. Никогда раньше Макар не участвовал в таких сражениях — да, его лучший друг погиб именно во время драки, но смерть Цыбы была случайной, и пацаны бились ради расквашенных носов, но не насмерть... А тут совсем другое дело. Тут силы не равны и шансов погибнуть, ох, как много. Погибать за сто лет до своего рождения не хотелось, но не стоять же в стороне...

— Ребята, сюда! Шороха бьют! — заорал Макар наудачу, не столько рассчитывая на помощь, сколько ради того, чтобы смутить нападавших, обмануть, будто подмога уже близко. А вдруг испугаются? Вдруг убегут?

С разбегу вцепился в шею кудрявому, обхватил, повалился на землю. Краем глаза заметил, как удивленно обернулся рыжий и как его в ту же секунду сбил с ног ошалевший Шорохов. Ну! Поехали!

Как удержать неподвижным такую машину, Макар не знал, только понимал, что если разожмет хватку и позволит кудрявому отдышаться, то тут же погибнет от его кулаков. Так что выбора нет, тут либо умирать, либо быть готовым убить самому. Макар еще крепче передавил толстую крепкую шею, другой рукой нанося удары по виску. Кудрявый хрипел, извивался, наваливался всем телом, пытаясь подмять под себя.

— Да что б тебя... — зарычал Макар, выбиваясь из сил... Еще чуть-чуть, и руки сами разожмутся, не выдержав напряжения. — Вырубайся уже наконец!

Удар, еще удар... Кожа разодрана, глаза врага залиты кровью... Любой другой человек уже давно бы отключился, но этот огромный работяга, казалось, только свирепел и набирался сил, в то время как Макар уже и дышал через раз, и сам себя от бешеного стука сердца не слышал. Что происходит по соседству, он не видел, но очень надеялся, что Шорохов победит... Потому что если нет, то крышка им обоим.

Взгляд молнией метнулся по траве, выцепил камень, рука, словно действуя сама по себе, метнулась, схватила поудобней, взлетела вверх и опустилась на голову кудрявому. И еще... И еще... Тот дернулся, затих. Макар испуганно отбросил булыжник и отполз в сторону. Убил? Нет, вроде дышит... И только обернулся, чтобы посмотреть на Шорохова, как получил удар ногой в лицо.

Сознание вернулось быстро, за спиной все еще слышались звуки борьбы. Подбородок онемел, будто и нет его, будто всю нижнюю часть лица снесло и теперь она валяется где-нибудь в траве. Макар осторожно открыл рот и пощупал зубы — вроде на месте, хотя кровящи... Медленно повернул голову, все еще плохо соображая, увидел кудрявого, который так и валялся без движения,

увидел «деда» в распоротой рубаше, а напротив него — рыжего с «дедовским» ножом. Оба молчали, тяжело дыша, с присвистыванием из легких. Оба вот-вот готовы были упасть, но все же одному будет суждено упасть замертво.

— Шорохов! — внезапно раздалось со стороны. — Макар! Что происходит?

Макар обернулся, хотя обращались явно не к нему. Из-за стены вышел молодой холеный парень с черными глазами и сдвинутыми к переносице бровями.

— Отойди, Вазген, — с усилием выдохнул «дед», утирая пот.

Макар ткнулся головой в землю. Вот и Вазген... Принесло же его так не вовремя. Или вовремя? Что если рыжий убежит? Но работяга никак не отреагировал, только перекинул нож из руки в руку и обратно, словно играясь и укладывая рукоять поудобней в ладони.

— Брось нож... — жестко скомандовал Вазген, смело направляясь прямо на патлатого.

— Вазген, уйди, Богом молю... — с каким-то отчаянием крикнул Шорох, все еще не сводя с рыжего глаз, словно именно его взгляд удерживал убийцу от нападения.

— Слышишь меня! — Вазген сделал еще несколько шагов, и Шорохов не выдержал, перевел взгляд, прыгнул в его сторону, словно пытаясь преградить дорогу.

В ту же секунду патлатый тоже пришел в движение. Все трое одновременно столкнулись в пространстве, сцепившись, как стая псов.

Макар резко вскочил на ноги, почувствовал, будто вся кровь резко отлила от головы, закружилась, в глазах потемнело, и только иголки в кончиках пальцев, а потом, как перемотка со стоп-кадром — все слилось и стоп! Рука с ножом. Слилось и стоп! Рукоятка между ребер. Слилось и стоп! Бордовое пятно на белой рубаше. Черные глаза. Лицо Шороха. Спина Рыжего. Свисток. Полиция. Кто-то задел плечом, и Макар, потеряв равновесие, рухнул. Скрутили Шороха. Подобрали Вазгена. Шум, суета, крики и люди, люди, люди... А потом небо, чистое, сиреневое, без облачка. Закат... И все.

Не уйти от судьбы, видать... никуда не уйти.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПАХАК

Выбравшись из северо-западного луча к развилке, Карина остановилась. Лабиринт был таким же, как обычно: та же густая тьма, те же еле уловимые запахи воды, камня, плесени и летучих мышей. И все же что-то изменилось. Карина свистнула — наклонила голову, прислушиваясь. Звук отбился от стен, прокатился по длинным извилистым коридорам, схлопнулся в круглом колодце, сразу после которого начинается длинный прямой тоннель, ведущий к дому. Лабиринт был пуст — по крайней мере присутствия в нем другого человека Карина не ощутила.

— Мака-а-ар! — прокричала она, сложив ладони рупором. Прокричала на всякий случай и от отчаяния — догадалась уже, что Макара здесь нет. Снова прислушалась. Тишина. Присев на корточки, Карина обхватила голову руками и принялась соображать. Если Барбаро не

обманул, если она действительно сейчас в другом времени, там, куда провалился этот идиот, то надо же его как-то искать. Только вот как? Где? И вообще, хорошо бы понять, куда их занесло. Что ждет на поверхности — Средневековые или далекое будущее? Встретит ли ее Арташес Ангуриян, первый смотритель лабиринта, или же вынесет нанохлеб-наносоль Каринин прапрапраправнук в футуристическом костюмчике и с антенной, торчащей из башки. Хорошо, если он будет без роговых наростов, щупалец, чешуи и прочих генно-модификаций. Карина хмыкнула, подумав, что, будь у нее такая возможность, она бы поставила себе фасетные глаза, чтобы увеличить обзор, поменяла бы мускулатуру ног и спины и м-м-м... с удовольствием отрастила бы хвост. Очень удобная штука — хвост. Можно отталкиваться им от стен и использовать, как руль, на поворотах. Ловкость и скорость увеличатся процентов эдак на двадцать... Карина представила, как она будет смотреться с хвостом и прозрачными шарами вместо глаз, и решила на время отложить фантазии. Тем более что следовало спешить.

Так. В темпе! Сначала добраться до дома, если он еще существует, конечно. Подняться наверх и серьезно поговорить с нынешним смотрителем. Вряд ли там сильно изумятся ее появлению. Ангуриянов вообще довольно сложно удивить.

— Да. Точно. А потом все вместе подумаем, где искать этого... придурка, — проговорила Карина вслух и добавила уже тише: — И как вернуться обратно.

— Хихи, — раздалось в шагах двадцати от нее. Пахнуло прелой шерстью. — Хихи. Хихи. Хихи.

Карина повернула голову на звук. Встала. Зачем-то нашарила в кармане брелок с фонариком. Нажала на кнопку и поводила тонким красным лучиком по стенам.

— Чего нервничаешь? Проголодался?

За крутым поворотом, прямо перед развилкой, стоял Пахак и переминался с лапы на лапу, водя носом по сторонам.

— Я это. Я. Успокойся. Сейчас к дому пойдем. Знакомиться с родными и близкими. — Карина кивнула старому другу, ожидая, что он, как всегда, подбежит, хрюкнет радостно и ткнется рылом ей в плечо, а потом потрусит рядом, однако демон остался на месте.

— Хихи. Хихи. Хихи.

— Извини, гулять сегодня не будем — мне некогда. Слышишь? Не фырчи. Некогда.

Демон метнулся влево и встал поперек нужного ей тоннеля, закрывая туловищем проход. Ничего необычного — Пахак частенько капризничал, когда девушка, покормив его, сразу же спешила домой, но сейчас Карине показалось, что монстр ведет себя как-то непривычно.

Слишком дергаными стали его движения, слишком резкими. Таким он бывал лишь тогда, когда чуял близости жертву.

— Хихи... — хихиканье звучало угрожающе.

— Ты что бузишь? Говорю же, я спешу. Дай же пройти. Ты что? Ты... Черт! Нос! Что с твоим носом?

Красное пятнышко света замерло на косматой морде демона. Медленно поплыло от покатого лба к заросшим слепым глазам, потом скользнуло ниже. Нос Пахака — крупный, ноздрястый и влажный — был абсолютно целым. Не раздвоенная страшная фасолина, а здоровый такой, волосатый и дрожащий носище.

— Так. Выходит, это все-таки прошлое. Похоже, на встречу с хвостатыми потомками рассчитывать не приходится. Тоже годно, — пробормотала Карина, пытаясь при помощи неловкой шутки побороть накативший страх. — Охх.

Пахак шагнул вперед, ослабившись. В эту секунду Карина швырнула прямо в текущее слюной рыло брелок, высоко подпрыгнула и, толкнувшись пяткой от знакомого выступа, отлетела в сторону. Этот Пахак еще не знал ее. Не мог знать. Ведь она даже не родилась. Но родилась или нет — это Пахака не волновало. Девушка была здесь — живая, теплая, из плоти и крови. Девушка пахла страхом и мясом, а значит,

являлась для демона тем, чем и любой другой нарушитель, — едой.

— Хихи.

— Пахак, нет...

Карина рванула вдоль стены в сторону левой штольни, но демон перегородил ей путь. Она дернулась влево — там маршрут подольше, посложнее, но тоже ведет к дому. Пахак, уловив ее движение, тут же перескочил влево.

— Нет. Нет. Вот не надо этого! Только не туда...

Но монстр сознательно вынуждал девушку выбрать третий путь и, забравшись по каменным ступеням на два метра вверх, пойти в широкий тоннель, весь утыканный ловушками. Дед называл этот тоннель штольной смерти — самая широкая, светлая (стены были покрыты светящейся плесенью) и самая на первый взгляд безопасная, она считалась среди зрителей худшим местом лабиринта.

— Ладно. Черт с тобой... Полезем к дьяволу. Но ты не на ту напал, Пахакджан.

В три прыжка Карина оказалась наверху и вошла в широкий коридор. Стащила с себя куртку, скомкала ее, швырнула вниз, прямо в слюнявую морду, зная, что монстр непременно заинтересуется, а значит, получится выиграть целых полминуты. Не оборачиваясь, она пригнулась и быстро побежала вперед. Минута, другая, пятая...

— Хихи. Хихи. Хихи.

Звук донесся спереди. Демон обогнал ее по параллельному короткому рукаву и теперь поджидал у поворота. Карина еще раньше догадалась, что Пахак сыт и играет с жертвой. Это было обидно, но неплохо. Значит, можно побороться. Собравшись с мыслями, она просчитала маршрут. Через километра три есть узкий боковой штрек с наклонными стенами, с каменной спасительной «полкой» под самым потолком. До этой полки Пахак никогда не мог добраться, оскальзываясь и падая вниз. Запросто можно отсидеться день или даже два, до тех пор пока не придет нынешний смотритель и не спасет незадачливую гостью из будущего. Главное — не заснуть.

— Хихи...

— А-а-а-а-а! — завопила Карина во всю мощь легких, выманивая зверя.

Нагнулась, сгруппировалась и, когда Пахак лениво вышел из-за поворота, перелетела через него, опираясь на выступающие из стен камни. Кувырок. Откатиться вбок. Вскочить и рвануть дальше, считая шаги.

...шестьдесят... сорок... двадцать... стоп. Прямо перед ней была ловушка — уходящая вниз, едва наступишь, плита, через которую с разбега не перелететь. Зато можно переползти по правой стене, опираясь на едва видимые глазу «ступени». Девушка привычно положила ладонь на

стену — ровно и гладко. Скользнула влево, вправо, вверх, вниз. Ни единого выступа!

— Черт! Черт! Черт! Хуже некуда, говоришь? Некуда?

Карина от отчаяния выругалась. Отличная новость! Зато теперь ей очевидно, что год, в который ее занесло благодаря некоторым отморозкам, отдален от две тысячи двенадцатого как минимум на век.

Раз в сто лет все ловушки лабиринта проходят полную перенастройку — механизм, конечно же, остается прежним, но, чтобы запустить его или, наоборот, отключить, нужно точно знать новую последовательность действий. Карина об этом правиле прекрасно помнила, вот только представить не могла, что ей придется однажды стоять перед старинной ловушкой и злиться на деда Тороса за то, что в двухтысячном он, как и положено, прошелся по всем капканам и поменял настройки. На себя она, кстати, тоже злилась — можно было и открыть дедовы старые записи, тем более что он несколько раз об этом напоминал. Но было недосуг, некогда, да и надобности особой она в этом не видела.

— Хихи... —дохнуло в спину смрадом. Кляцнули зубы.

Понимая, что совершенно точно уже пропала, она кинулась вперед и наступила на предательский пол, ожидая, что вот-вот полетит

в тартарары. Все! Все! Это все! Однако плита осталась на месте, лишь чуть просела под пяткой. Буквально миллиметра на три — другой бы и не заметил, но Карина чудесно знала, что это значит. Точно такой капкан стоял в заброшенной штольне под Нижнегниловской и, как ни странно, все еще работал. И лучше бы это оказалась перенастроенная дедом плита. Внутри каменного мешка хотя бы можно побарахтаться с недельку. Вот только это была не плита, а КК.

КК — Катящийся камень! Примитивно, жестко, действительно.

— Черт!

Чуть сзади и сверху раздался шорох — это выползал из-под потолка гранитный шар в человеческий рост, который уже через секунду ударился о пол и покатился вперед, стремительно ускоряясь. Карина летела впереди шара на пределе скорости. Через сто метров будет выемка в стене, такая, чтобы человек мог укрыться, когда мимо проскочит многотонный булыжник. Проскочит, промчится вперед. Клацнет о стенку и тут же исчезнет, провалится под землю, чтобы через несколько часов вернуться на прежнее место. Катящийся камень — страшная машина. Безжалостная. Кровавый боулинг, установленный с самых первых дней лабиринта. В тридцать восьмом гидравлика ловушки изнасилась,

и тогдашний смотритель лабиринта — Вачик Ангурян — заменил КК на падающую плиту.

Итак, она где-то до тридцать восьмого года — знать бы еще где. Точнее, когда...

Прыжок, еще один. Влево. Вжаться в стену. Гранитный шар прокатился так близко, что на рубашке остался пыльный след. Не теряя ни секунды, она рванула вслед за камнем — тут же сзади захихикал Пахак.

— Что? Не дождался? — крикнула Карина, дразнясь.

Она была быстрой — очень быстрой, но все же не такой, как демон. Перед «гильотиной» он почти нагнал ее, но притормозил, пережидая, что капкан сработает и ему не понадобится даже прилагать усилий к приготовлению «ужина». Чтобы пройти «гильотину», пришлось пожертвовать косой — чувствительная механика реагировала на колебания воздуха между «датчиками». Можно было, конечно, снять джинсы или рубашку, но, если она в прошлом, да еще, как выяснилось, довольно далеко, вряд ли уместно появляться дома без штанов. Поэтому Карина, притормозив за шаг от «датчиков», провернулась вокруг себя на пятке, так чтобы металлические острые ножи клацнули возле самого уха, отрезав почти всю косу. Две секунды на то, чтобы, пока ножи встают обратно в «рабочее» положение, проскочить капкан и помчаться дальше. Волосы,

конечно, тут же полезли в глаза и рот, и Карина пообещала себе, что, вернувшись, пострижется под мальчика.

Пахак прошел «гильотину» легко — датчики не успевали среагировать на демона. Он был не просто быстрым — он был... как ветер. Пахак нагонял свою жертву — Карина прикинула и поняла, что где-то через пару минут она сперва лишится пальцев, а дальше...

Дальше думать не хотелось.

Из-под следующего капкана — опускающегося потолка — они выскочили почти одновременно. Пахак, разгоряченный погоней, чавкнул над ее головой — девушка едва успела уклониться. До бокового штрека со спасительной полкой оставалось пятьдесят шагов.

— Хихи-хихи-хихи...

Она почувствовала, как он больно ткнул ее в плечо рылом, толкая к стене. Раздался треск — кажется, Пахак располосовал ей рубашку на спине — простите, уважаемые предки, бонтонного визита, видимо, не выйдет. Тут же по спине потекло горячее и липкое...

— Прости, Пахакджан...

Шаг вбок, развернуться, выдергивая из кармана нож, размахнуться и опустить лезвие прямо на черную скользкую сливу носа...

— Ххи-ххи-и-и-и-и-и-и, — завизжал монстр. Визг был страшным, нутряным и невероятно

громким. Где-то в соседних коридорах зашуршали потревоженные мышинные гроздья.

...сорок... тридцать... десять...

И еще пять шагов до точки, откуда нужно оттолкнуться левой ногой, потом ухватиться за торчащий острый камень, подтянуться и закатиться в холодную скользкую нору. Самую, как оказалось, уютную нору в мире, чем-то похожую на третью багажную полку плацкартного вагона. Может, тем, что с нее точно так же легко упасть вниз, если заснешь. Только в поезде внизу сидят пассажиры, а не разъяренный монстр с рассеченным надвое рылом, из которого сочится бесцветная липкая сукровица.

* * *

— Хихи...

— Не смешно, — она свесила сверху голову. Неровно обкромсанные волосы упали на лицо. — Ну и что? Будешь сидеть, пока я не свалюсь? Поймал, да? Загнал?

— Хихи...

— Бедный Пахак. И я бедная. И Макар...

— Хихи... — Пахак поднял вверх башку, обнажил челюсть. Нос его, еще час назад ровный и целый, был рассечен надвое.

«Понятия не имею, лусик, — пожал плечами дед, когда она пристала с вопросом, кто так страшно порезал ее Пахака. — Сама поищи в старых

записях. Может, что и найдешь». Карина две недели ковырялась в семейных архивах, прежде чем в папке с надписью «Ануш» нашла тетрадный листок со схемой быстрого прохода через «штольню смерти». На полях небрежный карандашный набросок, датированный апрелем тысяча девятисотого. Пахак, оскалившись, смотрит вверх. Нос как нос. А не как развалившаяся на двое фасолина.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

НАСТОЯЩЕЕ

Светофор неуверенно мигнул зеленым. Переключился на желтый. Обычный вроде бы светофор, утром здесь был точно такой же. Макар уставился на электронные часы, висящие над подъездом бывшего НИИ, — половина третьего. Сравнил их с циферблатом на экране своего телефона и почувствовал, как в очередной раз его окутывает ощущение полного абсурда. Телефон настаивал на том, что сейчас половина девятого. «По крайней мере, я не свихнулся. Я действительно был в прошлом», — проговорил Макар вслух и нажал на педаль тормоза.

Идущая впереди маршрутка послушно остановилась. Маршрутка как маршрутка. Только извасюканная грязью по самую крышу. Полчаса назад он видел такую же, проезжая по Нагибина. Или даже эту самую...

Макар с силой сжал руль. Лезет же в голову. С другой стороны, с абсолютной точностью можно

быть уверенным в том, что сам он не изменился. А вот мир... мир вокруг, он что? Макар еще раз оглядел «Рэнглер» изнутри, убедился в том, что все царапины на месте, что пятно от колы на заднем сиденье все еще пятно от колы, а на полу, как прежде, валяются бита, огнетушитель и пустая канистра из-под незамерзайки — надо бы выбросить, но руки не доходят. Из зеркала на него смотрел он сам — разбитое лицо с распухшими от удара губами, русый взъерошенный чуб, глаза... разноцветные, как и положено владельцу черепахи.

Макар похлопал себя по карману. Предмет был там.

* * *

Вывалившись из линзы в настоящее, он сразу же нашел ее. Подобрал с пола. У него даже настроение чуть поднялось — с черепахой будет легче, и то, что она вообще есть, — это уже плюс. Вот если бы по возвращении он нашел тут какую-нибудь лягушку... Или вообще ничего не нашел... Вот тогда — трындец.

Трындец наступил через минуту, когда Макар выбрался в лабиринт.

Карины за стеной не было. Была надпись, процарапанная в известняке: «ПРАВО СМОТРИТЕЛЯ». И дата сбоку.

Он сначала позвал ее: тихо, потом чуть громче... И осекся, услышав хихиканье совсем близко.

Или это баловалось эхо, пугая и одновременно предупреждая об опасности?

Без Карины он с демоном не справится. Макар еще пробовал искать ее, кружил вокруг линзы, по всем этим проходам с крутыми спусками, но прекратил, когда чуть не налетел на тварь — она цапнула воздух совсем близко с рукой, даже задела палец. Убежав через стену, Макар отдышался и молча, быстро зашагал к уже знакомому выходу на Парамонах — с черепахой это давалось гораздо проще, чем петляние в прошлом...

Петляние.

Нет, петля.

* * *

— Эй! Чувак! Не спи — замерзнешь! — Мимо, близко притираясь к макаровскому джипу, проехала чья-то оттюнингованная «Нива». Стекло опустилось, в нем показалось лицо явно поддатого парня.

— Что? — очнулся Макар.

— О-о-о! Это где тебя так разукрасили?

Макар осторожно потрогал губу и посмотрел на пальцы — все еще кровит.

— Ты ехать собираешься или решил постоять-подумать посреди дороги? — беззлобно спросил весельчак.

Макар резко рванул с места и сразу за светофором крутанул руль влево, паркуясь. Достал

телефон, устави́лся в список контактов, размышляя с кого бы начать. Родители? Или... Цыба?

Хотя с чего он взял, что настоящее изменилось? В прошлом-то все осталось как есть — и Вазгена убили, и Шорохова повязали...

Впереди к остановке пристроилась «Газель». На тротуар лихо выпрыгнул пацаненок в белоснежной спортивной куртке. Мальчишка прижимал к боку грязный футбольный мяч. Влетит ему дома. У Цыбы, помнится, майка была серая, и то след остался...

Руки стали ватными. Макар с трудом открыл дверь, вылез из машины. На негнущихся ногах подошел к остановочному ларьку, взял бутылку минеральной воды и тут же, не сходя с места, выхлебал. Отдышался. Бросил пустую бутылку в огромную урну.

Странная урна. Глубокая, с сетчатыми стенками, поблескивающая свежей заводской краской. В ней не было ничего общего ни с мятными проржавевшими «коробками» в спальных районах, ни с массивными каменными «дурами» с вечно оббитыми краями. Неужто власти наконец озаботились городским хозяйством? Или...

Макар смахнул выступивший на лбу пот. «Это нормальная реакция, — подумал он. — Мне жарко, я только что выпил пол-литра воды». Он стиснул кулаки, чувствуя, как ногти впиваются

в кожу. Что за бред. При чем тут вода?! Голова вдруг стала легкой-легкой, как воздушный шарик. Щеки закололо крошечными иголочками, будто Макар долго стоял на морозе.

Чувствуя себя полным идиотом, он вновь постучал в маленькое окошечко. Продавщица — его ровесница, с черной косой и тонкими бровями врзлет — неожиданно улыбнулась.

— Простите, — пробормотал Макар. — Вы не подскажете, эту урну когда поставили?

В глазах девушки проскользнуло недоумение. Покупатель выбрал странный повод для знакомства. С другой стороны — оригинально...

— Урну? — Она выглянула на улицу. — Не знаю. Я тут две недели работаю. Вы не подумайте, — поспешно добавила она, — я здесь только на время. Я в медицинском учусь, а тут подрабатываю, пока в поликлинику еще не устроилась. Меня Марина зовут...

— Простите. — Макар торопливо отошел, распахнул дверь машины и, не пристегиваясь, рванул с места. Щеки пылали, в висках пульсировала кровь. Урна, чертова урна! Значит, все-таки изменил. Пусть это не бабочка, пусть над ним никогда не грянет гром, но это все-таки другой мир. Или не другой?

Сердце колотилось, как сумасшедшее. Мысли путались.

Так. Возьми себя в руки. Успокойся.

Неожиданно схватило живот. В желудок будто забросили пригоршню гвоздей, которые проросли остролистым цветком. В позвоночник, в солнечное сплетение, в легкие...

Да что за черт!

Так.

Чувак, это всего лишь урна. Ты часто обращаешь на них внимание? Ты и по улицам толком не гуляешь, а только и катаешься на своем желтом джипе! Даже если рядом с твоим домом такого нет, это лишь значит, что начальник твоего района — раздолбай, а здесь всем заведует толковый мужик.

Посмотри на рекламный щит — он по-прежнему предлагает льготную ипотеку. А пацан на остановке все так же сжимает сбитый из пятиугольников черно-белый мяч. И кроссовки у него не производства фабрики «Скороход», а обыкновенный «Найк».

Только ведь все это неважно, правда?

Тебя волнуют не урны и даже не сотворенные тобой изменения. Тебя волнует только одно. И у тебя есть очень простой способ все проявить. Достаточно протянуть руку к нагрудному карману, провести пальцем по тач-скрину, выбрать, например, номер Карины... несуществующий... или — еще страшнее — номер Цыбы и нажать кнопку вызова. Но ты боишься. Боишься услышать в ответ: «Аппарат вызываемого

абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Макар снова припарковался.

Медленно вдохнул. Выдохнул.

Достал из кармана телефон.

Давай же, ну? Поганка! Гриб безвольный!

Сначала Макар набрал отца.

Не уловил ни одной новой нотки в его голосе. Тот говорил глухо и устало: «Куда пропал? Где шатаешься? Мать чего-то приболела...» Сердце ухнуло вниз и заворочалось тяжелым комком где-то под ребрами — неужели это он как-то повлиял? Или нет? Макар забормотал в ответ что-то абсолютно нелепое, неуместное, недостоверное. Про дождь. Про то, что случайно уснул, прямо в машине. Да не бойтесь, я припарковался... «Ты о родителях подумал?»

Нет, не подумал.

Макар опасливо позвонил матери и тихо извинился за то, что задерживается. Пообещал скоро быть. Мама звучала тоже совсем как всегда и ни словом не обмолвилась о болячках. Значит, ничего страшного.

Написал эсэмэску брату. Тот ответил односложно — «поганка!». Кто бы сомневался.

Что, не удалось? Да и чудовище чуть руку не отгрызло. Вполне в соответствии с клятвой. И глаз... И глаз заплесневел. Зеленым цветом.

Думал, что нашел якобы ключевую развилку в прошлом?

Радовался?

Вообразил себя Марти МакФлаем, вообразил, что сумеешь изменить мир к лучшему, стоит лишь немного подправить историю. Как в книжках. Как в фильмах. У них ведь всегда получается, так почему не должно получиться у тебя? Ты же хочешь быть героем! Хочешь сам говорить себе, что делать! И не бояться ошибок...

Вот только теперь ты до одури, до цветных пятен перед глазами страшишься набрать номер Карины.

И... даже не сможешь победить этот страх.

Ты же так и не взял у нее телефон.

Придется ехать туда, подниматься на крыльцо, стучать в дверь... И спрашивать у старика Тороса: «А Карина дома?»

Что, если он скажет — нет?!

Макар подтащил телефон к лицу. От безысходности, чего уж теперь, выбрал номер из списка. Пальцы едва заметно дрожали. Ноготь чиркнул мимо кнопки вызова.

Страшно.

До боли.

До желудочных колик.

Не бойся, Макар.

Это не горе.

Снова надавил большим пальцем.

По экранчику побежали волны. «Цыба...»

«Аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

АНУШ

*Ari, im sokhak, tvogh partez merin,
Tagherov kun ber tyghis achyerin.
Bayts na lalis e — du sokhak, mi gal,
Im vordin ch'uze tiratsu daonal.*

Чистые, трогательные до слез слова старинной колыбельной, той, что Карине в детстве часто напевала мама и потихоньку, когда никто не слышит, нашептывал дед, донеслись откуда-то сверху. «Ари им сокак твогх партез мери...» — колыбельную принес ветер, пахнувший отчего-то свежей травой и утренним небом, притащил и рассыпал грустную мелодию по каменным штольням, как леденцовое драже.

* * *

Карина вздрогнула и открыла глаза. В лабиринте было тихо. Колыбельная ей всего лишь

приснилась. Жаль, что это сон, но зато благодаря ему она хоть очнулась вовремя. Еще секунда, и скovyрнулась бы вниз — туда, где уже третий день поджидал свою жертву слепой демон Пахак. Двое суток девушка отчаянно сопротивлялась сну, потом поняла, что долго так не выдержит. Она попробовала закрепиться наверху при помощи ремня. Однако нож соскальзывал с гладкого камня, и через час бесплодных попыток хоть как-то заколотить лезвие в стену Карина сдалась. Невыносимо хотелось пить. Ближайший ручей находился совсем рядом — в километре, за парой поворотов. Она постоянно слышала, как журчит в нем вода, и ей казалось, что чертов ручей делает это специально. Что он дразнится, издевается, травит... Карина затыкала пальцами уши, но тогда локоть упирался в стену, и шансы слететь вниз становились много выше. К исходу третьего дня Карина ухитрилась немного поспать, пристроив лезвие ножа так, что стоило чуть повернуться, как острие впивалось ей бок. От боли девушка просыпалась, снова втискивалась в нишу и продолжала ждать. Саднила ободранная спина. Немели ноги. Карина терпеливо ждала.

Рано или поздно смотритель появится. Не может не появиться. Правда, этот коридор из-за того, что путь к нему вел через «штольную смерти», не считался обязательным к обходу, но

Карина надеялась, что зритель догадается: в лабиринте чужак. Живой или мертвый — но чужак.

Карина рассчитала, что без воды запросто продержится еще дня два, а то и больше. Со сном было хуже. В какой то момент нож перестал помогать. Спасибо интуиции — пару раз Карина просыпалась за секунду до падения. Но с каждым следующим часом ей становилось все труднее контролировать ситуацию. Не видеть этого было нельзя.

Она видела.

Видел и демон.

Пахак давно уже успокоился, перестал бестолково скакать, пытаясь выцарапать ее из каменного мешка, и, развалившись на холодном полу, равнодушно ждал.

Когда становилось совсем тяжело, Карина спасалась тем, что мечтала. Мечтала, что Макар выбрался в город и отыскал своего прапрадеда, что как-то исхитрился и спас деда Вазгена и все теперь хорошо: Цыба жив, никакой дурацкой вражды не было и нет, Роберт остался в своей Америке, а дед здоров и полон сил. Вот, нужно только выжить и вернуться обратно, чтобы все это увидеть. Чтобы встретиться с Макаром спокойно, ни от кого не прячась, не психуя, не дергаясь. Пойти, например, в кино. И там сидеть на самом заднем ряду и... ну, например, жевать

попкорн. А лучше пить колу! Много, много колы. Литры колы! Моря! Океаны! Вкусной прохладной колы...

Чем дольше она фантазировала, тем реальнее казались мечты. В конце концов, почему нет? Ведь оба они странным образом попали в желаемый период. Точного времени Карина не знала, но прикинула, что болтается где-то между девятисотым и тридцать седьмым годами. А еще она не без оснований надеялась, что ее занесло не к деду Вачику, а напрямик к Ануш, у которой имелась чудесная привычка спускаться в лабиринт ежедневно и оставаться внизу по несколько дней кряду.

Но время шло, а зритель не появлялся. По еле уловимой смене температур в лабиринте Карина примерно представляла, сколько она уже здесь торчит, и получалось, что сидит она на чертовом каменном насесте целых трое суток.

Где же зритель? Почему не идет? Что произошло?

Опять потянуло в сон. Она уколола себя кончиком ножа в ногу и не почувствовала боли.

Спать... Как же ей хотелось спать.

* * *

«Ари им сохак...» — раздалось вдруг в десяти шагах.

Карина едва удержалась на насесте. В шести метрах от нее стоял человек, а она не услышала его приближения. Она! И не услышала! Это могло значить либо то, что Карина с этим своим недосыпом и дикой жаждой потихоньку сошла с ума, или же то, что девушка с тоненьким нежным голоском умеет двигаться по лабиринту не хуже, чем она сама.

Карина замерла, стараясь не дышать. К ее удивлению, замер и Пахак, перестал сопеть и перебирать лапами, словно взял да и заснул. Отрубился за полсекунды.

Карина беззвучно подвинулась к краю каменной «полки».

— Я слышу, как ты пахнешь. Ну-ка там! Не шевелись. Сиди, где сидишь, — голосок зазвенел совсем близко. Внизу. Там, где еще минуту назад слышалось пыхтение демона. — Знаю, что ты жива. И что ранена, тоже знаю. От тебя кровью за версту несет.

— Да. Я тут. Тут. Жива, ранена и смертельно хочу пить и спать.

Прятаться действительно не имело смысла. За три бессонных дня, после беготни по лабиринту, после плаванья в грязной воде... В общем, как ни стыдно было в этом признаваться, Карину мог бы учуять кто угодно, даже мама с ее вечным насморком. Тем более обученный с детства смотритель... точнее, смотрительница лабиринта.

Карина ничуть не сомневалась, что сейчас разговаривает с самой бабкой Ануш. Перехватило дыхание, хотелось разрыдаться с облегчением, но, во-первых, она не собиралась демонстрировать бабке слабость, во-вторых, из-за обезвоживания со слезами было не очень, а в-третьих, судя по голосу, Ануш было немногим больше, чем Карине... И что? Бросаться незнакомой девчонке на шею и кричать «бабушка, я приехала»? Как бы не так!

— Меня Пахак наверх загнал. Я уже трое суток жду, когда кто-нибудь спустится и меня отсюда вытащит. Вот только никого нету!

— Кто такая будешь? Откуда Пахака знаешь? — насторожилась Ануш и, кажется (Карина не была в этом уверена), подалась чуть назад.

— Я? Я Карина Ангурян. Смотрительница ростовского лабиринта...

Чиркнула спичка. Вспыхнул самодельный светильник. Повернулся так, чтобы свет попал туда, где в узкой каменной нише скрючилась «гостья из будущего». Карина не стала прятаться, только прикрыла ладонью глаза, чтобы не резало так сильно.

— Откуда будешь? — Ануш Ангурян старалась выглядеть важной и уверенной в себе, но ее выдал голос. Сорвался. Дрогнул. И тогда она, сообщив, что притворяться, в общем, бессмысленно,

выдохнула, мешая восторг с испугом: — Ой! Ведь и правда... И на меня как похожая! Ой...

— Из две тысячи двенадцатого. — Карина, убедившись, что Пахак действительно спит, начала сползать вниз. — И, бабушка родненькая, пожалуйста, дай чего-нибудь попить...

* * *

Через полчаса они сидели возле ручья, вытираившись друг на друга. Мерцал огонек светильника, выхватывая из темноты удивленные девичьи лица. Карина глубоко и часто дышала, потихоньку приходя в себя. Она вымылась в ручье, не обращая внимания на холод, и с благодарностью взяла у бабки сменные штаны с рубашкой, которые та держала под камнем возле ручья на случай, если обход займет больше суток. Переодевшись, Карина почувствовала себя значительно лучше, но все еще никак не могла напиться и то и дело прикивала пересохшим ртом к прохладной сладкой струе. Ануш терпеливо ждала, притулившись на краешке каменной глыбы и сложив руки на худых коленях.

Они сразу понравились друг другу. Сразу и навсегда. Так очень редко, но случается. Видишь незнакомца и понимаешь: да ведь это свой! Цепляешься за что-то неуловимое в мимике, жестах, интонациях, что-то подсказывающее тебе, что этот конкретный человек с тобой на одной

волне. Он — не дополнение твое. Не твоя копия. Он просто твой человек. Друг.

— Спрашивай, — предложила Карина, во-первых, потому, что Ануш все-таки была старше (лет эдак на сто), во-вторых, потому, что еще не знала толком, можно ли пояснить прапрабабке, зачем она здесь, в-третьих, потому, что рот у нее был занят сухарем, который Ануш извлекла из торбы.

— Боюсь, — прошептала Ануш. А потом, подумав, добавила уже спокойно: — Не надо этого мне ничего. Не хочу знать про себя. Инч тарберутйун, Анушджан. Какая теперь разница? Как будет, так и будет. Бог даст, хорошо будет. Правильно будет. Не даст, тоже справимся.

— Ага! Я бы про себя тоже ничего знать не хотела. — Карина стряхнула крошки на пол. И подумала, что она сейчас врет — еще как хотела бы. Не просто знать — еще и переделать.

— Три дня назад ох как поспрашивала бы тебя... — Ануш не слушала, продолжала говорить о своем. — Душу бы продала, чтоб знать наверняка, где нам с любимым будет счастливей всего. А сейчас... Инч тарберутйун. Все равно. Вазгена — брата моего старшего — нет больше. А Макар...

Встала, чуть наклонившись вперед, уставив руки в боки. Вылупилась на Карину глазами огромными и страшными.

— Вот это ты мне скажи! Это хочу знать! Шороховы живы еще? В Ростове ли? Знаешь таких?

Карина кивнула. И тут же пожалела об этом.

— Ты! — Ануш ткнула в Карину пальцем так, что чуть не продырявила насквозь. — Запомни на всю жизнь! Шороховы нам враги! На века враги! Смертельные! Увидишь кого из них — за-режь, загрызи, разорви руками! Что угодно делай, лишь бы гниль эта не ходила по земле! Поняла?

Карину замутило. Такая смертельная, такая тусклая тоска вперемешку со злобой дребезжала в голосе этой черноволосой девушки. А еще ей стало сразу ясно, что рассказывать про своего Макара бабке Ануш лучше не надо. Вот совсем не надо.

— Что-то случилось? Да? — спросила Карина, когда Ануш немного успокоилась и снова вернулась на свой камень.

— Случилось. Три дня назад мой жених брата моего зарезал.

* * *

Семья, род, долг, честь — с одной стороны. Любовь — с другой.

Если ты девочка-дюймовочка, с руками-веточками, с сердечком пылким и чистым, влюбленная и любимая, то что ты выберешь? Что? Ты заказала у лучшей в городе портнихи подвенечный

наряд и нашла в святцах имена для будущих сыновей.

Семья, род, долг, честь или любовь? Ну?

— А ты бы что выбрала, Каринэ... Разве простила бы убийцу брата? — Ануш не спрашивала у Карины совета. Просто нужно было чем-то закончить свой печальный рассказ. Поставить точку.

— Я не знаю, — честно ответила Карина. — Мне дедушку Вазгена ужасно жалко. Ты даже не представляешь, как сильно. А он... он точно из-за этого... из-за Шорохова умер? Ты уверена? Прости! Прости! Не плачь!

Вот так. И ничего у них не получилось! Вазген Ангуриян погиб в драке. Началась и покатилась вперед в будущее вражда, похожая на каменный шар-убийцу — такая же безмозглая. Все осталось по-прежнему. Только вдобавок еще и Макар застрелял неизвестно где. Еще Карине было смертельно жаль сидящую напротив, потерянную, измученную девчущку. Жаль, что вот так нелепо, страшно закончилась ее коротенькая любовь и что она так и не найдет в себе силы простить любимого и забыть не сумеет. Проволочится всю жизнь бобылихой, до смерти будет предана одному лишь лабиринту. Похоронит себя в нем заживо.

Карина поежилась. Надо же. Ведь она так завидовала бабке Ануш. Теперь же зависть исчезла,

сменившись состраданием. Она пересела поближе к новой своей подруге, обняла за худые плечи и прижала к себе. Как будто хотела защитить от того, что ее ждет. А еще поняла, что ничего Анушке не расскажет, даже если та вдруг передумает и все же спросит, что дальше. Не расскажет! Ну, или соврет. Что-нибудь красивое соврет. Например, что у Ануш Ангуриян случилась новая любовь, что сыграли свадьбу, нарожали детей и что в доме их были самые большие в городе рождественские елки и самая вкусная хашлама.

— Полно грустить, Каринэ. Признайся лучше, у тебя самой любимый есть? Как зовут? Красивый ли? Добрый?

— Красивый и добрый. Я же ради него сюда и пришла! Он же дурак... В линзу сунулся и пропал. И вот он где-то здесь, я здесь, только мы ни встретиться, ни выбраться обратно не можем...

— Как так? Да ты плачешь? Да что же это ты... Не плачь! Ну не плачь.

Теперь наступила Каринина очередь рассказывать. Она, в общем, нигде дорогой прапрабабушке не наврала. Просто кое-что предпочла упустить. Довольно много, если говорить откровенно. Зато не скрыла то, что отбила Макара у Пахака (Ануш ведь тоже, как выяснилось, не без греха)... ну и про Барбаро сообщила, конечно. По усеченной Карининой версии получалось как в голливудской мелодраме — быстро, ярко,

не очень понятно и не слишком логично. К счастью, Ануш Ангуриян жила еще в том чудесном веке, когда мелодрамы не набили оскомину. Поэтому внимала Карине с интересом и сочувствием.

По Каринину рассказу выходило, будто бы Макар случайно попал в лабиринт, она там случайно его спасла, потом они случайно поцеловались и случайно полюбили друг друга, еще более случайно к нему попала черепаха, с которой он... конечно же, случайно, а как еще?.. прошел через линзу в неизвестность. Дальше случайностей было уже чуть меньше, но тоже достаточно. Право зрителя, Барбаро, просьба отправить вслед за любимым, линза, разъяренный Пахак, три дня без сна, еды и питья...

— ...и теперь я совершенно не представляю, что дальше. За три дня, что я тут пролежала, он куда угодно мог уйти. Мог даже обратно через линзу убежать — он такой. Он может. — Карина вытерла слезы тыльной стороной ладони, шмыгнула. — Вот как мне его найти? Как?

— Любишь, выходит... Раз даже в линзу за ним пошла.

— Выходит, что так.

Ануш поднялась со своего камня. Взяла торбу, надела на плечо. Потом подошла к Карине, посмотрела ей прямо в глаза.

— Идем-ка, Каринэ. К хозяину.

— Зачем? — искренне удивилась Карина.

— За правом зрителя идем. За моим правом. И не маши руками! Ты все-таки армянская девушка. Армянские девушки своим прапрабабушкам не перечат.

* * *

Звать не пришлось. Мэтр Барбаро уже ждал их, прогуливаясь вдоль стены, — на этот раз прямой, будто палка, торжественный — будто знал заранее, что придут.

— Хозяин, — Ануш подошла к нему, задрала подбородок вверх, чтобы смотреть мэтру в глаза. — У меня просьба.

— Синьорита точно решила? Или зря торопится? Донья Карина уже поторопилась — и?..

Карина вспыхнула. Ну да. Поторопилась. Неужели.

«Не вздумай что-либо у него спрашивать! — говорил Торос. — У каждого зрителя есть право только на один вопрос. Или на одну просьбу».

Барбаро мягко взял Ануш за подбородок. Ободряюще улыбнулся ей.

— Синьорина Ануш. Продолжайте. Я слушаю вашу просьбу.

— А я передаю свое желание Карине. Ей оно понужнее будет. Вот пусть и просит вместо меня.

Барбаро медленно покачал головой.

— Нет? Но почему, почему нет?

— О! Я не отказываюсь. Я сокрушаюсь, когда желание тратится зря. Вы храбрая синьорина, Ануш. О вас будут помнить, — и протянул руку Карине. — А эта маленькая донья, конечно же, снова желает назад за безрассудным другом?

— Да, — прошептала Карина.

Господи, ну какой же идиот. Какой... Он снова поперся через портал. Нет, так с ума сойти можно.

— Я хочу именно туда, где сейчас находится он... мой безрассудный друг.

Карина чуть было не назвала Макара по имени, но вовремя вспомнила, что если Ануш узнает, то не только свое право на просьбу отзовет — проклянет на веки вечные.

— Прощай, Каринэ. — Ануш подошла к ней, обняла за плечи, прижалась щекой к щеке. — Найди его. Найди своего любимого. Мне любить уже не суждено — так ты за нас двоих полюби. Ладно, милая?

— Я постараюсь, — всхлипнула Карина. — Ты... ты меня тоже не забывай.

— Не забуду. Хочешь, стану за тебя... для тебя колыбельную петъ стану, милая. Каждый вечер. И детям своим, если будут они у меня. Нет! Молчи! — она выставила вперед руку, запрещая Карине говорить. — Не хочу знать. Будут дети — хорошо. А не будут, так племяннику

и его сыновьям спою. Вот и получится от меня тебе через сто лет подарок... Кусочек глупой несчастной Ануш.

Карина громко вздохнула. Посмотрела на Ануш невидящими глазами. Кусочек Ануш... Подарок из прошлого? Послание? Ох. Как же она сразу не сообразила.

— Ануш! — воскликнула Карина и заговорила быстро, захлебываясь, не смотря на Барбаро: — У тебя есть с собой что-нибудь, кусочек бумаги... нет, не пойдет... Что-то, на чем можно написать записку.

— Бумаги — нет. Щепка есть, длинная... Пахакова чесалка. Он любит, когда его за ухом скребут... Сгодится? — Ануш запустила руку в торбу и через секунду извлекла оттуда длинную и довольно широкую щепу.

— Давай! То, что нужно.

Карина выхватила из рук прабабушки длинную щепочку и очень быстро выцарапала на ней кончиком ножа: «4.10.2012. вечер не пускай Роб. на крыльцо». Поймет? Не поймет? Должен! Должен понять...

Иосифат Барбаро нетерпеливо протянул руку:

— Синьорина?

— Я... сейчас! Бегу. С прапрабабушкой расцелуюсь, — и обернулась к Ануш. — Послушай... Что бы там ни было, пусть эта Пахакова чесалка станет еще одним кусочком тебя... Короче, ты

ее передай тому, кто встанет на лабиринт после тебя вместе с черепахой, и чтобы он ее дальше следующему зрителю отдал... В конце концов, чесалка — это очень важная вещь!

Ануш серьезно кивнула и сжала в кулачке странное, нелепое, но очень важное письмо в будущее.

— Непременно передам!

* * *

Секунды перехода показались ей вечностью. Холодной, звездной вечностью, в которой крошечной песчинкой сверкает линза, а вокруг нее завивается пыль — люди, время, предметы, город... Потом она шагнула следом за Барбаро с постамента.

Мраморные стены.

Слепящий свет.

— Вот видите, донья Карина, — Барбаро показал на пол.

Карина моргнула. Раз, другой.

— Не... не вижу. А что я должна видеть?

— Черепахи нет. Ваш друг вернулся в свое правильное время, забрал предмет и ушел.

Карина стояла и глупо улыбалась. Улыбалась, еще не осознавая, что произошло на самом деле. Ей просто хотелось улыбаться.

На этот раз мэтр Барбаро не торопился покидать ее. Он стоял рядом. Будто ждал чего-то.

Поэтому Карина решилась спросить — уточнить, еще не веря в свое счастье:

— То есть мы вернулись обратно? В мое время? В мой две тысячи двенадцатый? И он тоже здесь? Он сам залез в линзу и сам вернулся туда, куда было нужно?

— Все так, синьорина Карина.

— Господи! Как же ему повезло! Как же ему всегда везет!

— Ему и не везло. — Мэтр тихонько стукнул тростью об пол, стена, закрывающая зал с линзой, поползла вниз. — Повезло мне. Я редко встречаю новых, молодых странников. Юная синьорина, попрошу вашу помощь.

— Что?

— Я буду рад знакомству с вашим безрассудным другом.

* * *

Макар лежал на полу поперек комнаты и чувствовал себя каменной статуей. Точнее, наоборот, не чувствовал.

Страх и чувство вины сожрали все эмоции. С потрохами. С ливером.

Ужин он вывалил в мусорное ведро — тайком, чтобы мама не видела. Достал из отцовского бара бутылку крепленого вина, сделал глоток, другой... бесполезно, все равно что воду хлестать. Бродил по комнате, механически

передвигая ноги. Туда и обратно, туда и обратно, туда и обратно... Распахнул окно. Снова накрапывал дождь — теплый, мелкий, совсем не октябрьский.

За памятником Стачке переливался разноцветными огнями город. Макар иногда любил усестся на подоконник и смотреть на Ростов: отсюда был виден и кафедральный собор, и колокольня, и новые высотки на набережной. Раньше, на подъезде к дому, как бы ни прошел день, в душе у него всегда находилось место для маленькой радости — мол, высоко сажу, далеко гляжу. Только огромный каменный рабочий стоит выше, чем я. Но теперь...

Макар вернулся в комнату, еще бесцельно побродил и уселся за компьютер. Загрузил свою страницу «ВКонтакте», внимательно, по одной, рассмотрел все общие фотографии за последний год — на которых они были вдвоем с Цыбой. И ничего. Ни слез. Ни боли. Ни сожаления. Только сосущая чернота под ложечкой, в которую соскальзывали все мысли, в которую постепенно проваливался и сам Макар.

— Спокойной ночи! — Отец, проходя по коридору, постучал в дверь.

— Спокойной, — отозвался Макар. Поерзал на стуле.

И лег на пол.

Поперек комнаты.

Раньше на потолке была трещина. Можно было представлять, что это олень.

В прошлом году сделали ремонт.

Теперь трещины на потолке не было. Представлять было нечего.

И незачем.

Макар растерянно моргнул. Раз, другой. Кажется, он заснул с открытыми глазами.

В кармане грязных штанов, брошенных под стол, запиликал телефон.

Пусть звонит.

Позвонит — и перестанет.

Перестал.

Макар закрыл лицо ладонью и сквозь пальцы посмотрел на потолок.

Может, все-таки представить оленя? Или хотя бы что через штукатурку ползет трещина? Хотя бы...

Снова зазвонил телефон.

Макар перекатился на живот, медленно, сосредоточенно подтянул под себя ноги и руки. Пополз к столу на четвереньках.

Выпутал телефон из штанов, не глядя, нажал «прием», спросил — получилось хрипло, чужим голосом:

— Алло?

— Шорох, ну ты че трубу не берешь? Оборзел?

— Алло? — переспросил Макар. Рука с телефоном заходила ходуном, пришлось обхватить запястье и прижать его к щеке. Это что, шутка?

— Але-вале! Я чего звоню. Мы вроде в «Леонардо» собирались. Ты сам клялся. И? Когда идем? Может, сегодня? У них ночная программа ништяк, я глянул.

— Цыба... Гоха! Это ты? Ты живой?

— Ну. Это я, цветов не надо! А ты что, типа, кого-то другого ждал?

— Нет. Слушай... ты только не клади трубку, а? Только не клади! Разговаривай со мной. Я сейчас соберусь и заеду за тобой, ладно? И мы помчим, куда ты только хочешь!

— Ты ж гляди, что страшная детсадовская клятва с людьми творит! — рассмеялся Цыба. — Слушай. Я разговаривать не могу, на толчке сижу. Мне типа неудобно. Ты лучше давай заезжай! До скорого!

* * *

Макар выдернул из шкафа чистые джинсы, уронил телефон, выругался, поднял телефон, уронил джинсы, стукнулся боком об стол, взвыл от боли, запрыгал по комнате на одной ноге, засовывая другую в непослушную штанину... Не верил в то, что друг живой! Не мог верить, но и не верить не мог. Решив пока что не думать о том, что все это может быть сном, галлюцинацией или чьим-то страшным розыгрышем, Макар схватил со спинки стула ветровку, проверил ключи...

Показалось, будто в дверь кто-то тихо постучал. Еще раз... Да нет же, точно, кто-то стучит, но очень осторожно, будто боится разбудить... Макар высунулся в коридор, огляделся по сторонам: свет в комнате родителей уже погас, видимо, они спали. Стараясь не шуметь, провернул замок и приоткрыл дверь.

— Привет, — Карина слегка отшатнулась назад, словно испугавшись. Лицо еще блее, чем сегодня утром, громадные круги под глазами и поцарапанная скула.

— Карина?

Макар выскользнул на крыльцо. Он не понимал, что происходит, но сердце колотилось, и страшно хотелось сжать девушку в руках так сильно, чтобы захрустели все ее тонкие косточки. Сжать и никуда не отпускать.

— У меня нет твоего телефона.

— У меня твоего — тоже. Представляешь?

— У тебя есть мой адрес.

— А у тебя моего...

— Нашла. Как будто это так трудно. Тебя в Ростове все знают. Ты мне одну вещь скажи, пожалуйста. — Карина опустила голову, уставилась на свои кеды. По плитке тянулась цепочка грязных следов.

— Что?

— Цыба... он жив?

— Ты... Это ты. Ты все-таки сделала это? Ты поменяла судьбу? С ума сойти...

— Боюсь, что вышло не совсем так, как мы планировали. Все равно ты Шорохов, а я Ангриян. А если мы начнем серьезно встречаться, то предки нам вынесут мозг.

— Да плевать я на них хотел!!!

* * *

И тут будто порвался экран нелепого, трагического, дурацкого кинотеатра, и зрители ломанули сквозь этот прорыв наружу — под яркое солнце и синее небо, туда, где все настоящее. Живое и настоящее.

Макар бросился к ней, обхватил крепко-крепко, закрутил. Каменная статуя развалилась на кусочки. Сердце встрепенулось и забилося все чаще.

— Ты здесь! Ты есть!

— И ты!

— А я боялся...

— Идиот! Дурак набитый! Знаешь, как я боялась!

— Никому! — Он прижался подбородком к ее макушке. — Никому не отдам, слышишь?

— И чтобы дальше всегда только вместе. Клянись!

— Ну... И еще, чтоб ты знала, Каринка. Я тебя... — потянулся губами ее измученному и счастливому ее лицу.

— Стой! Погоди.

Она вывернулась и ужасно серьезно посмотрела на него. Этот ее взгляд он уже научился узнавать. Смотрительница ростовского лабиринта.

— Тут ждет один человек. Он хочет с тобой поговорить. Я обещала.

— Какой еще человек? — насторожился Макар.

— Заходите, мэтр, — сказала она, оборачиваясь на лестницу. — Прошу вас.

Из тени вышел немолодой мужчина. Чеканное, странное, нездешнее лицо.

— Здравствуйте, — ляпнул Макар. А что еще сказать, когда на тебя смотрит сам Иосафато Барбаро.

— У меня есть к вам предложение, от которого вы не сможете отказаться. Я не займу много времени. — Венецианец улыбнулся, но не снисходительно, а как равный равному. — Впрочем, теперь у вас его, кажется, с избытком. Ведь для нас — странников — время не имеет границ.

— Для кого?

— Вы говорите. Я пока подожду снаружи, — заторопилась Карина.

Барбаро благодарно кивнул. Правила есть правила. И смотрителю лабиринта незачем знать, о чем говорят два странника.

* * *

Через десять минут желтый «Рэнглер» рванул с места в карьер. Макар ни капли не сомневался, как отреагирует Цыба на то, что Шорох приехал не один. Был уверен, что они обязательно понравятся друг другу — его лучший друг и его любимая девушка.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

НАХИЧЕВАНЬ

Хорошей погодой в середине осени ростовчан не удивить, но эта суббота, пятое октября две тысячи тринадцатого года, выдалась такой теплой, что даже заядлым домоседам захотелось вдруг на воздух. По набережной гоняли ребята на роликах и велосипедах, на аллеях парков толстые голуби дрались за семечки, свадьбы фотографировались возле Вечного огня и у Тачанки, а над Доном расплывался золотисто-сиреневый закат. Пищали ласточки. Воздух пах яблоками и дымом. На город опускался вечер — в перламутровых облаках, тихий и теплый. И только редкие кленовые ладошки, слетающие под ноги прохожим, напоминали о том, что на дворе уже не лето.

Двое молодых людей в ярких куртках с нашивками-отражателями не вписывались в субботнюю идиллию. Они быстро шли через Театральную площадь — первый широко шагал, размахивая

руками, и улыбался до ушей, а второй еле поспевал следом, делая пометки в планшете.

— Слышь, Шорох, куда рванул? Давай помедленнее, а? Я еще не все точки успел внести! Тебе хорошо, ты организатор, а обо мне подумал? В гробу я видал этот усложненный маршрут, я как белый человек хотел записаться на долгую, спокойную игру, за открывающих. Раз в неделю выезжать на место ритуала, в балахоне и с мечом, и никаких проблем...

— Не ной!

— А на Парамонах щас ништяк — свечи, заклипания и все такое. Чего мы к Ангурянам премся-то? Ужасно соскучился, давно не виделись, с сегодняшнего утра?.. А я еще и без очков... Буду рисоваться перед Каринкой, как крот слепошарый! Ну что за фигня?

— Не паникуй!

— Кто паникует? Может, я забочусь о своем имидже. Модный стиль — мое второе имя. А ты — отмороженный. Макар! Ну нафиг тогда было меня с собой брать? Сам бы мастерил игру, а меня не впутывал!

— Цыба!

Макар посмотрел на брата сине-зеленым взглядом из-под густой челки, сбавил шаг и громко засмеялся.

Выпорхнули из заросшего палисадничка две девчонки — лет одиннадцати, не больше. Увидев

ребят, тоже прыснули, переглянулись и стреканули обратно в калитку. Цыба не выдержал, тоже улыбнулся и поплелся следом за другом. Спорить с Шороховыми — занятие бесполезное. Тем более с Макаром.

* * *

Макар Шорохов. Во всех смыслах странный человек. Ему восемнадцать. Хотя выглядит он чуть старше — это из-за роста.

Говорят, Макару Шорохову феноменально везет. Да и вообще он — псих!

Кто, как не псих, вместо того чтобы ехать учиться в Европу, останется в родном пыльном Ростове и поступит на прикладную геодезию в строительный университет? Кто, как не псих, в восемнадцать лет будет тратить вечера не на клубы и девочек, а на мудреную городскую игру «Night», чтобы через полгода стать одним из ее организаторов? Да еще и заразит этим увлечением своего толстого занудного друга? Кто, как не псих, станет таскаться по всем развалинам и курганам области, а летом вместо того, чтобы лететь с родителями на Бали, поедет в археологический лагерь под Танаис? Палатка — вместо бунгало в пятизвездочном отеле?!

А еще говорят, Макар — самый красивый на Ростове парень. Кто говорит? Да все говорят. И девчонки из его группы, и с параллельного

потока, и девчонки из других универов. И те, кто знает Макара с детского сада, и те, кто с ним не знаком, но регулярно заглядывает на его страничку «ВКонтакте»... Только говорят шепотом. Чтобы Карина Ангуриян не услышала. Потому что подружка у него — ухх, огонь! Не попадись под руку.

Они вместе катаются по городу и вместе торчат в Публичке, а желтый «Рэнглер» ждет на библиотечной почти всегда пустой стоянке. А еще не так давно они объявили новый конкурс на городском сайте: молодежные инженерные проекты по обустройству хитрых лабиринтов. Ну, типа как в форте Байярд. Кто победит — тому поляма. Нормально, да? Станный все-таки он — этот Макар Шорохов.

* * *

— Шорох, ты меня вообще слушаешь, нет? — Цыба подергал друга за куртку. — Але-вале, прием?!

Темнело быстро, как и бывает на югах. Ночь быстро проглотила закат и выпила звуки вечерней городской суеты. Почти затихли машины — по крайней мере, вдали от главных улиц, — все вокруг стало блеклым, как карандашный набросок. По Дону медленно ползли длинные баржи, лениво переругиваясь басовитыми гудками. Вытянулись, почернели тени, и октябрьский Ростов,

днем разноцветный и улыбчивый, вдруг посерьезнел и накинул серый облачный капюшон.

— Слушаю-слушаю, — отозвался Макар. — Ты не расстраивайся, я сегодня к вечеру закончу с этим игровым маршрутом, рапорт доделать надо, и с завтрашнего дня затусим. Буду тебя катать, куда захочешь. Идет?

— А что это за мужик-то, которому ты документы по маршруту показать и отчитаться должен? Он что, типа, главный-преглавный, московский хрен залетный?

— Главный куратор, ага. Первый выдумал эту движуху с квестами. Глобально если — типа тестирование городской среды или что-то вроде. — Макар улыбнулся. — Только он не московский.

— Ого! Никак, из Урюпинска тогда? Или Бобруйска?

— Да ну тебя в пень! Из Италии он.

— Ита-а-алии, — протянул Цыба уважительно. — И что вы с ним, по-итальянски тереть будете? Он тебе десять слов, а ты в ответ — «нихт андерстэнд»?

Макар фыркнул, махнул рукой и свернул на Девятую линию.

Дом Ангуриянов светил квадратиками окон, будто игрушечная избушка из новогоднего шара со снежной метелью. Висящий под козырьком крыльца фонарь раскачивался, радужное пятно света металось по старым ступеням, и казалось,

дом — не дом вовсе, но спящий дракон, сказочный зверь, что вот-вот захрустит хребтом, сойдет с фундамента и расправит крылья.

Их ждали. С хрипом отворилась входная дверь. Изнутри пахнуло сладким, ванилью или клубничными пенками. Домашний теплый запах, совершенно безопасный. Цыба шмыгнул носом и заулыбался.

— Приветствую, молодые люди. Заходите, — на пороге стоял дед Карины, Торос, бородатый и седой.

— Здравствуйте! — кивнул Макар. — Мы на секунду, с Кариной перемолвиться надо. Позовите ее?

— Позову, — дед уже отвернулся, когда Цыба, со всей свойственной ему деликатностью, выпалил:

— А здорово, что вы тогда меня за шиворот от Бобра оттащили! Ну, то есть от Роберта. А то бы мы навалили друг другу!

— Хорошо, Игорь. — Торос, не оборачиваясь, улыбнулся, и от уголков глаз побежали морщинки — будто лучи солнца. — Ты не представляешь, как хорошо.

Чуть не сбив дедушку в дверном проеме, из дома выбежала Карина и прыгнула Макару на шею.

— Фу-ты, ну-ты, сопли в сахаре, — пробормотал Цыба и вежливо отвернулся.

ЭПИЛОГ

Пожилой мужчина в клетчатой ковбойке и светлых джинсах шел по Соборному от Большой Садовой. Он двигался танцующим шагом, словно не было того груза лет, что побелил волосы в его бороде и вырезал морщины на лице.

Пройдя два квартала, мужчина остановился и достал из кармана лист бумаги. Сверился с планом, удовлетворенно кивнул и повернул направо — к черной двери, напротив которой на тротуаре, примотанный цепочкой к дереву, раскорячился рекламный стендик — интернет-кафе «Лабиринт».

Мужчина медленно спустился по лестнице, будто отсчитывая и продумывая до мелочей каждый шаг, провел ладонью по гладким истершимся перилам. Посмотрел на шахматную черно-белую клетку на полу, усмехнулся своим мыслям и толкнул еще одну дверь.

— Здравствуйте! — Из-за полукруглого столика, заваленного кучей распечаток и фотографий,

сонно улыбался худой админ в черном свитере с высоким горлом. — Меня зовут Сергей, чем могу помочь?

Мужчина молча улыбнулся и протянул визитку с логотипом городской игры «Night».

— На игру записываться пришли? Тогда вам по коридору, потом через большой зал — Тень, по-моему, сидит за столиком в углу. Если не найдете, у бармена спросите, о'кей?

Мужчина благодарно кивнул.

Девушка с черно-красными дредами за угловым столиком сосредоточенно ела горячий бутерброд, но, увидев гостя, выплюнула на тарелку непрожеванный кусок, закашлялась и замахала растопыренными пальцами: мол, сейчас, уже освободилась!

— Здравствуйте, мэтр Барбаро! — Она сдернула с диванчика рюкзак. — Садитесь, пожалуйста. Извините, я вас не ждала.

— Почему не ждали, донья мастер?

— Я же передала все дела Макару Шорохову. Насколько я понимаю, сегодня он должен встречаться с вами и рапортовать о том, как продвигается игра.

— Игра... — венецианец будто смаковал это слово. — Игра — это всегда неожиданно, как мой приход к вам.

— Мне приятно ваше внимание. Надеюсь, вам тоже нравилось то, что я придумывала. Все

эти истории про двери в иные миры, призраки и аномалии, демоны и предсказания. Тайные места. Зброшенные дома. Все это здорово отвлекает молодежь от того, чтобы лезть в лабиринт и совать нос в ваши настоящие тайны — так, мэтр Барбаро?

— Так, донья мастер, — мэтр Барбаро повертел в руках карточку с логотипом игры. — Ночь и день. *Luci ed ombre*¹. Вы любите шахматы?

— Только не когда я в роли фигуры на доске.

— Синьор Макар такой же. Поэтому я думаю, из него получится хороший мастер Игры-над-Лабиринтом.

* * *

— Я буду рад, если наш совместный проект окажется успешным. — Сергей Александрович говорил ровным, уверенным голосом. Только зажатая в пальцах сигарета чуть подрагивала. В глубине души Шорохов до последнего сомневался, не розыгрыш ли это. — Сколько денег нужно для начальных инвестиций?

— Полмиллиарда должно хватить. — Юрий Торосович откинулся на спинку кресла. — Я говорил с несколькими потенциальными инвесторами, они пока не готовы вкладываться, но если дело пойдет хорошо — я более

¹ Свет и тьма (*ит.*).

чем уверен, подтянутся. И город не сможет остаться в стороне. Монорельс в случае Ростова — такая альтернатива другим видам транспорта, что в случае успеха принесет огромную выгоду.

Он замялся, будто подбирая нужные слова.

— Знаете, если бы еще год назад мне кто-то сказал, что мы с вами начнем переговоры, я бы рассмеялся ему в лицо.

— Аналогично. — Сергей Александрович сложил руки на груди. Потом потрянул головой и протянул ладонь через стол. — Ну, чтобы все получилось!

Юрий крепко пожал руку.

— Эдакую махину мы с вами затеяли. Не надорвемся?

— Уверен, что нет. Но если что — дети подхватят.

Юрий Ангурян чуть скривился — он все еще не мог простить Карине самовольства и этой странной, неправильной любви к Макару. Они спорили — правда, уже реже, чем в прошлом году, не больше раза в неделю. Дед Торос в этих спорах был всегда на стороне внуки, ворчал что-то про выгоду и здравый смысл, да и Юрий, положив руку на сердце, признавал, что вести дела с «Империей» Шороховых — для их бизнеса новый уровень.

— Дети подхватят, — кивнул он и первый раз в жизни улыбнулся давнему заклятому врагу.

Эхо шагов металось по тоннелю, отражалось от стен, дробилось на отдельные шелесты и шорохи, собиралось обратно. Шли двое: человек — легкой, ровной и уверенной походкой, а с ним — кто-то на мягких лапах с когтями, те скрипели и цокали по камням.

Возле известковой стены, подняв над головой фонарь, их ждал мужчина с холодной улыбкой, хищным крючковатым носом над тонкими губами и седой, изящно подкрученной бородкой. Одет он был в удобный костюм из мягкой серой ткани с плотными вставками на локтях и коленях.

Звук шагов приблизился. Первым в круг света выбежало чудовище, хихикнуло и, покрутившись вокруг своей оси, улеглось возле ног мужчины. За ним подошла коротко стриженная девушка с бледной кожей и огромными черными глазами, в которых тут же заплясал желто-сливочный свет фонаря.

— Дон Барбаро...

— Донья смотритель.

— Добро пожаловать, мэтр! — Голос девушки звучал официально и серьезно, но в уголках ее рта притаилась смешинка. Она развела руками в стороны и чуть поклонилась. — Лабиринт-на-Дону в полном порядке, мэтр Барбаро. Демон цел. Предмет у посвященного. За год было

две попытки проникновения, обе пресечены. Жертв — ни одной.

— Я слышал, что вы приготовили мне сюрприз. Надеюсь, он приятный?

— Да, — девушка наконец позволила себе улыбнуться. — Я придумала, как обновить ловушки. Вот план, — она протянула листок бумаги. — Здесь все указано. Тоннели станут безопасными и совсем непроходимыми, чтобы жертв больше не было никогда. Пахака мы прокормим...

— Благородно, — мэтр Барбаро усмехнулся. И не поймешь — то ли одобрительно, то ли потешаясь над излишней добротой.

— А из Кобяково сделаем музей. Отец уже договорился с Министерством культуры, пообещал им инвестиции и пожертвования. И они согласились. Так что уже через год...

— Глупо не согласиться. Я тоже в пятнадцатом веке получал удовольствие, когда начинал устраивать лабиринт. — Он приблизил к ее лицу фонарь. Прищурился оценивающе. Вдохнул.

— До свидания, мэтр Барбаро.

— До скорого...

И воздушный поцелуй на прощание.

Пахак, уложив голову на лапу, поглядел вслед удаляющейся спине хозяина и весело промолвил:

— Хихи!

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
Глава первая. Нахичевань	17
Глава вторая. Мукомольный	38
Глава третья. Дом	57
Глава четвертая. Ипподром	86
Глава пятая. Катя	103
Глава шестая. Смотритель	124
Глава седьмая. Дорога до Кобяково	150
Глава восьмая. Черепаха	163
Глава девятая. Утро	176
Глава десятая. Бобр	191
Глава одиннадцатая. Цыба	203
Глава двенадцатая. Парамоновские склады	219
Глава тринадцатая. Крысиные бои	232
Глава четырнадцатая. Линза	251
Глава пятнадцатая. Шорох	265
Глава шестнадцатая. Пахак	294
Глава семнадцатая. Настоящее	306
Глава восемнадцатая. Ануш	314
Глава девятнадцатая. Нахичевань	338
Эпилог	344

Многопользовательская онлайн
стратегия по мотивам литературного
сериала «Этногенез»

ЭТНОГЕНЕЗ

www.voina.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное издание

Лариса Бортникова, Александра Давыдова

РОСТОВ
Лабиринт

Руководитель проекта Константин Рыков

Редактор Полина Волошина

Корректор Наталья Витько

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-директор, автор обложки Алексей Гонтов

Вёрстка Эрик Брегис

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение: Юлия Полянцева,

Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательство «Этногенез»

Россия, 127055, г. Москва, Угловой переулок, д. 4

тел. / факс: +7 (495) 660 04 67

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 29.04.13 г. Формат 84x108 ¹/₃₂
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 11.5 pt
Условных печатных листов — 11

По лицензии ООО Издательство «Этногенез»

ООО Издательство «Этногенез»

Россия, 127055, г. Москва, Угловой переулок, д. 4

тел. / факс: +7 (495) 660 04 67

www.etnogenez.ru

ЗАО «Аргументы и факты»

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая д. 42

тел. / факс: +7 (495) 783 83 55

www.aif.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая образцовая типография, филиал
«УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова д. 14